

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческият журнал № 2 (41)
февраль, 2020

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен февральский номер литературно-исторического журнала «Александръ», с которого мы начинаем публикацию материалов, посвящённых Великой Отечественной войне. В юбилейный 2020 год на страницах нашего издания красной нитью проходит тема Великой Победы.

Хотелось бы поблагодарить наших замечательных авторов, откликнувшихся на приглашение редакции к публикации, размещённое на сайте www.alexlib.ru, и выславших не опубликованные ранее произведения о Великой Отечественной войне.

Война представлена на страницах журнала с разных ракурсов, авторы вспоминают и рядовых, и маршалов. Но все эти произведения объединяет одно – уверенность в справедливости и непобедимости русского оружия, героизме советского солдата, глубокая скорбь о погибших и вместе с тем понимание, что эти невосполнимые утраты не напрасны.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наступивший год Указом Президента России В. В. Путина объявлен Годом памяти и славы. Прошло 75 лет после окончания Великой Отечественной войны, но её последствия и итоги во многом определяют нашу жизнь и сегодня.

Моё детство проходило в военном городке танкового полка. Ветераны-фронтовики, которых ещё много оставалось в строю, были скупы на воспоминания. За них рассказывали искромсанные осколками, прошитые пулями, обожжённые тела. Пример их жизни был уроком и высотой, которой нам хотелось достичь.

Победа в Великой Отечественной войне добавила некую новую грань нашей идентичности. Фронтовики и те, кто ковал победу в тылу, передали последующим поколениям бесценный дух победителей и осознание себя единой общностью, народом, которому по силам любые цели, испытания и жертвы во благо всего человечества.

Военный триумф стал только прологом к достижению истинного величия нашего народа. Не променяв суверенитет и национальное достоинство на заокеанские деньги и блага, он смог собственными силами восстановить хозяйство, совершить прорыв в космос, поставить на службу человеку атом, помочь народам мира сбросить оковы колониализма, но самое главное – возвысить на недостижимую высоту человека труда, воспитать человека-созидателя!

Служение памяти не должно быть самоцелью, иначе любой опыт, идея, жизненно важный смысл консервируются в ограниченном социальном пространстве, поучительный исторический опыт теряет актуальность, а ветераны становятся малопонятной для молодёжи категорией людей.

Память и опыт только тогда имеют ценность, когда могут найти дорогу к сердцу и уму молодых, пробудить в них лучшие национальные черты, помочь осмыслить действительность и дать видение новых горизонтов.

Нашему молодому поколению нелегко. Современное информационное пространство дезориентирует: искажает нашу историю, насаждает индивидуализм и стяжательство, а в школе уже не учитель – а «урокодатель», не учащийся, а «потребитель информации». Разрывается органическая взаимосвязь педагога и ученика, нарушается сакральность в отношениях поколений, и героические страницы нашей истории скоро будут восприниматься как предание или забавный триллер.

Нам нужно идти к молодёжи, нести ей правду и пафос той эпохи, закладывать в сознание и души юных понимание своей идентичности и высокой миссии – сохранить и отстоять доставшееся историческое наследие.

Живое и мудрое слово – это сила. Оно быстрее поможет молодым обрести веру в себя, чувство общности и дух победителей, если намеченная линия жизни будет держаться нравственных вех, корни которых питаются верой, исторической памятью и любовью к Отечеству.

Владимир СЕРЯКОВ,

полковник запаса Вооружённых сил РФ, кандидат военных наук, доцент, кавалер двух орденов Красной звезды, ректор ЧУООВО «Институт экономики и культуры» (г. Москва)

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

В. И. ПОПКОВ (Мичуринск), почётный профессор МичГАУ, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С.А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 2 (41), ФЕВРАЛЬ 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.02.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

6 Владимир Серяков.
У гранатовой реки

18 Леонид Богданович

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

20 Александр Сухачёв.
История солдата

ПОМНИ ВОЙНУ

27 Олег Селедцов.
Помни войну

ПАМЯТЬ

31 Наталья Адлер.
Узнал свою спасительницу

32 А я их ждать буду...

ДУХОВНОЕ

37 Анатолий Труба.
Святитель Лука на Тамбовской
кафедре

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

45 Виктор Карпушин

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

47 Виктор Бакин.
Блокадные девочки

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

61 Тамара Ковальчук

ДЕТИ ВОЙНЫ

63 Вадим Кулинченко.
В оккупации

ПОЭЗИЯ

69 Никита Брагин.
Херсонесская элегия

УЧЕБКА

72 Фёдор Ошевнев.
Штопор

ЖИТЕЙСКОЕ

85 Владимир Герасимов.
Черныш

ВОСПИТАНИЕ

92 Юные патриоты

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

93 Золотая осень наград – 2019

*Моим товарищам-однополчанам,
живым и павшим, посвящается...*

У ГРАНАТОВОЙ РЕКИ

РАССКАЗ

Урочище Бадпаш-Кала ютилось в северо-западном углу провинции Лагман и имело недобрую славу бандитского гнезда.

Оно тянулось вдоль одного из многочисленных отрогов Гиндукуша с юго-запада на северо-восток. К подножью невысокого хребта лепились маленькие кишлаки Бадпаш-Кара-Кала и Бадпаш-Куза-Кала, больше похожие на караван-сарай с далеко разбросанными друг от друга подворьями. Вдоль урочища бежала маленькая безымянная речка, даже не речка, а скорее ручей, с высоты птичьего полёта похожая на блестящую тонкую ниточку. Постепенно набирая силу к нижнему течению, она впадала в реку Кабул где-то у артиллерийского блок-поста «Чашма». Вода и солнце делали это

место настоящим оазисом, удобным для жизни местных дехкан и отдыха путников.

Проводя воздушную разведку караванных маршрутов, мы иногда пролетали над ним, и каждый раз вид зелёных садов, небольших полей на террасах, обнесённых каменными изгородями, пробуждал чувство покоя и умиротворения, желание осесть где-то в подобном месте, растить виноград, детей, радоваться жизни, миру и покою. Тогда, во время этих полётов, мне и в голову не могло прийти, что река и этот живописный уголок на её берегу станут местом ожесточённых боёв, лишений и потерь. Рубежом, за которым останется в прошлом по-детски наивное представление о мире людей, вере и верности,

о смысле и предназначении человеческой жизни, границе добра и зла...

* * *

Зимой 1984 года наш отряд перевели из провинции Саманган на границу с Пакистаном в оперативную зону «Восток», под город Джелалабад. После обустройства на новом месте часть спешно доукомплектовали рядовыми и сержантами, прислали пополнение из резерва офицеров. Командование 40-й армии отвело отряду два месяца на обучение новичков, изучение района оперативного применения и слаживание разведгрупп.

Занятия шли круглосуточно: тактика, стрельба, ориентирование в горах и в пустынной местности, обращение с минно-взрывными средствами, медицинская подготовка – всё, что необходимо для ведения войны в специфических условиях афганских субтропиков. Отбросив в сторону установленные упражнения стрельбы и методики, учили разведчиков тому, что требовал приобретённый боевой опыт: стрелять навскидку, на встыжку, на звук, вести огонь в группе, владению ножом.

Период подготовки шёл к концу, и разведывательные группы понемногу стали, что называется, «обкатывать» на выполнении несложных боевых заданий: патрулировании окрестных дорог, воздушном наблюдении, ближних ночных рейдах и досмотре караванов.

Где-то в середине мая, после выполнения текущей учебно-боевой работы, мы обедали в офицерской столовой. Неожиданно музыка прервалась, и по селектору дежурный объявил, что офицерам отряда необходимо срочно прибыть в штаб.

В небольшой комнате оперативного дежурного, куда мы вбежали, у стола с картой нас ожидал командир, а с ним начальник разведки и начальник штаба отряда.

Начальник штаба подошёл к нам и кратко сообщил, что воздушная разведка обнаружила караван, зашедший в один из кишлаков урочища Бадпаш-Кала. Разведотдел армии дал добро на досмотровые действия, дежурная пара

Владимир СЕРЯКОВ

Владимир Дмитриевич Серяков – полковник запаса, окончил Московское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РСФСР. Участник войны в Афганистане, командовал разведротой спецназа ГРУ ГШ. Награждён боевыми орденами и медалями. В настоящее время ректор одного из вузов г. Москвы.

вертолёт с прикрытием уже находится на подлёте. На досмотр решено было направить группу лейтенанта Скуратова.

Минут через десять пара транспортных «восьмёрок», оставив прикрытия кружиться в стороне, где-то над уездом Кама, уже заходила на посадку, придавливая воздух к земле, разметая вокруг мелкие камешки, бумагу и поднимая пыль. Под напором плотного воздушного потока пальмы, как пьяные, мотали верхушками в разные стороны, пока лётчики не снизили обороты винтов. Бойцы группы Скуратова, разделившись на две колонны, по одному быстро бежали к своим вертолётам, на ходу застёгивая снаряжение, придерживая на голове кепи и панамы.

Ещё минута – и вертолёты взмыли вверх. Не набирая высоты, «восьмёрки» и

сопровождаявшие их «крокодилы» (так называли в среде военных ударно-боевые Ми-24) быстро легли на курс и пошли на северо-восток. Свист винтов постепенно стих, и четыре вертушки сначала превратились в точки, а потом и вовсе растворились в бледно-голубом тропическом мареве.

Мою роту назначили в резерв. Бойцы чистили оружие, расположившись в тени палаток, связывали изолентой попарно магазины с патронами, втискивали их в карманы трофейных разгрузочных жилетов, курили, лениво и беззлобно переругиваясь.

Ждали информации от досмотровой группы. Послеполуденный зной. Изматывающая жара. Несмотря на близость реки, воздух сухой и горячий. Из степи Гомберай тянет, как из духовки. Кажется, жара выжимает из тела последние остатки влаги.

Боеприпасы, резервное питание для раций, дымовые шашки, сигнальные огни – всё получено и приготовлено к загрузке в боевые машины, только старики-сержанты ещё хлопочут: выворачивают ранцы молодых разведчиков, проверяя, всё ли уложено из того, что необходимо, заполнены ли дополнительные фляги с водой и ещё какую-то мелочовку.

Можно отдохнуть. Прислонившись спиной к деревянному каркасу палатки, закрываю глаза. В голове бессвязно текут мысли, они цепляются друг за друга, и из отдельных слов медленно и монотонно складывается что-то знакомое, похожее на рубаи:

*В ручье, что бежит обогретый теплом,
Кусочки граната в луче золотом.
Гранатовым цветом раскрашен закат...*

Это состояние неопределённости затягивается и делает ожидание боя особенно мучительным. Предбоевое волнение постепенно стало сходить на нет. Ещё раз смотрю карту. На ней кишлаки Бадпаш-Куза-Кала и Бадпаш-Кара-Кала обозначены маленькими разбросанными точками, и было непонятно, где заканчивается один и начинается другой. Точно, душманий гадюшник.

На узле связи тоже ждали сообщений от группы Скуратова, но рация молчала. Всё пространство внутри небольшого помещения узла связи и вокруг него наполнено вязкой послеполуденной дремотой.

Вдруг радист встрепенулся, и было видно в открытую дверь, как всё на радиоузле мгновенно пришло в движение. Начальник разведки надел наушники и начал быстро говорить что-то в микрофон и связисту. Тот торопливо делал записи на листе бумаги.

Стремительно прошедший мимо начальник штаба бросил на ходу:

– Скуратов зацепился с «духами», гоняют караван в кишлаке...

Медленно, медленно тянется его величество время... Связь с группой снова пропала, и новой информации не поступало. Солнце давно перевалило зенит и начало клониться к закату. Через полчаса заканчивается лётный день для боевой авиации. Недобрые предчувствия не дают сосредоточиться. Противно ноет под ложечкой. Прибежал посыльный и с одышкой выпалил:

– Срочно к командиру.

Майор Дрёмов стоял, нависая над картой своим тяжёлым медвежьим торсом, покручивая в здоровенной руке, больше похожей на пивную кружку, синий карандаш. Сбоку его лицо напоминало крота: массивный нос, белобрысые усы щёткой и маленькие внимательные серые глаза. Время от времени он склонялся к карте, всматриваясь в какие-то детали, делал пометки. От движения тела мышцы бугрились, и казалось, куртка «песочки» вот-вот лопнет в плечах по швам и разлетится на куски.

– Слушай, ротный, наши ведут бой в Бадпаш-Куза-Кале, прорваться к площадке эвакуации не смогли. Лётчики на резерве топлива вернулись назад. Рано утром на помощь высадим нашу первую роту, десантно-штурмовой батальон из шестьдесят шестой бригады, подбросят на вертушках пехоту. Связи со Скуратовым нет. Они взяли с собой только один боекомплект и по одному аккумулятору на рацию – летели на досмотр. Дело – дрянь...

Он выпрямился, прошёл вдоль стола, взял с края пепельницы дымящуюся сигарету, затянулся и продолжил:

– Сажай роту на броню. Исходный пункт Шамархейль пройдёшь через пятнадцать минут. Выйдешь к броду у Шахидана, переправишься на левый берег Кабула и прорывайся по плато к нашим. К броду постарайся успеть до темноты, местные ночью могут спустить воду с водохранилища. В Бадпаш-Кала до прибытия основных сил окажешь помощь огнём, начнешь вытаскивать их на себя. В остальном ориентируйся по обстановке.

Через пятнадцать минут шесть БМП с разведчиками на броне уже неслись по Джелалабаду, затем пересекли плотину ГЭС и прогромыхали дальше в сторону Сурубая.

К броду подошли в сумерках. Темнота наступила быстро, ночь стояла безлунная, и река еле виднелась под скудным мерцанием звёзд. Насчёт воды командир оказался прав. Поток в реке стал заметно прибывать. Обвязав верёвкой одного из разведчиков, мы спустили его в воду с шестом для определения глубины. Он не успевал делать замеры, проваливался с головой, его постоянно сбивало с ног и сносило вниз по течению. Переправляться нельзя. Вода всё прибывала и прибывала. Огромная свинцового цвета масса тихо катилась мимо, постепенно нарастала, захватывая всё большую часть берега. Мы отогнали машины назад и заглушили двигатели.

Стояла тишина. В такую ночь даже скрежет зубовой слышно за много километров, а тут кроме треска цикад – ничего. Со стороны урочища не было слышно ни звука. Тихо.

Что там наши? Затаились или отходят потихоньку к своим? А может, всё, конец?

Едва край неба тронуло светом, стало заметно, что вода начала спадать, и через полчаса брод стал доступен для переправы. Машины одна за другой, колея в колею, осторожно, как будто на ощупь, двигались на противоположный берег. На головной сидел сержант Брагин и шестом продолжал мерить глубину. Уровень воды стоял на пределе, но машины не стаскивало течением вниз, и они вполне устойчиво преодолевали реку.

Ещё было сумеречно, когда вся техника переправилась на другой берег и, втянувшись в глубокую расщелину, медленно двинулась вверх по дну сухого русла, плавно покачивая на камнях бронированными корпусами.

Плато, казавшееся ровным на карте и с вертолёт, в действительности оказалось изрезанным множеством промоин, глубоких оврагов с высокими вертикальными стенками, и всё это, переплетаясь друг с другом, было похоже на лабиринт с минотавром где-то в конце.

Время поджимало. По прямой оставалось километров десять, но в узких лабиринтах мы потеряли ориентировку. Авиации в небе ещё не было. Оставалась последняя надежда вырваться из ловушки – найти проводника из местных. Со стороны Бадпаш-Кала по-прежнему не доносилось ни звука.

Место безлюдное. Основные тропы, по которым ходили кочевники и местные жители, пролегли северо-восточнее и западнее, огибая это плоскогорье широкой дугой. Встретить кого-либо в этих галереях представлялось маловероятным.

За очередным поворотом расщелины явилось чудо: небольшая отара овец и коз рядом с шатром, у которого копошился с детьми пастух. Его жена из сухой травы и корней деревьев разводила костёр под треногой с чайником.

С головной машины спрыгнул сержант Муминов, вместе с ним кто-то из рядовых. Они взяли афганца под локти и подвели к командирской БРМ. Переводчик-фарсист начал расспрашивать его о дороге и перевёл мою просьбу провести колонну в Бадпаш-Кала. Афганец – высокий, сухопарый и жилистый мужчина в изрядно поношенной одежде, калошах с загнутыми носами на босу ногу – категорически не соглашался.

Жена пастуха перестала возиться с хвостом, выпрямилась и с испугом смотрела на нас. Дети жались к её ногам, цеплялись грязными руками за подол. Время шло, стало совсем светло. На все просьбы пастух спокойным твёрдым голосом отвечал: «Нэй!»

В фигуре, жестах, взгляде афганца перед лицом вооружённых людей не было ни страха,

ни раболепия. Весь его вид выражал невозмутимость и скорее какое-то равнодушие к своей участи, словно он глубже нас понимал всю мимолётность земной жизни и не придавал ей большого значения.

– Шарапов, – обратился я к замполиту роты, – договорись с «таможней», что-то у переводчика туго идёт. Покажи «дипломатию канонерок».

Замполит, рано полысевший крептыш с рыжей густой бородой и легендарным сочетанием имени и фамилии – Володя Шарапов – спрыгнул с машины, быстро подошёл к афганцу, сорвал с него чалму и распустил.

– Там люди гибнут, а вы базары гнилые разводите! – срываясь на фальцет, прокричал он переводчику и Муминову. – Щас мы его уговорим, выб...ка косолапого!..

Скрутив длинный кусок материи в тонкий жгут, ловко связал на одном конце петлю и затянул на шее пастуха, другой конец чалмы завязал на кончике ствола пушки. Оператор медленно поднимал ствол. Ноги пастуха стали отрываться от земли, петля стянулась на шее и вытянула её вверх. Афганец продолжал упорствовать. Замполит снова подал оператору знак. Пушка поднялась ещё выше, так, что кончики пальцев ног почти не касались земли. Петля перехватила кадык, и тело забилося в судорогах, левая штанина стала намокать у паха, и струйка, стекая по голой лодыжке, часто-часто закапала в песок. Жена его стояла в оцепенении, прижимая детей, и не двигалась с места. Переводчик повторил требование, и пастух еле успел прохрипеть: «Бале!»

Ствол опустили. Верёвка ослабла, и несчастный повалился на землю, как куль. Мужчину освободили от пут, сунули в руки чалму и, поддерживая за шиворот и под руки, загрузили на ребристый броневой лист над трансмиссией. Пастух упал навзничь и какое-то время лежал без движения. Лицо его спрыснули водой, напоили, кто-то сунул в руку галеты, и колонна медленно двинулась дальше. Пробирались на ощупь, объезжая намытые весенними водами крупные валуны. Разведчики внимательно осматривали острые закраины вертикальных

стенок промоины в готовности мгновенно отвести ураганным огнём на любую опасность.

Колонна, глухо урча двигателями и нещадно коптя, уже поднималась наверх, к Бадпаш-Кала. До выхода к урочищу оставалось совсем немного, промоина увеличилась, расширяясь дальше всё сильнее, она постепенно перешла в довольно нахоженную тропу.

На связь по радиации вышел командир отряда. Он указал нам координаты посадочной площадки для вертолётчиков и приказал обеспечить высадку на неё десанта.

Боевые машины выскочили в долину и развернулись в линию, разведчики спрыгнули на землю и бегом направились к заранее указанным местам, беря в полукольцо площадку десантирования. Машины укрыли за полуразрушенными дувалами и террасами, бойцы заняли удобные позиции среди валунов и приготовились к бою.

Тем временем с юга нарастал густой гул приближавшейся массы вертолётчиков. Гул становился сильнее. Когда стали различимы силуэты вертушек, сигнальщики зажгли красные дымовые шашки, обозначая нас и площадку десантирования.

Первыми на бреющем подошли «крокодилы». Они встали в карусель и ударили неуправляемыми реактивными снарядами по дувалам, склонам ближайших горных отрогов, оврагам и расщелинам. В это время первые Ми-8 с десантом на борту уже заходили на посадку.

Грохот разрывов, треск авиационных пушек, свистящий рёв вертушек слились в сплошной вой. Грохот давил на виски, разрывал мозг. Смрадный дым горящей соломы и какой-то рухляди постепенно расплзался по долине, заполняя низины и впадины.

Посадочная площадка располагалась на небольшом плато и могла вместить не менее двух вертолётчиков сразу. Пары высаживались одна за другой, из их нутра вываливались навьюченные десантники. Горбясь под грузом, они скатывались вниз к подножью площадки и, подгоняемые в спину потоком воздуха, мелкой трусцой в колонне по одному сразу разбегались по своим направлениям. Опростав чрево,

вертушки так же парами, будто отталкиваясь от земли, прыжком с крутым разворотом ушли обратно за новой партией десантников.

Противник никак себя не проявлял. С первой ротой прибыл командир нашего отряда. Дрёмов сообщил, что армейское командование приняло решение провести в районе Бадпаш-Кала ограниченную операцию с задачей найти группу в живом или мёртвом виде, а заодно основательно подчистить окрестности. Оказалось, месяц назад здесь во время операции в ущелье десантники понесли серьёзные потери.

Необходимо было расширить зону поиска, выбив духов с окрестных высот, чтоб не донимали обстрелами поисковые группы и не могли держать под огнём посадочную площадку, а затем прочесать окрестные ущелья. Остаткам моей роты – тем, кто не обеспечивал прикрытие посадочной площадки совместно с первой ротой поручалось подняться по склонам отрога и занять часть хребта по водоразделу.

Обе роты двинулись вперёд. Шли уступом. Первая успела пересечь речушку и уже начала карабкаться по склону выше и левее, разбившись на мелкие подгруппы. Они уже преодолели треть пути вверх по нескольким довольно пологим водосливам, когда откуда-то сверху, из груды камней, раздался одинокий сухой, как щелчок, выстрел, затем второй, третий, стукнули пулемёты. Наши ответили. Завязался бой.

Мои ещё не успели достичь подножья и двигались по ровному участку местности двумя колоннами. Душманы ударили по нам. Рота развернулась в цепь и залегла. Огонь был интенсивным, но беспорядочным и не прицельным. Мы начали перебегать вперёд от укрытия к укрытию, стремясь достичь подошвы горы. Обстрел усилился, стал плотней, и рота где по-пластунски, где короткими бросками ринулась к ближайшим камням. Пули ложились всё ниже, так что нам пришлось ползти, вжавшись в каменистую землю.

Все мы почти одновременно выползли на берег речушки. Солнце уже взошло и начало припекать. Русло, наполненное чистой прозрачной водой, отражало свет и немного слепи-

ло глаза. Глубина была небольшая, и вода успела прогреться. Подняться было невозможно, и я вползал в неё, постепенно погружая локти и живот в тёплую мятущуюся воду.

Вода проникала в куртку, штаны, ботинки. Двигаясь вперёд, приходилось энергично работать локтями. Попутно хлебали воду, чтобы утолить жажду. Она была чистая, свежая и невероятно вкусная. Дно основного русла оказалось покрыто мелким белым песком, и по всей длине ручья, по самому дну, то расплываясь, то собираясь в плотный жгут, виднелась красно-бордовая струя. Сначала подумал – кровь! И этот кровавый поток начинался где-то выше по течению. Он то распадался и бледнел, то собирался вновь, скручивался и становился цвета запёкшейся крови. Присмотревшись внимательнее, я увидел, что это не кровь, а мелкие красные песчинки.

Взял горсть красного песка и поднёс поближе к глазам – это был гранат! Самый настоящий афганский гранат! Целая жила, которая пробивалась из недр, выходила в этом месте на поверхность, растекалась вниз, извиваясь от потока воды и рассыпаясь струйками вниз по течению. Сунув пятерню с растопыренными пальцами глубже в мягкое песчаное дно, вывернул его. Струёй с ладони смыло мелочь, и на ней остались довольно крупные камни цветом от розовато-сиреневого до тёмно-вишнёвого. Я выбрал тот, что был самым крупным и тёмным. Ещё влажный, он искрился и играл на солнце. Пули шлёпались в воду уже совсем рядом, поднимая невысокие фонтаны. Я сунул его в нагрудный карман и быстро пополз дальше, отталкиваясь локтями и коленями от дна. В висках стучала кровь, и в такт движениям рук и ног снова звучало знакомое, но память никак не могла уловить, что это и откуда:

*В ручье, что бе-жит обо-гретый теп-лом,
Кусо-чки грана-та в луче золо-том...
Грана-товым цветом раскра-шен закат,
Грана-товый берег, грана-товый сад...*

Мы с радистом выбрались на пологий противоположный берег, юркнули в груды камней,

заросших кустарником, и огляделись по сторонам. Слева и справа от нас уже рассыпались в цепь остальные ребята, ожидая очередной команды. Командиры подгрупп уточнили у меня свои задачи, и рота двинулась дальше вверх по склону.

В глубине ближней к нам расщелины между камнями мелькнула бирюзовая балахонистая одежда. Справа раздался грохот, кто-то запустил в ту сторону гранату из одноразовой «мухи». После взрыва раздался хруст, поднялись пыль, дым и ошметки какого-то тряпья. Сверху, из нагромождения камней, по нам стреляли из автоматов. Через несколько секунд это место покрылось сизоватым дымком разрывов – это наши ответили залпом из подствольных гранатомётов.

По рации прохрипело: «Сова, я Сова-1, у меня 300-й». Спрашиваю: «Кто?» В ответ прозвучало: «Попков...»

Тяжёлая пуля от «бура» вошла ему в живот сверху вниз, распоров брюшину и разворотив кишки. Раненого оттащили в укрытие и перевязали, а потом, прикрываясь дымовыми шашками, вынесли к площадке эвакуации.

Склон отрога представлял собой груды камней, наваленных природой в виде уступов. Мы быстро двигались дальше. «Духи» как бы нехотя отстреливались, и было видно, что они отходят за водораздел хребта. Справа опять ухнул гранатомёт, застучал было пулемёт, но осёкся и замолчал.

У соседа слева стоял непрерывный треск автоматных очередей, сквозь него слышались взрывы ручных гранат, тяжёлые, с двойным звуком выстрелы из «буров» и чей-то отборный мат.

Продвигаясь вверх, тут и там наталкивались на кучки стреляных гильз, обрывки бинтов, ваты с каплями крови и окровавленные лоскуты разноцветной одежды. Мы наконец добрались до вершины отрога, засев за камнями почти по всей его длине.

Внезапно всё стихло. Душманы отошли на новые позиции, сели недалеко и чуть выше нас по хребту, но сильно не беспокоили.

Из винтовок до места поиска группы им всё равно уже было не достать.

Прилетели штурмовики, за свой нахохленный вид прозванные «грачами». Они не спеша, деловито встали в круг и начали «обрабатывать» хребет от наших сигнальных дымов и дальше до самой вершины. И это был сущий ад...

* * *

Попков лежал на плащ-палатке и умирал. Умирал тихо. Бледное лицо осунулось, глаза, когда-то дерзкие, чуть навывкате, с вызовом и нагловатой искоркой в зрачках, потухли и больше смотрели в одну точку. Дыхание было незаметным. Выразительные красивые черты сгладились, стали мелкими. И без того мальчишеское лицо казалось вовсе каким-то детским и серо-зелёным. Он лежал неподвижно, и только изредка правая рука произвольно сгибалась в локте, пальцы нервно перебегали по складке штанов, и рука обессиленно падала вниз.

Губы покрылись белым налётом и потрескались, он пытался их смочить языком, но сил не хватало, и от движения губ казалось, что он шепчет. Наспех перевязанная рана кровоточила. Бинт набух от крови, и красное пятно медленно расползалось к низу живота. Рядом валялись пустые шприц-тюбики промедола.

Здоровенный рыжий сержант с перебинтованной рукой из соседней роты углом плащ-палатки прикрывал голову раненого от палящего солнца и вполголоса матерился. Он не спрашивал Игоря, как он там и что надо, не говорил слов утешения. Ему, бывалому и обстрелянному, и без того всё уже было ясно.

Его напарник – парень с широким деревенским лицом из недавнего пополнения – смотрел на раненого с любопытством и волнением, моргая белёсыми ресницами, машинально смачивал ему губы водой из фляги. Это был первый в его жизни человек, смертельно раненный у него на глазах, и он притих в ожидании того страшного и таинственного момента, когда душа лежащего рядом оставит тело и пересечёт невидимую границу между реальностью и небытием.

В складках его лба, сеточке ранних морщин в уголках глаз скапливались мелкие капельки,

постепенно набухали и стекали по пыльным щекам и виску, образуя грязные кривые борозды. И было непонятно, пот это или слёзы, да и какое это имело сейчас значение?

Где-то на юге послышался гул санитарной вертушки. Она появилась внезапно, вынырнув из-за холма, тут же пошла на посадку. Пыль, песок и мелкая галька поднялись клубами, больно секли по рукам и лицу, не давали открыть глаза и сбивали с ног, набивались за пазуху. Пилот сбавил обороты винта, и раненых на палатках понесли в вертолёт. Через пять минут он снова взлетел и ушёл на бреющем, исчезнув так же внезапно, как и появился.

Игорь умер в вертолёте. Умер тихо, без стонов, конвульсий и причитаний. Он просто перестал дышать.

* * *

Бой продолжался. Командира отряда и меня вызвал на КП руководитель операции. Полковник Иванченко по-кавалерийски верхом сидел на штабеле пустых гранатных ящиков и в бинокль наблюдал за высокой горой, торчавшей, как куль, в центре горного прохода и перекрывавшей доступ в глубину долины. Уже второй день самолёты и вертолёты, встав в «карусель», утюжили её вершину и подступы к ней, но всё безрезультатно. Каждый раз, как только они уходили на базу, «духи» снова вылезали из своих щелей и схронов, рассыпавшись по камням в цветных одеждах, перепоясанные кожаными ремнями с патронными гнёздами, бесцеремонно разглядывали нас в бинокли, положив оружие на колени. Когда штурмовые группы мотострелков пытались пробиться в долину, душманы мгновенно разбежались по своим укрытиям и открывали бешеный огонь из всего, что у них было.

– И что это там за супостат такой, слышь, комбат? – спросил Иванченко, не поворачивая головы в нашу сторону. – Видишь, как тараканы, расселись... Таракан, таракан, тараканище... Бери одну роту с Куза-Калы, и чтоб к вечеру этот пупок был наш. Авианаводчик будет через 10 минут.

– Ты, что ли, пойдёшь? – обратился он ко мне.

– Так точно.

– Давай, двигай. Учти, пехота утром там одиннадцать человек потеряла. К подножью даже не подпустили. В районе кишлака напоролись. Отходят назад.

Мы с командиром отряда спустились вниз к подножью плато и по узкой тропе пошли в расположение отряда. Собрав офицеров, Дрёмов уточнил нам задачу. Всех, кроме механиков и наводчиков, распределили в две штурмовые группы. Уточнили направления атаки, порядок связи, взаимного опознавания и взаимодействия в случае действий противника.

Командира подозвали к радиостанции. Он выслушал молча распоряжение и через плечо бросил:

– Авианаводчика не будет. Пойдёте так.

Без вертушек дело представлялось совсем кислым.

К подножью горы выдвигались в общей колонне, а метров за триста до кишлака разделились на две подгруппы. Левою командовал замполит. Его командировка заканчивалась. Через три месяца обратно в Союз, и ни одной боевой награды! Он часто сетовал по этому поводу, жаловался на судьбу, а сейчас представлялась отличная возможность как-то решить эту проблему.

Сначала мы быстро продвигались по извилистой балке. Ноги были ватными, не слушались, и от этого я постоянно спотыкался. Где-то левее по соседнему водостоку возвращалась пехота. На плащ-палатках несли раненых и убитых, на плечах тащили несколько трофейных стволов и свои миномёты. Запылённые, затянутые в тяжёлые бронежилеты, чуть согнувшись под тяжестью вещмешков, раций и другой воинской клади, шли усталым мерным шагом, поднимая пыль сбитыми ботинками.

Из плащ-палатки, куда была свалена студенистая масса человеческого тела, торчала и свешивалась к земле голень с задранной штаниной. Ступня в рыжем изношенном ботинке раскачивалась в такт ходьбе, с тупым стуком билась о камни.

Пехотный командир, высокий, рослый и довольно зрелый по годам капитан с седыми усами, весь серый от пыли, обстоятельно рассказал подробности боя, рукой указал, где и в каком месте замечены позиции душманов, и пошёл догонять своих бойцов.

Метров за сто пятьдесят до ближайших дувалов на вид нежилого кишлака по нам открыли огонь снайперы.

– Ну вот и объявились голубчики.

На душе стало спокойнее. У «бура» пуля тяжёлая с двойным шаркающим звуком. Одна из них, шипя, пролетела чуть в стороне и глухо шлёпнулась в сухую каменистую землю.

По мере приближения к кишлаку огонь, что называется, «загустел». «Духи» пристрелялись, стали забирать ниже, и пули шаркали где-то совсем рядом. Мандраж прошёл, и я погрузился в обычную командирскую работу.

В кишлак ворвались с двух сторон, прошли краями. Началась беспорядочная стрельба. В проулках от стены к стене металась местная в широких хламидах, давали наугад одну-две очереди из автоматов в нашу сторону, быстро исчезали в многочисленных переходах. Где-то слева ухнула РГД-шка. Сначала одна, потом вторая, третья...

«Да, резво попёр замполит. До медали точно добежит первым, а обратно?..» – проскочило в голове.

На моей окраине кишлака опять вспыхнула стрельба. Пули взбивали пыль на верхушках глиняных изгородей, мелкие камни сыпались вниз, но нас не задевали. Сначала послышался сплошной треск, затем он распался на отдельные очереди и внезапно прекратился совсем. Изредка слышались одиночные выстрелы.

«Мои подчищают дворы, чтоб никто из чужих не остался за спиной», – мелькнуло в голове.

Выбив небольшую группу моджахедов из кишлака, мы быстро пересекли глубокий узкий овраг и оказались у самого подножья горы. Здесь было легче. В мёртвом пространстве нас почти не было видно. Опасность заключалась в другом: при подъёме мы могли встретиться с противником внезапно, нос к носу, и тут выиграет тот, кто увидит первым, у кого реакция быстрее.

В гору лезли с двух сторон, выбиваясь из последних сил, упорно, без остановки. Во рту пересохло, пот заливал и ел глаза. Локти и предплечья саднило от порезов и ссадин, а в голове всё крутилось, как заевшая пластинка:

*В ручье, что бежит обогретый теплом,
Кусочки граната в луче золотом...*

Стрельба со стороны «духов» была редкой и неприцельной. В начале подъёма склон был крутой, и, скорее всего, они нас не видели, стреляя больше наугад, для острстки. Мы не отвечали. Надо во что бы то ни стало до темноты занять вершок, сесть в круговую оборону, и сутки жизни нам обеспечены! Целые сутки, а там посмотрим ещё, кто кого.

С каждым десятком метров мне становилось всё тревожнее. Не давала покоя мысль: «Почему "духи" так неактивны и замолчали?» По карте до своих, казалось, было недалеко – метров пятьсот, а в действительности – километра полтора. И тут до меня дошло: они ждут, когда мы залезем на вершину, а потом просто спустятся ниже метров на сто – сто пятьдесят и возьмут нас в кольцо. Из долины пули наших до них не добьют, авиацию применить невозможно – можно задеть своих. Словом, бери шурави голыми руками. Значит, туда мы поднимемся, а обратно спустимся или нет – ещё большой вопрос. Спускающийся с вершины для засевающего внизу – это всегда удобная цель, он виден на фоне неба, как мишень в тире.

Приказал замполиту оставлять по два-три бойца на расстоянии прямой видимости друг от друга на всём маршруте восхождения и свою группу сместил поближе к его. Ещё рывок – и мы будем наверху.

Рация перестала шипеть, и в наушниках голос Дрёмова пробулькала: «Сова, я Родник, отходи назад в исходное положение, закрепись внизу в кишлаке, вынеси по одному посту на соседние высоты и жди указаний. Наших нашли».

Группу Скуратова нашли на месте её последнего боя. Тела ребят без одежды, оружия и снаряжения лежали с обеих сторон неглубокой

промоины, покрытой валунами и невысоким жухлым кустарником, каждое на своей позиции в ворохе стреляных гильз. Сержант Асланов лежал выше по склону, почти на его краю, с разорванным гранатой правым боком. Он подорвал себя сам, когда кончились патроны, чтобы не попасть в плен. Внутренности из широкой рваной раны вывалились наружу, прилипли к песку и уже начали подсыхать, покрытые роем мух. Командира группы Скуратова обнаружили метрах в тридцати от промоины. Расплющенная голова лежала на огромном плоском валуне, и верхние зубы, выдавленные ударом из полости рта, торчали резцами вперёд. Его с трудом удалось опознать по трусам с широкой белой полоской на боках и родимому пятну на бедре левой ноги. В воздухе уже чувствовался трупный смрад, приторный и тошнотворный. От жары тела начали вздвигаться и покрылись бордово-синими пятнами.

Молодые солдаты из недавнего пополнения положили останки разведчиков на плащ-палатки и понесли к площадке эвакуации. Пусть привыкают «к трапезе нашей». По дороге носильщиков рвало. Они то и дело склонялись в стороны и давились рвотными спазмами, желчью и тем, что ещё осталось в желудке и выходило наружу. Через пятнадцать минут вертолёты, загруженные под завязку «грузом 200», ушли на базу.

Операция завершилась. Началась эвакуация десантно-штурмовых подразделений. Развернув пушки боевых машин в сторону гор и заняв указанные позиции, рота прикрывала вывод всех, кто принимал участие в поиске погибших и в очистке района от мятежников.

Штурмовики попарно заходили на боевой курс, обрабатывали ракетами и из бортовых пушек ближайшие склоны по мере отхода занимавших их десантников. После отправки последнего десантного подразделения самолёты ушли на свою базу в Баграм, бросив на прощание в ближайшее к нам ущелье «сотку» – стокилограммовую авиабомбу.

Она гулко ухнула, выкинув вверх фонтан камней и песка. Через какое-то время взрывная волна докатилась до нас,шибанула в голову,

оглушила, кинула к стенке дувала. Когда рассеялись остатки пыли и гари, над долиной и горами нависла гнетущая тишина.

Нам предстояло идти назад своим ходом, последними оставлять урочище Бадпаш-Кала. Из Джелалабада на прикрытие колонны пришла пара «двадцатьчетвёрок», которая начала кружить над нами и рыскать по окрестностям, водя по сторонам тонкими, как жала, стволами бортовых пушек. Народ на броне приободрился, кто-то закурил, вполголоса забалагурили.

По прежнему маршруту идти было нельзя – можно нарваться на засаду. Душманы нас просто так не отпустят. Не таковский они народ. Командир пары Ми-24, оставшихся на прикрытие, по радиации сообщил, что наблюдает движение «духов» в нашу сторону в распадке метрах в 300 северо-восточнее. Значит, моё предположение подтвердилось – путь, по которому мы шли сюда, уже перекрыт, надо искать новую дорогу.

Переводчик спросил нашего проводника о другом маршруте. За дни, проведённые с нами, этот степенный, немногословный малый немного успокоился, как-то прижился у нас. Звали его Парвиз. Он сдружился со старшиной Петровичем и помогал ему в нехитром полевом солдатском хозяйстве. Из его слов выходило, что есть ещё одна нахоженная тропа, и она проходит на юго-западной окраине урочища. Парвиза снова водрузили на башню головной машины, и колонна двинулась в обратный путь.

Он сидел на поролоновой подстилке, возвышаясь над всеми, величаво, осанисто, и ровным голосом отдавал указания, как и куда ехать.

– Ишь, прямо фараон, – прошипел Володя Шарапов.

– Ага, точь-в-точь На-ху-ву-до-носер! – со смешком поддакнул пулемётчик Казачок.

– Прекрасно образованы стали трактористы в Вологодской области, – Шарапов хмыкнул и отвернулся, давая понять, что диалог закончен.

Через полчаса движения мы очутились у края глубокой промоины с высокими и крутыми стенками. Углы наклона стенок были предельными, но альтернативы не было. Машины

надо спускать здесь. Механики под руководством зампотеха роты хлопотали с тросами. Несколько тросов сцепляли один с другим, а потом один конец прикрепляли к спускаемой машине, другой, для страховки, – к машине, стоявшей следующей на очереди для спуска.

Приступили к спуску первой БМП. Она начала движение медленно, потом всё быстрее и быстрее, постепенно зарываясь носом в грунт. Механик Грицак жал на тормоза, но они уже не держали. Бронированная машина не слушалась штурвала, быстро сползала вместе с осыпавшимся грунтом, и её корма поднималась всё выше и выше, грозя опрокинуть корпус через нос, угробить механика и закрыть последний свободный путь назад. В критической точке трос резко натянулся, корма дёрнулась и опустилась. Машина плавно сползла на дно промоины. Таким образом удалось переправить вниз всю оставшуюся технику.

Оставалось два с небольшим часа светового дня. За это время мы должны одолеть около 10 км под прикрытием вертушек, выйти к броду через реку Кабул и успеть перейти под огневое прикрытие нашей артиллерии.

Неожиданно за очередным поворотом выяснилось, что колонна идти не может. Русло перекрывали огромные валуны. Время сжималось неумолимо. Солнце нависло над самым горизонтом, готовое по своему южному обыкновению мгновенно упасть за горную гряду.

Разбившись на группы, тощие, измождённые люди, как муравьи, облепляли камни. Цепляясь мёртвой хваткой за острые края и выступы, напрягая все жилы, и солдаты, и офицеры начали откатывать их в стороны, расчищая путь. Камни были шершавые, с зазубринами. От них на ладонях лопалась кожа, из рваных ран сочилась кровь, но никто не обращал на это внимания. Так, оттаскивая и сдвигая в стороны валуны, мы двигались вперёд больше часа.

Ниже по руслу камни стали меньше, дно расщелины покрылось плоским галечником, и колонна пошла быстрее. Неожиданно головная машина из узкого каменного лабиринта выскочила на открытую широкую площадку – остров

на слиянии двух пересохших русел. Место мне показалось знакомым. У зелёного кустарника стояла выдавшая виды знакомая палатка нашего проводника. Рядом грудилась всё та же отара. До переправы оставалось совсем немного.

Замполит положил одну руку на автомат и, махнув другой, сказал проводнику, чтобы тот шел вперёд. Парвиз, покосившись на оружие, прыгнул с машины в песок и медленно, заплетающимися нетвёрдыми шагами двинулся в сторону своего хозяйства. Так идут, ожидая выстрела в спину, когда ловят последние мгновения жизни.

Его жена, прикрытая ветхой одеждой, хлопотала у отары. Она подняла голову и увидела своего мужа. Некоторое время женщина стояла в недоумении, затем неуверенно, как будто вглядываясь, двинулась ему навстречу. Когда оставалось несколько метров, ноги её подкосились, она рухнула на колени и поползла к нему, опираясь одной рукой о землю, а другую простирая вперёд и вверх, словно обращалась то ли к Аллаху, то ли к нам. И было непонятно, шлёт ли она хвалу или проклятья.

Афганка обняла его ноги за щиколотки и припала к ним, время от времени поднимая голову с открытым ртом в беззвучном плаче, и было видно, как спёкшаяся длинная слюна оторвалась от губы, слегка изгибаясь на ветру, и улетела куда-то в сторону. Наконец она судорожно вцепилась мёртвой хваткой в его колени, так, что вены на иструженных заскорузлых руках вздулись, уткнулась в них головой и замерла, как символ скорби, не издавая ни звука. Подбежали оборванные и чумазые дети. Они смотрели на нас без страха, с любопытством своими чёрными, как мелкие маслины, глазами.

Сидящий рядом на башне старшина Петрович просипел:

– Товарищ командир, там, в десантном отделении, консервы, сахар... На кой они нам? Сухпай всё одно в глотку уже не лезет, может, отдадим ему? – он кивнул в сторону проводника.

– Возьми из продуктов всё, всё, что можно мусульманам, и отдай.

– И сахар? – спросил он.

– И сахар, и сгущёнку, – сказал я, – ты же сам говоришь, на кой оно нам.

Бойцы скрылись под бронёй внутри машины, какое-то время шуршали пакетами и кулками, стучали банками. Открылась задняя бронированная дверь, и двое «молодых» бойцов оттащили ящик с консервами, пачки сахара и галет к убогому жилищу пастуха. Не меняя поз, вся семья молча смотрела на происходящее. Женщина подняла голову от колен мужа и, казалось, безучастно тоже наблюдала за солдатами.

Они сложили ящики и груды коробок у входа в палатку, затем трусцой двинулись назад под недовольный рык командира отделения. На половине пути один из них, что-то вспомнив, остановился и бегом вернулся назад. Он достал из накладного кармана куртки три пайковых плитки шоколада в замызганной белой обёртке и сунул в руки чумазым девчонкам. Быстро бегом вернулся к машине, вскочил на верхний броневой лист, получил от старшины звонкую затрещину за нерасторопность, и под общий гогот колонна продолжила обратный путь.

Перед поворотом русла я обернулся назад. Пастух и его жена стояли вдвоём, окружённые своими детьми. Подошла лохматая собака, медленно обошла вокруг ноги хозяина, сунув морду ему между колен, уставилась в нашу сторону. Все они, словно застывшая скульптурная композиция, смотрели нам вслед до тех пор, пока последняя машина не скрылась за поворотом.

Кем мы останемся в их памяти, что они будут думать о нас через годы? Дай Бог, чтобы природная мудрость не оставила в их душах злобы и ненависти к тем, кто невольно нарушил устоявшийся и размеренный ход их и без того непростой жизни.

Вертушки ушли. Колонна подползла к реке уже в сумерках. Мы дали сигнальную ракету, и в нашу радиосеть вошёл командир артбатареи прикрытия. Её старший офицер уточнил координаты колонны, и через пару минут с батареи дали пристрелочный выстрел дымовым снарядом. Сзади нас на откосе ухнуло, поднялся столб дыма и потихоньку стал рассеиваться. Мы начали переправу.

* * *

С погибшими простились после завтрака. Их тела, укрытые в блестящие санитарные мешки, выложили по трое на ребристом броневом листе боевых машин пехоты. После скорбного ритуала и команды «Разойдись!» солдаты и офицеры разбрелись по разным уголкам выделенной отряду территории отдыхать. Была суббота. Бойцы примостились кто где смог – в тени палаток и пальм, под раскидистыми эвкалиптами – и уже через некоторое время мирно посапывали. Известное дело: солдат спит, служба идёт. И было понятно, что всем нам гарантированно отмерян огромный отрезок жизни длиной не меньше суток. По справедливости – один на всех...

В офицерской палатке был накрыт стол с нехитрой закуской. Среди бутылок с «Боржом» из местного дукана горькой лежала наваленная зелень и какие-то овощи. Центральное место в этом натюрморте занимала фляжка спирта в мокром суконном чехле – «царица бала».

В ожидании моего возвращения из штаба офицеры занимались своими мелкими бытовыми делами.

Сели. Выпили по первой, по второй, третьей помянули павших. Спирт, обжигая глотку и запирая дух, медленно стекал внутрь, расплзался по желудку, потом взорвался огненным шаром и тёплой волной пробежал по жилам, ударил в голову. Тело обмякло в безвольной расслабленности и спиной упёрлось в стенку палатки. Рука машинально потянулась в нагрудный карман и нащупала что-то твёрдое. Это был кусок граната.

Он лежал на ладони, тускло и недобро отливая бордово-красным светом, действительно похожий на затвердевающий огонь человеческого сердца, магический оберег от ран и потери крови, талисман, ведущий к победе. Ты ли спасёшь солдата или образ Божьей Матери, что висит рядом с крестом на шее? Кто его знает.

Происходящее в комнате постепенно отдалялось и затягивалось пеленой. Сквозь неё

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ещё видны были очертания присутствующих людей, слышался пободревший нестройный говорок компании, стук кружек и чей-то нервный смешок.

Где-то впереди медленно текла гранатовая река с водой бордового цвета, сверкающая и искрящаяся на солнце, отливающая в бурлящем потоке многообразием кроваво-красных оттенков.

На другой её стороне вилась метель, и сквозь заряды снега, в просветах явился образ стареющей матери с болезненно-жёлтым лицом и медленно растворился, стёртый снежной круговертью. Откуда-то из глубины памяти опять всплыло то знакомое, еле уловимое и постоянно ускользавшее:

*В ручье, что бежит обогретый теплом,
Кусочки граната в луче золотом.
Гранатовым цветом раскрашен закат,
Гранатовый берег, гранатовый сад,
В гранатовом цвете речной пережат,
Гранатовым цветом раскрашен закат.*

*Воды зачерпнул – там граната куски.
Гранатовый берег от смертной тоски...*

*У гранатовых рек нет крутых берегов.
У гранатовых рек нет смертельных оков...*

Река отдалялась всё дальше и дальше. В снежном крутящемся вихре появились купола храма с позолоченными крестами, а с колокольни неспешно и раскатисто загудел благовест.

Священник с окладистой бородой, творя крестное знамение, пел: «...паче же подкрепи от ужаса смертного и сподоби нас непостыдно предстать Создателю нашему в час праведного и страшного суда...»

Где это было? Когда? Наверное, там, в прошлой жизни, которая осталась на другом берегу гранатовой реки и в которую уже никогда не вернуться прежним.

А гулкое храмовое эхо вторило: «...не презри же нас, молящихся тебе, о помощи и заступничестве твоём... Господи Иисусе! Спаси и помилуй нас, рабов твоих грешных... Аминь!»

Леонид БОГДАНОВИЧ

Леонид Владимирович Богданович родился в 1948 году в Белоруссии, на Брестчине. Дебютировал в 2003 году в журнале «Беларуская Думка». Пишет стихи и прозу на русском и белорусском языках. Член Союза писателей Беларуси с 2006 года.

СТАЛИНУ

Пётр град свой воздвиг над Невою,
Князь Владимир креститься учил.
Шла Россия в лаптях за сохою,
Ты ей атомный посох вручил.

Мы фашизм с тобой разгромили,
Полоснув по Рейхстагу огнём.
Встань из гроба на миг, Джугашвили,
Посмотри, как сегодня живём.

Как поставили нас на колени,
Весь Великий Советский Народ.
Это новый мыслитель, как Ленин,
Вновь Россию на плаху кладёт.

Мы из пепла страну поднимали,
Собираясь в единую рать.
Нам казалось, что все мы из стали,
Нас врагам не убить, не сломать.

Но внезапно под солнцем лучистым
Ты в могилу ушёл на покой.
И не стало в стране коммунистов,
Видно, сеял их левой рукой.

Час пробьёт! Вновь Россия проснётся,
Разметав весь кагал по земле.
И достойный правитель найдётся
Докурить твою трубку в Кремле.

* * *

Шли колонны в солдатской шинели,
Гордо вскинув развёрнутый флаг.
Они песню походную пели,
Словно прессом, печатая шаг.

Под тревожную дробь барабанов,
Под щемящие крики фанфар
Шли колонны могучих Иванов,
Чтобы принять свинцовый удар.

Деды молча слезу утирали,
Жёны плакали горько навзрыд.
А они всё шагали, шагали,
Чтоб посмертно одеться в гранит.

* * *

Мне не забыть твоё лицо –
Любви достойный идеал.
Ни Рафаэль, ни Пикассо –
Его Господь из звёзд создал!

Густую тень крутых ресниц
И губ коралловых визаж...
Прекрасней я не видел лиц,
Не ведал я красивей глаз!

Ты светлым ангелом была!
Но у судьбы есть свой закон:
Вдруг руки-крылья развела –
И всё исчезло, будто сон.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Моя девочка, нежная, милая,
Не грусти об ушедшей весне.
Ты сегодня, как ангел, красивая
И летать ещё можешь во сне.

И пусть сны твои белыми птицами
Снова в детство тебя унесут,
Где с цветами могла породниться бы
И где куклы, как люди, живут.

Пусть проносятся дни чередой,
Только годы не старят, поверь.
Ты цветочком была молодой,
Сладкой ягодой стала теперь.

И пусть робкие тучи сомненья
Где-то тёплым дождём упадут.
Пусть сегодня друзья, в день рожденья,
В твоё сердце весну принесут.

Василий Тихонович
Шиховцов, 1945 г.

ИСТОРИЯ СОЛДАТА

Александр СУХАЧЁВ

Ветеран Великой Отечественной войны Василий Тихонович Шиховцов родился 15 января 1924 года в селе Комариха Чарышской волости Рубцовского уезда Алтайской губернии (сейчас это Шипуновский район Алтайского края). Он дед моим детям.

Его главные университеты – семь классов в родной деревне да ремесленное училище в Эстонии на базе промышленной артели. Удивляться погодите, Эстония не нынешнее государство, а село в Алтайском крае. Артель выпускала один токарный станок в сутки.

Если сравнивать течение жизни человека с рекой, то детство, отрочество и юность можно представить истоками, воды которых при слиянии образуют реку, реку жизни. Бурные истоки – бурная река? Далеко не всегда, как и в природе. Но в случае с Василием Тихоновичем беспокойная юность оказалась предтечей такой же беспокойной насыщенной жизни.

Из той же юности – развитое чувство долга и исключительное трудолюбие. Оттуда же простота и деловитость в общении, тактичность,

готовность в любую минуту помочь словом и делом.

Готовность редкостно безоговорочная и безусловная, ободряющая и воодушевляющая. Самой высокой радостью в жизни для Василия Тихоновича Шиховцова было чувствовать себя нужным людям.

Возможно, дело в генах. Он появился на свет в большой семье, где было кроме него ещё два сына – Фёдор, 1935 года рождения, Александр, 1937 года рождения, плюс две дочери – Поля, 1927 года рождения, и Дуся, 1929 года рождения.

Его отец, Тихон Афанасьевич Шиховцов, родился в 1901 году в том же селе Комариха. Работал в колхозе, сначала бригадиром полеводческой бригады, потом председателем. Мама, в девичестве Матрёна Михайловна Фурсова, 1902 года рождения, прожила всю свою жизнь в селе Комариха и проработала в колхозе «Первое мая». Умерла 20 октября 1968 года.

С октября 1941 года Тихон Афанасьевич – на фронте, в составе 160-й стрелковой

дивизии – войсковая часть № 1295. В июле 1942 года, во время проведения разведки боем, убит.

Да, для тех лет и семья обычная, и судьбы типичные. Но без этой обычности и типичности не состоялось бы наше государство. На таких людях всё в стране и держалось, благодаря им всё и свершалось.

Дальше, словно в сказке про Мальчиша-Кибальчиша, на смену отцу в Красную армию пришёл его восемнадцатилетний сын, Василий. С 20 июля 1942 года он курсант Рубцовского пехотного училища. А 23 февраля 1943 года выпускников направили на фронт.

В Москве случилась долгая остановка. Потому только 11 апреля 1943 года сибиряки оказались в действующей армии. Василия Тихоновича определили во взвод ПТР первого батальона 780-го стрелкового полка 53-й армии Степного фронта.

5 июля 1943 года батальон выдвинулся на фронт, заняв третью линию обороны в районе станции Кшень (Курская дуга). Немецкие войска атаковали в направлении города Орла. Но уже 18 июля началось наше контрнаступление, в ходе которого Василий Тихонович подбил несколько вражеских танков. Но вот один из боёв чуть не закончился фа-

тально для него самого – очередь немецкого автоматчика прошла его насквозь.

Наверное, он родился в рубашке, потому как жизненно важные органы, да и кости задеты не были. Повезло.

Потом был госпиталь, где его отыскала медаль «За боевые заслуги». После длительного излечения в госпитале города Скопина, что в Рязанской области, в октябре 1943 года Василия Тихоновича определили в запасной полк. Основание – вердикт медиков: годен к нестроевой.

Оттуда Василия Тихоновича направили в отделение ГСМ войсковой части № 62319, включённой в состав 16-й воздушной Краснознамённой армии Белорусского фронта. Фронт сформирован на основании директивы Ставки ВГК от 2 апреля 1944 года.

Войска фронта освобождали Белоруссию, восточные районы Польши, форсировали Вислу. В ходе начавшегося наступления в середине апреля

Тихон Афанасьевич
Шиховцов (1901–1942)

Курсант Рубцовского пехотного
училища В. Т. Шиховцов. 1942 г.

Катя, Василий Тихонович,
Ира и Вова – дед и внуки

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Василий Тихонович Шиховцов первый слева

В. Т. Шиховцов первый слева. 1944 г.

1945 года соединения фронта вышли к Берлину и овладели им.

Выиграть войну без своевременного обеспечения горюче-смазочными материалами, конечно, было бы невозможно. И, если почитать мемуары наших полководцев, ни один из них не ссылается на нехватку или несвоевременную доставку в войска горючего.

Так что вклад Василия Тихоновича, равно как и сотен тысяч других рабочих войны, в нашу Победу над самым страшным врагом в истории человечества трудно переоценить.

День Победы он встретил в местечке Дальгов под Берлином (четырнадцать километров от Бранденбургских ворот).

Место примечательное, и поныне здесь существует воинское захоронение. Оно расположено у Гамбургского шоссе, к западу от Берлина, как раз по соседству с Олимпийской деревней 1936 года. Здесь захоронены 1104 советских солдата и офицера, погибшие в боях весной 1945 года. Плюс солдаты, умершие в госпитале. Мог и Василий Тихонович найти здесь последний приют. Но об этом чуть ниже.

Война закончилась, а служба – нет. Понятно почему. Победа далась слишком дорогой ценой. Потому дыры в штатном расписании латать было просто нечем.

Вот и приходилось личному составу осваивать по несколько смежных, да и не только смежных, воинских специальностей. Так что в нашей армии универсальные солдаты появились гораздо раньше, чем в штатовских фильмах.

С 17 июля по 2 августа 1945 года обслуживали автомашины Потсдамской конференции. Напомню, что на Потсдамской конференции

В. Т. Шиховцов справа. Польша. 1944 г.

В. Т. Шиховцов справа. Польша. 1944 г.

Рядовой В. Т. Шиховцов. 1944 г.

Техобслуживание. В. Т. Шиховцов справа. Польша. 1944 г.

В. Т. Шиховцов в центре. Дальгов. 1945 г.

решались вопросы, относящиеся не только к побеждённой Германии, но и к послевоенному переустройству мира. Потому Василий Тихонович с полным основанием мог шутить о своём участии в оформлении итогов Второй мировой войны. Легко же можно представить ситуацию, когда у делегаций нет бензина доехать до Потсдама, сразу же возникнет угроза переноса конференции, а там и до отмены недалеко. Можно и дальше пофантазировать. Повитать в облаках... Всё-таки, конечно, это шутка, но факт в биографии Василия Тихоновича, согласитесь, крайне примечательный.

Правительственная телеграмма о награждении орденом

Мария Георгиевна и Василий Тихонович
с детьми – Ниной (справа) и Олей

А уж без шуток работы было хоть отбавляй, вот швы на ранах и разошлись. В апреле 1946 года – снова операция, а в 1948 году ещё одна. Изрядно постарался немецкий автоматчик в том злосчастном бою.

Любой мог сломаться, но Шиховцов не сломался, всё сдюжил. Снова вернулся в строй. Ему поручили обучать молодое пополнение. И с этой задачей он с блеском справлялся до самого вывода армии из Германии.

Демобилизовался 23 января 1950 года. После демобилизации приехал в родное село Комариха. Женился на Марии Георгиевне Рожковой.

Вскоре семья переехала в Рубцовск. Работал токарем, воспитателем общежития, мастером на АТЗ. А с 1958 года трудился мастером производственного обучения в Рубцовском машиностроительном техникуме.

Не забывал встречаться с выпускниками пехотного училища.

С 1962 года Василий Тихонович – бессменный член местного комитета техникума. Неоднократно избирался его председателем.

В 1972 году его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В 1984 году ушёл на заслуженный отдых. С Марией Георгиевной вырастили двух дочерей – Нину и Олю, которые подарили ему трёх внучат – Иру, Вову и Катю. А что ещё нужно для счастья?

В. Т. Шиховцов шестой слева во втором ряду. Местечко Дальгов под Берлином. Май 1945 г.

*Пятьдесят лет Рубцовскому пехотному училищу. Рубцовск. 1991 г.
Василий Тихонович Шиховцов пятый слева в первом ряду*

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Теперь Василия Тихоновича уж нет. Свою дорогу он прошёл с достоинством и до конца. Занял своё место в рядах Бессмертного полка. Каждый год в День Победы его фотографию проносит внук Володя. А значит, сержант В. Т. Шиховцов по-прежнему в строю.

НАГРАДЫ ВАСИЛИЯ ТИХОНОВИЧА ШИХОВЦОВА

Слева направо и сверху вниз:

1. Орден Трудового Красного Знамени, № 709864 от 05.04.1971;
2. Орден Отечественной войны II степени, № 1554752 от 11.03.1985;
3. Медаль «Ветеран труда», от 16.12.1983;
4. Медаль «За боевые заслуги», № 2343019, от 03.05.1946;
5. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», от 20.05.1946;
6. Медаль «За освобождение Варшавы», от 17.01.1945;
7. Медаль «XXX лет Советской армии и флота», от 07.11.1948.

Владимир Сухачёв с фотографией
деда В. Т. Шиховцова

Помни войну

Олег СЕЛЕДЦОВ

(Майкоп – Краснодар)

ПОМНИ ВОЙНУ

Я не погиб.
Ну так уж получилось.
Я не погиб. Я выжил на войне,
И надо мной
Лавина пуль кружилась,
Но доставались все они не мне.

Я не бежал
От смерти, не старался
Упрятать совесть в трещины земли.
Так получилось...
Я в живых остался,
Когда другие выжить не смогли.

И каждый раз
Весной, в начале мая,
Надев награды в праздничные дни,
Я, не сдержавшись,
Плачу, вспоминая
Всех вас, кто пули принимал мои.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Небо красной звездой расколото.
Я надену награды свои,
Чтобы в блеске медального золота
Вспомнить дальние громы войны.

Ах, зачем ворошить, что пройдено,
И заслуги выписывать в ряд?
Дал в награду Господь мне Родину.
И других мне не надо наград.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Зовут метрономы совести
В минуту молчанья майскую
По павшим до срока воинам
Давно погибшей страны
Не нас, позабывших горести,
Прельщённых обманкой райскою.
Фантомы не птицы вольные,
Мы все смертельно больны.
Всерьёз и страшно больны.

Истерикой – не беседую
И пошлостью обезличенные.
На буднях наших отметину
Закрасили полубоги.
Мы, словно слепцы, не ведаем,
Что снова чума коричневая
Свежею кровью пометила
Наших домов пороги.
Наших домов пороги...

ПРИВАЛ

Пулями, голодом, снегом и скалами
Не покорённая веком больным
Рота пехотная – славное знамя –
Шла, возвращалась с кровавой войны.

С песней по княжеским отчинам древним
Шли гренадёры, держа интервал.
Шли мимо мёртвой, сгоревшей деревни.
И для ночлега разбили привал.
Сжалось от боли солдатское сердце,
Взглядом не вычистишь пепел и гарь.
Лихо прошлись по Руси иноверцы...
Эй, барабанщик, по коже ударь.

И под угрюмую дробь барабана
Каждому вспомнился собственный дом,
Мельницы крылья у хлебного стана,
Белая церковь и звоны кругом.

И без команды, и без разговора,
Не опасаясь вечерней поры,
С тихой молитвою дружно и споро
Взялись солдатушки за топоры.

Робко под звук полкового сигнала
Утро маячит над новым мостом.
Крыльями мельница вверх замахала,
Церковка к Богу прижалась крестом.

Небо над полем окрашено синим.
Роте – подъём, выступаем в поход.
Помни, Отечество. Помни, Россия.
Марш, барабанщики, служба зовёт!

* * *

Капли-слёзы на окнах осенних.
Что вы плачете, глупые? Грех вам.
Отельняшенное поколение
Разлучается с девичьим смехом.

Руки замерли на позитивах,
К ласкам брачным едва ли готовы.
Нежность мальчики спрячут в приливах,
Чтоб ни жёнам своим и ни вдовам.

Кровь свежа на военной копирке.
Смерть – забава: не палубу драить.
И плывут, и плывут бескозырки.
То ли в море плывут, то ли в память.

РЯДОВОЙ

Леониду Ивановичу Бородину

Смешной морщинистый старик.
Прошедший... Досыта хлебнувший...
Сквозь строй деревьев и дворов
Бредёт один на суд стихии.
Не удостоен, не достиг
В кровавой пляске войн минувших
Медалей, званий, орденов.
Он – рядовой солдат России.

Но если запоёт набат,
Стволы потянутся к вискам
Его не предавших друзей,
Его врагов орденосных,
То старый верный автомат
Обнимет твёрдая рука,
И кровью чистою своей
Он русские окрасит росы.

Светлой памяти ветерана войны, участницы
Сталинградской битвы, моей мамы
Зои Алексеевны Адлер (Загоруйко)
посвящается.
(Умерла 9 января 1994 года.)

Наталья АДЛЕР

УЗНАЛ СВОЮ СПАСИТЕЛЬНИЦУ

ВОСПОМИНАНИЯ КАПИТАНА В ОТСТАВКЕ НИКОЛАЯ ЛУКИНА

Август 1943 года стоял жаркий. Преследуя отступающего противника, наши части выбивались из сил. Гимнастёрки солдат были белыми от разводов солёного пота и топорщились на плечах. Сухой песок скрипел на зубах. Для нашего взвода бой был тяжёлым. Многих отправили в госпиталь, кто-то и совсем остался лежать в этой земле...

Рано утром на следующий день вражеский снайпер выследил и меня. Часа три или четыре, раненый, я оставался ещё в строю, но боль становилась всё нестерпимей. Недалеко от передовой встретил санитарную повозку. В ней уже лежали три раненых пехотинца. Около них хлопотала медсестра Зоя Загоруйко. Увидев меня, она сказала:

– Садись, родимый, сейчас в санбат поедем.

Повторного приглашения ждать не стал, сил уже не оставалось. Ехали осторожно, объезжая воронки и груды вывороченной земли. Наша медсестра почти всё время шла рядом с повозкой и не спускала глаз с раненых. То расправляла сбившуюся шинель, то давала глотнуть из фляжки воды. Зоя всё время успокаивала нас, говорила, что надо ещё немного потерпеть, в медсанбате нас ждут, врачи там хорошие, быстро сделают всё что нужно и отправят в госпиталь. А там и не заметим, как выздоровеем...

Мы, как маленькие дети, верили ей, слушали её журчащий голосок, в знак согласия кивали головой и всё ждали, что вот

в стороне от дороги, в небольшом лесу покажутся палатки медсанбата.

...Приехали. Но ни палаток, ни врачей, вообще никого и ничего не было на этом месте. Мы ещё ничего не понимали, а медсестра, чуть отойдя от повозки, остановилась и упавшим голосом прошептала:

– Опоздали...

Медсанбат ушёл вперёд, вслед за наступающей дивизией. Где теперь его искать – никто не знал, не представляла этого и наша Зоя.

Эта неожиданность легла тяжким грузом на худенькие плечи девушки. Казалось, в её хрупкой фигурке уже не осталось никаких сил. Но ей придавала силы та ответственность за судьбу беспомощных солдат, которую она взяла на себя. По каким-то только ей известным приметам повела повозку дальше.

Положение усугублялось тем, что ни у кого не было продуктов. Зоя понимала – без пищи раненый быстрее слабеет, хотя кроме воды он ничего не просит. Ехали час, другой... На пути попадались только следы недавнего боя. Въехали в полупустую деревушку. Остановились. Зоя побежала к ближней избе, стукнула раз, другой. Никто не вышел. Она побежала по другим избам – никого. Наконец встретила женщину и с жаром стала просить её чем-нибудь накормить раненых бойцов. И женщины разорённой фашистами деревеньки из последних своих запасов кормили нас. А Зоя без устали то благодарила женщин, то уговаривала нас есть посытнее, а

то когда ещё разыщем свой медсанбат.

К вечеру мы всё же его нагнали. Зоя передала нас здешнему медицинскому персоналу, попрощалась и укатила опять в свой полк.

С тех пор я не встречал свою медицинскую сестру, которая в тот горячий августовский день вывезла меня с передовой, заботилась на всём пути до санбата, не опустила руки в трудные минуты. Все эти годы я помнил о ней, но искать не пытался. Да и, по совести сказать, не думал, что уцелела она в огненном горниле войны...

На одной из встреч ветеранов 277-й Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова второй степени стрелковой дивизии счастье улыбнулось мне. Я смотрел на полненькую женщину с медалями на груди и, встретившись с ней взглядом, узнал Зою! Бросился к ней, обнимаю, спрашиваю:

– Ты Зоя?

Она отвечает:

– Да.

Я радостно:

– Ты же меня спасла, помнишь?

– Эх, браток, да я вас столько с поля боя вынесла и вывезла, что всех и не упомяну.

Многие тогда узнали свою спасительницу, ведь Зоя приехала впервые, её разыскивали ученики отряда «Поиск» одной из школ Волгограда и пригласили на встречу. Седые ветераны протягивали к ней руки и плакали:

– Сестричка наша, Зоюшка, спасительница! Уцелела, а мы уже и не надеялись...

А Я ИХ ЖДАТЬ БУДУ...

РАССКАЗ ИЗ ЖИЗНИ МОЕГО ПАПЫ САВЕЛИЯ АНДРЕЕВИЧА АДЛЕРА. СВЕТАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ...

Очень часто случается так, что люди в какой-то момент перед совершенно незнакомым человеком раскрывают самые сокровенные тайники своей души, рассказывают то, что особенно дорого их сердцу, памяти. Так получилось и в этот раз.

Мы ехали в поезде. Напротив у окошка

сидел пожилой, интеллигентного вида человек, совершенно седой. В его светло-голубых глазах светились ум и тоска. Я подумала: «Наверное, он много пережил, этот старик».

Проводница принесла чай и пакетики с сахаром. Я опустила два кусочка в свой стакан, размешала, попробовала.

– Что, дочка, не очень сладкий? – спросил спутник. – Возьми мой, я всё равно люблю пить чай без сахара. Бери-бери, не стесняйся.

Он сам положил мне кусочки. Вдруг его глаза наполнились слезами.

– Что с вами, дедушка?

– Ничего-ничего, доченька, просто вспомнил своих дочерей, у меня их три было...

Старик прижал пальцы правой руки к глазам и тряхнул головой, как будто прогоняя горькие воспоминания. Рукав его рубашки опустился, оголив широкий неровный шрам, который был немного темнее, чем остальная кожа, и блестел, словно полированный. Старик устало опустил руку и стал смотреть в окно. Долго смотрел, как будто забыв и про чай, и про меня. Я молчала, боясь нарушить его грустную задумчивость, тихонько пила чай и смотрела на шрам.

– Это осколком. Я в войну пулемётчиком был, – словно очнувшись от тяжёлого сна, произнёс старик. – Если бы руками лицо не закрыл, то... Осколок прошёл через руку от локтя к кисти, задел переносицу и застрял под кожей в голове.

– Какой у вас приятный мягкий акцент, – сказала я.

– Да, почти 45 лет в России живу, а чисто говорить так и не научился, русский язык очень сложный. Я ведь родился и жил в Польше. Когда пришла пора паспорт получать, то не придавал особого значения, чью национальность взять – отца или матери, отец – еврей, мать – полячка, записали «еврей», а в 1939 году понял, какое это роковое слово. Пришли фашисты...

Мы с женой Марией и дочками Розой, Лизой и Оленькой решили бежать в Россию.

До границы оставалось совсем немного, когда нас остановили немцы.

– Юден (еврей)? – был первый их вопрос.

К счастью, я отлично владел немецким, сказал, что мы немцы, наш дом сгорел и мы идём к матери.

– Отвести их в церковь, утром разберёмся, – приказал офицер.

В церкви было уже много людей. Мы расположились на полу рядом с симпатичной бе-

Наталья АДЛЕР

Профессиональный журналист со стажем работы 40 лет, член Союза журналистов СССР, ныне России, Международного союза писателей «Новый современник», Российского союза писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Выпустила двенадцать книг (поэзия, проза, в т.ч. три книги для детей: стихи-раскраски, стихи, стихи-загадки).

Дважды номинирована на литературную премию «Поэт года», пять раз – на «Наследие», награждена звездой «Наследие» третьей степени. Соавтор литературно-художественных альманахов «Созвездие», «Память храним» (Беларусь); международных сборников из серии «Библиотека современной поэзии» (редактор Лариса Кузьминская, Москва); альманаха «Мельница» (Россия) и др.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2019».

Награждена медалью этого конкурса.

локурой женщиной. Она горестно смотрела на кучу своих вещей, чемоданов и причитала на немецком языке:

– Ах, как же я всё это одна донесу? О, Боже мой!

– Не беспокойтесь, моя семья вам поможет.

Она заулыбалась и заранее начала благодарить. А я сидел и думал, что это последний

шанс, остаётся надеяться на эту, видимо, настоящую немку, знание языка и счастливую звезду, ведь документы я спрятал и показывать их не собирался.

Зашли фашисты, как видно, соскучившись по своей кровавой работе. Они отвели в сторону нескольких евреев и начали «развлекаться».

– О, какие вы заросшие и лохматые, сейчас мы вас будем стричь и брить.

Один палач держал человека, а второй срезал ножом волосы вместе с кожей. Стоны и крики мучеников заглушал дикий хохот мучителей. Тех, кто терял сознание, пристреливали и оттаскивали на улицу в ров.

В немом ужасе смотрели на это взрослые, безвременно поседел их волосы, до припадков кричали дети, которым матери старались закрыть глаза, прижимая к груди их крошечные родные головёнки. Казалось, что этой ночи не будет конца... Но утро всё же наступило. Кто-то ждал его как спасение, кто-то уже ни на что не надеялся, а одна безумная, широко раскрыв глаза и волоча за руку заходившегося плачем ребёнка, кричала:

– Где Йозеф, где Йозеф, куда вы его дели?

В другой руке она сжимала кровавый клочок волос... Её пытались остановить, не пускали к выходу, но она вырвалась и, по-прежнему волоча за собой ребёнка, кинулась в двери, которые только что открыли немцы. Мы услышали два выстрела и голоса фашистов:

– Выходите!

Наша немка, а вместе с нею и мы пошли первыми. Младшая, Оленька, ей было всего два годика, цепко держалась за узел, который несла Мария, и будто понимала, что нам грозит смертельная опасность, бежала и молчала. Боже мой, моя девочка, она ни слова не сказала на еврейском языке.

Немка кокетливо улыбнулась проверяющим, документы её были в порядке:

– А это мои помощники, – сказала она. И мы благополучно миновали страшную черту.

Когда скрылись из виду, попрощались с немкой и заспешили вперёд. Ещё чуть-чуть, ещё совсем немного, всего несколько киломе-

тров – и мы добрались до реки Сан. На другом её берегу – русские. С польского берега собралось много народа, все кричали русским, чтобы они дали лодку.

Началась переправа. Каждый хотел поскорее уплыть, лодка еле-еле выглядывала из воды, переполненная людьми. Наконец и мы вместе с женой, Олей и Лизой втиснулись в лодку, а Роза не успела. Мы переплыли, а Роза протягивала руки и кричала:

– Татусю! Татусю!

Я стал просить русского сплавить ещё раз, объясняя, что там осталась дочь. Он разрешил. И вот мы все вместе на русском берегу, живы... Только продукты наши утонули в Сανε. Дети просили есть. Я отстегнул свои швейцарские часы, чудесные часы умелого мастера, и пошёл к другим женщинам. Удалось выменять на часы полбуханки хлеба...

После проверки нам предложили места работы, мы решили ехать в Донбасс на шахту. Приехали, устроились с жильём, я стал шахтёром, наладилась жизнь, но не надолго...

В 41-м Мария обнимала меня, рыдая, всё просила:

– Вернись! Вернись!

Я-то вернулся, а вот она и дети... Угнали немцы... Так мне сказали после войны. А куда угнали – неизвестно. Сколько лет я искал их! Куда только ни писал...

Пожалели меня тогда знакомые, не скажи сразу, что угнали моих девочек и Марию к шурфу шахты и бросили туда живых... Вот только теперь я узнал об этом. Раньше не мог туда ездить, сердце не выносило, так и прожил всю жизнь в Поволжье. А когда пришла пора на пенсию идти, поехал в Донбасс, чтобы те годы работы в трудовой стаж вошли. Вот и нужно было оформить кое-какие документы.

Приехал. Сделал всё, зашёл в магазин. Навстречу идут молодые женщины. Я посмотрел на одну из них и остолбенел. Это была Мария! «Но почему такая молодая?! – стучало в голове. – Кто же это?»

Ноги стали ватными, я собрал все силы и пошёл за ней. Так вышли на улицу, я переставлял слабеющие ноги, язык не слушался, во рту

пересохло. Женищина почувствовала устремлённый на неё взгляд и обернулась.

– Мария... – прошептал я.

– Нет, я Людмила, папаша, вы, наверное, ошиблись.

И она пошла дальше. Ночью я не сомкнул глаз. Рано утром направился к единственному знакомому, которого случайно встретил здесь, но поговорить не успел. Рассказываю ему, что вчера случилось, спрашиваю, кто эта женищина, так похожая на мою жену.

– А ты разве ничего не знаешь? Это же твоя четвёртая дочь, она без тебя родилась. Когда Марию со старшими девочками угоняли, то ей всего две недели было. Жена твоя уговорила соседку взять малютку.

У меня потемнело в глазах, не помню, как шли, я только просил:

– Ты скорее отведи меня к ней, я так хочу её видеть.

Дома Людмилы не оказалось, нас встретила пожилая женщина. С трудом, но я узнал в ней бывшую вахтёршу с шахты.

– Вы воспитали дочь? – спросил я. Она как будто испугалась этих слов и сказала:

– У меня есть только одна родная дочь.

И тут я всё понял. Понял, почему эта женщина молчала столько лет. У неё никогда не было детей. Люда – единственная. Как осудить человека, заменившего девочке мать, воспитавшего крошку с двухнедельного возраста. Если бы она откликнулась на мои поиски сразу после войны, всё могло быть иначе и для меня, и для неё...

– Я её отец.

Женищина наконец узнала меня и начала рыдать.

– Что же вы плачете, успокойтесь, я же не отнимаю у вас дочь, я так рад, что хоть одна моя кровинка жива. Спасибо вам, спасибо! Я теперь так счастлив, пусть она по-прежнему живёт с вами, ведь я всё понимаю – родной тот, кто воспитал, но и вы меня поймите, поймите же и моё сердце! Она всё-таки моя родная дочь...

Старик умолк. Спазмы перехватили горло.

Я и сама плакала, не в силах сдержать слёзы.

– Сейчас вот от них еду, а в следующий раз они ко мне обещали приехать. Я их очень сильно ждать буду...

ОСТАЛИСЬ ВЕЧНО МОЛОДЫЕ

Остались вечно молодые,
За наше счастье жизнь отдав.
Поклон вам, матери седые.
Сыновний шёпот средь дубрав.
Тем сыновьям – цветы невесты,
Вы живы в памяти людской.
Благословенье – славно, к месту
Даёте паре молодой...
Да, жизни вечное начало
Несут нам пары молодые.
И тысячи «спасибо» мало...
Поклон вам, матери седые!

В ПЕТРИЩЕВО

Пустырь в снегу угрюм и тих,
Как будто помнит вместе с нами
Живую поступь ног босых
И сердца трепетного пламя.
Немым свидетелем изба
Стоит, чернея старой крышей.
Какая страшная судьба!..
Я Зоин стон и голос слышу.
Её терзали, жгли... Как жаль!
Её сломить они хотели,
Но сколько силы! Будто сталь
Кипела в этом хрупком теле!
Мать не увидит, как палач
Верёвку затянул на шее,
Как взвился к небу женский плач,
Как взгляд горячий леденеет...
Сейчас не виселица – ель
На месте казни. Стонет ветер...
И пела тихая свирель
Для той, что вознеслась в бессмертье.
Пустырь в снегу угрюм и тих,
Как будто помнит вместе с нами
Живую поступь ног босых
И сердца трепетного пламя.

ЗАВЕТАМ ВЕРНЫ!

Овеяны славой нетленной
Мужчины советской страны.
И правнуки в жизни военной
Заветам их свято верны!
Республик союзных знамёна
В едином сомкнулись строю.
Мы помним их всех поимённо –
Живых и погибших в бою.
Достоин несут знамя дедов
Мальчишки России сейчас.
Не зря прогремел День Победы!
И нас защитят в грозный час.
Но лучше пусть он не настанет.
И мирного солнца лучи
Пусть светят. И нас не достанут
Когтистой рукой палачи.

МАТЕРИНСКИЕ СТЁЖКИ

*Памяти моей мамы, участницы
Сталинградской битвы
Зои Алексеевны Адлер*

Не пройдёт по знакомой дорожке,
Не посмотрит в родные глаза.
Замело материнские стёжки.
Стынет горько немая слеза.

Как хочу протянуть к тебе руки
И услышать твой голос опять.
Этой вечной и страшной разлуки
Не терявшим никак не понять.

Расскажу тебе, слышишь, родная,
Папа в гости приходит один.
Плачем мы и тебя вспоминаем.
Ты прибавила дочке седин.

Повзрослели и выросли внуки,
Навещают могилку твою.
Как хочу протянуть к тебе руки!
Разделить боль и радость свою.

Когда свадьба была у Валюши,
Молодые цветы принесли.

Холмик твой разрывал мою душу,
Стылый холмик священной земли...

Мама, встань, посмотри на невесту,
Как божественна внучка твоя.
Заняла б ты желанное место,
Слёз счастливых своих не тая.

Но не видно следов на дорожке,
Не смотреть мне в родные глаза.
Замело материнские стёжки...
Стынет горько немая слеза...

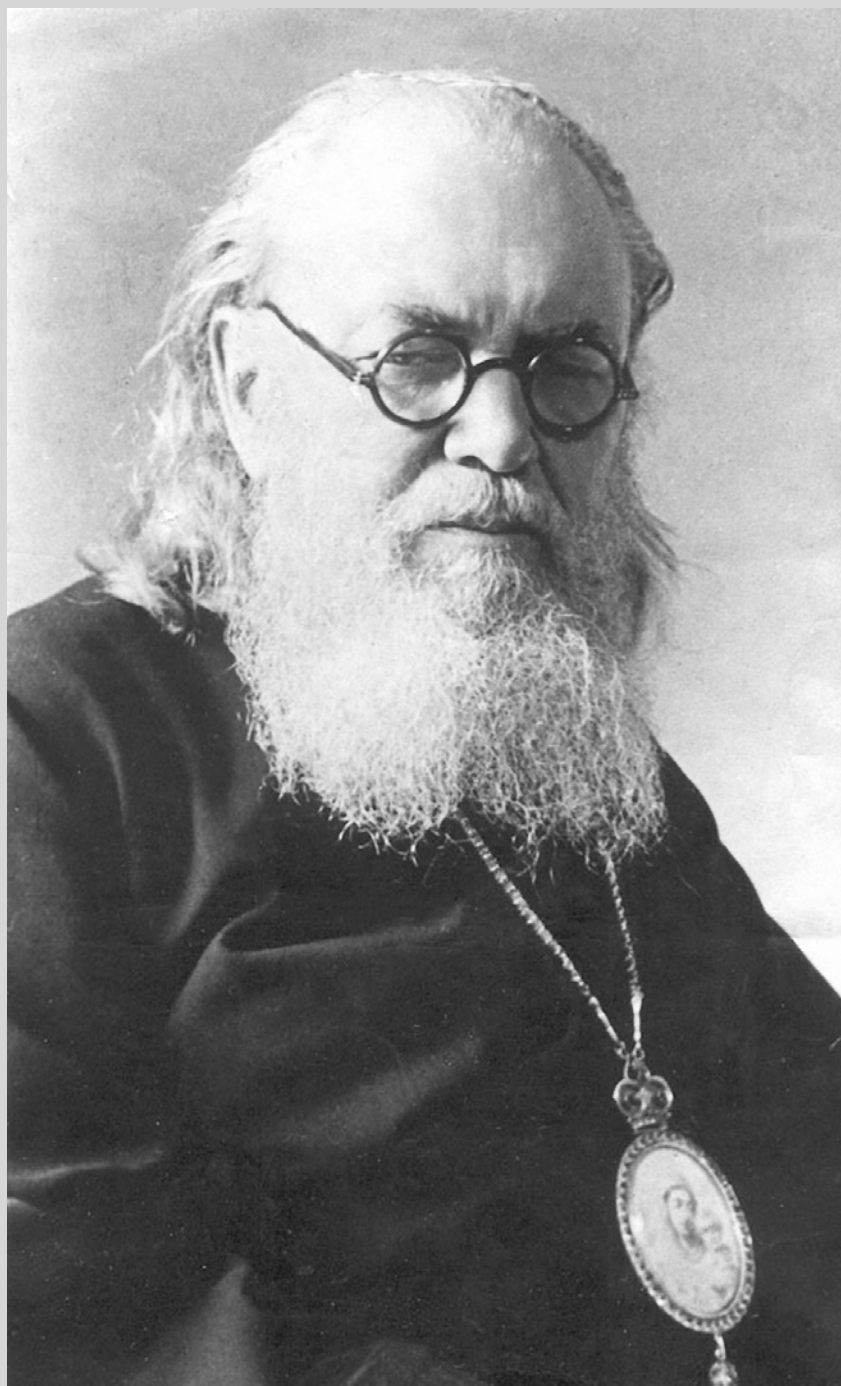
ДЕВИЧЬЯ СЕДИНА

Ей восемнадцать не минуло,
Но внял мольбам военкомат.
Девчонка в ад войны шагнула,
За Родину, за Сталинград.
Горели люди, камни, танки,
Горели Волга и трава.
И после вражеской атаки
Ты, мамочка, была жива.
Бойцов из пекла выносила,
Свистели пули над тобой.
Откуда черпала ты силы
И снова шла в кровавый бой?
Как ты в горниле уцелела,
Спасая раненых солдат?
Лишь прядь девичья поседела...
Ты защищала Сталинград.
И с жизнью ты не раз прощалась,
Но Сам Господь тебя хранил.
Для нас, родная, жить осталась.
Теперь стою я у могил...
Уж много лет, как ты не дышишь,
И папа вечным сном уснул...
Ты видишь боль и плач мой слышишь?
Но лишь в деревьях ветер дул...
Люблю тебя, родная мама,
И знаю: всё б вернуть назад –
Ты брови б сдвинула упрямо
И вновь шагнула в Сталинград.

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА НА ТАМБОВСКОЙ КАФЕДРЕ

*Я не вправе заниматься тем, что мне нравится.
Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*

В Тамбовской области люди с особым почитанием относятся к святителю Луке, возглавившему Тамбовскую и Мичуринскую епархию в тяжёлые для страны годы Великой Отечественной войны. Это и неудивительно, так как много людей, спасённых этим святым, живы в настоящее время, здравствуют даже студенты, которым профессор Войно-Ясенецкий читал лекции. Но было удивительным войти в рабочий кабинет одного видного современного учёного-экономиста, человека, далёкого от медицины и, как мне казалось, православия, и увидеть портрет святого Луки с фразой, написанной под заголовком публикации. Хотя стоит ли удивляться? Врач Войно-Ясенецкий спас от слепоты сотни людей, а сам при этом потерял зрение в конце жизни. Вот и этого учёного связывала с нашим, как я назвал, «тамбовским» святым семейная история.

Архиепископ Лука в окружении паствы

Дом № 9 на ул. Комсомольской в Тамбове, в котором в 1944–1946 гг. жил архиепископ Лука. Фото 2007 г.

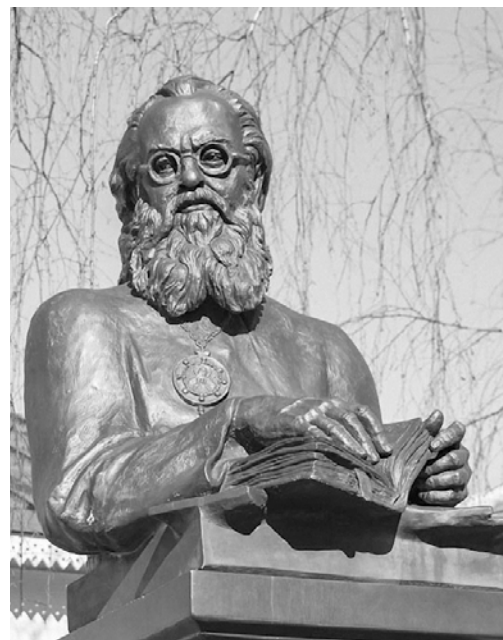
Почему же жители Тамбовской области считают святителя Луку именно земляком – «тамбовским» святым? Дело в том, что возрождение православия в Тамбовской области, можно считать, началось с того момента, когда архиепископ Лука в 1944 году возглавил епархию и своим примером показал, каким должен быть настоящий родной православный архиерей.

В частности, когда в 1942 году Лука Войно-Ясенецкий был рукоположён в сан архиепископа, он, несмотря на высокий сан, продолжал питаться и одеваться очень просто, ходил в заплатанной старой рясе и всякий раз, когда племянница предлагала ему сшить новую, говорил: «Латай, латай, Вера,

бедных много». Софья Сергеевна Белецкая, воспитательница детей владыки, писала его дочери: «К сожалению, папа опять одет очень плохо: парусиновая старая ряса и очень старый, из дешёвой материи подрясник. И то, и другое пришлось стирать для поездки к Патриарху. Здесь всё высшее духовенство прекрасно одето: дорогие красивые рясы и подрясники прекрасно сшиты, а папа... хуже всех, просто обидно...»

С началом же Великой Отечественной войны ссыльный профессор и архиерей был назначен главным хирургом эвакогоспиталя в Красноярске, а потом – консультантом всех красноярских госпиталей. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня, – вспоминает владыка. – Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненные. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами».

В январе 1944 года Лука назначен архиепископом Тамбовским и Мичуринским. Переезд его состоялся в феврале 1944 года. «Город недурной, почти полностью сохранивший вид старинного губернского города. Встретили меня здесь очень хорошо, мои операции производят большую сенсацию», – писал о. Лука в 1944 году.

Мемориальный дом-музей архиепископа Луки, 2019 г.

Из воспоминаний
Л. П. Абрамовой:

«Владыку Луку как сейчас... помню, ему купили квартиру, комнатку маленькую... на ул. Комсомольской. А у нас был псаломщик... который водил владыку Луку... к храму. И вот помню, владыка Лука идёт, полный... высокий, а псаломщик маленький... ведёт... за руку. Бедная церковь была, только... открылась, возможностей мало было. А за речкой там жил человек один – Миша; у него была лошадь и тарантасик. И вот стали тарантасик... владыке Луке подавать... к дому и стали перевозить. А народу стало ходить... много.

А потом купили небольшой домик на ул. Августа Бебеля, здесь устроили епархию... небольшую, и он там тоже был. И когда в храм приходил, то, бывало, по два часа делал проповеди... а тут

же и писали за ним две женщины... У меня были проповеди, от руки записанные, да все просили: "Дай мне, дай мне" – всё раздала, никто не вернул. И очень много за проповеди хулы на него было – не так сказал, мол. Здесь ведь, между прочим, и среди своих священников были враги. Хотя, когда он приехал, многие наши священники были в Сибири; потом их отпустили...

А уж хор-то какой был, как пел под управлением Сергея Алексеевича Богомолова! Ещё до войны, когда я училась в школе, он у нас музыку преподавал, а затем в Покровский храм работать пошёл. Когда, бывало, в Покровский храм заходишь, с левой стороны все стояли... богатые люди. Там, в верхнем храме,

более затемнённое место было, меньше было возможности рассмотреть, кто стоит.

До открытия храма здесь было общежитие завода "Комсомолец". Вначале верхний храм освободили, а в нижнем храме первое время ещё оставалось общежитие... В нижнем храме тогда был сделан первый деревянный иконостас. Миша, был такой мастер по дереву, и другие мастера. Народу много ходило – церковь ведь одна была. Перед началом службы многие выходили встречать владыку Луку. После встречи много людей набивалось. Весь народ стоит так и пошевелиться не может. Только потом, когда владыка Лука уехал из Тамбова, народ уже много просил, и тогда сделали сбоку, где окно было, боковой вход...

В Тамбовской епархии из полутора тысяч храмов, действовавших до революции, осталось два: в Тамбове и Мичуринске. Упомянутый выше храм в городе Тамбове, где было размещено заводское общежитие, дошёл до запустения: были уничтожены иконы, священники сменили профессию.

О. Лука начал ремонтировать храм, вести службы, совмещая труд священника с работой врача. Очень сильно его интересовала судьба кафедрального собора. Архиерей многократно обращался к светским властям с просьбой о передаче большого двухэтажного храма верующим. Но в то время он так и не был открыт.

Как человек святитель Лука был строг и требователен. Он нередко запрещал служить неподобающе ведущим себя священникам, лишал некоторых сана, строго запрещал крестить детей с неверующими восприимниками (крёстными), не терпел формального отношения к служению и подхалимства перед властями. «Вредный Лука!» – воскликнул как-то уполномоченный, узнав, что тот лишил сана очередного священника (за двоежёнство).

Из воспоминаний О. В. Зиминной:

«Службы владыки были долгие. Всё исполнялось... Владыка не считался со своим изношенным здоровьем, а народ, видя его ревность, умилялся и безропотно терпел все тяжести. Домой владыка шёл пешком вдоль берега Цны в сопровождении верующих до Комсомольской улицы, где жил.

К литургии владыка прибывал до чтения часов; читались они при нём. Облачали его всегда на кафедре. Часы читали большей частью монахины, их тогда было немало. Службы его чинные, спокойные, слёзные. Нет той службы, когда бы служил владыка и не плакал. Плакал во время своего облачения, когда хор умирительно пел "Да возрадуется душа твоя о Господе". Крупные, они быстро катились из-под его очков, заливая всё лицо; словом, вся служба на слезах.

Такое молитвенное настроение никак не могло не передаваться людям... От такого благодатного тепла невольно смягчались сердца и лились слёзы... После службы он всегда благословлял, сидя рядом со священником, подпущающим ко кресту. Будучи серьёзным, иногда даже немного суровым... в этот момент на лице его всегда царила нежная улыбка. Он смотрел каждому в глаза, и казалось нам, что он нас так же безгранично любит, как любим мы его...»

Из воспоминаний В. А. Кученковой:

«Это был 1944 год, когда владыка Лука только приехал; электричества тогда в храме ещё не было. Была пасхальная неделя. Мы чуть-чуть опоздали, служба уже была в нижнем храме, и было темно, а свечи у стен горели возле киотов, и блики от свечей так качались на стенах и на иконах – всё это для меня было необыкновенным, всё это меня тогда поразило. Народу было много, но не скажу, что храм был полностью заполнен, но тишина была в храме потрясающая. Святитель Лука в этот момент стоял в храме, потом он проповедь говорил достаточно долго, и все его слушали. Ни шевеления никакого, как будто люди замерли. Потом моя знакомая, с которой я пришла (хорошо знала владыку Луку, она – интеллигентка из прошлых), она к нему подошла, и они о чём-то долго говорили друг с другом. Но народ не расходился, народ как стоял во время службы и во время проповеди, так и стоял».

Дела медицинские сразу пошли хорошо. Тамбовская область того времени – это один большой госпиталь. Желавших попасть на приём к профессору много. В начале 1944 года в Тамбовской области находилось более двух десятков госпиталей и два госпиталя для во-

Архиепископ Лука и священнослужители в Покровском соборе города Тамбова. 1944–1946 гг.

еннопленных. Эвакогоспиталь № 5355 занимал Дом колхозника (ул. К. Маркса, 142). Эвакуационный госпиталь № 5894 располагался в здании школы № 21 (ул. Пионерская, 11). Здесь лечили раненных в грудную клетку. Эвакогоспиталь № 5356 располагался в автотехникуме, затем переведён в здания школ № 6 и № 7. Здесь находился госпиталь восстановительной хирургии.

Архиепископ Лука сразу втянулся в работу – стал оперировать в эвакуационных госпиталях, консультировать в городской (теперь – областной) больнице, принимать больных в поликлинике.

Работая в Тамбове в ранге профессора-консультанта, о. Лука участвовал в конференциях врачей, где читал лекции по гнойной хирургии.

Из воспоминаний А. П. Кулевцовой (работала медсестрой военного госпита-

ля при 62-й танковой бригаде генерала Вахмистрова):

«Я повезла раненых в госпиталь, который располагался в здании 6-й школы, там находился владыка Лука. Постучав в его кабинет, я извинилась и зашла, а он дремал, сидя в своём кресле; спал он очень чутко, поэтому сразу встрепнулся и спросил: "Я слушаю, что случилось?" Посмотрев документы, он тут же приказал нести больных в операционную...

Прежде чем делать операцию, владыка Лука всегда подходил к раненому, молился над ним и только тогда начинал оперировать...

Все восхищались его операциями, потому что проводил их удачно. Ставя диагноз, он сразу определял, сможет ли человек выжить после операции, поэтому-то не всем приходившим давал согласие на операцию».

Из воспоминаний Н. С. Чаплыгина (участника Великой Отечественной войны, капитана 1-го ранга):

«Когда нас везли с фронта в тыл, то в городе Мичуринске три эшелона с ранеными были направлены на юг, а наши два эшелона было решено отправить в Тамбов. Раненые из этих эшелонов возмутились. Помню, что я лежал с ранением в вагоне и слышал крики и ругань. Из-за этого раненые бойцы задержали отправку поезда на несколько часов. Они восстали, собрали митинг и не хотели подчиняться. Только после того, как им сказали, что в Тамбове есть выдающийся врач-хирург, который всех исцеляет, тогда народ успокоился и поехал в Тамбов...

Лука был немногословным, но обращался со вниманием. Подойдёт, погладит по плечу или по голове и спросит: "Ну как вы, голубчик? Всё ли хорошо?" Мы не имели нужной одежды, и когда приходилось выходить на воздух, то ничего, кроме подштанников, майки и халата, на нас не было.

Однажды весной, когда мы вышли из госпиталя на улице Пионерской посмотреть на Цну, то неожиданно увидели архиепископа Луку в окружении толпы. Несмотря на наш жалкий вид и свою занятость, Лука подошёл и стал спрашивать о самочувствии раненых. Он немного рассказал нам о реке Цне, о городе Тамбове, о котором приезжие бойцы знали немного.

Дважды мы встречались с ним на Набережной, и, когда провожали его, он рассказывал нам про Крым и главы из Библии. Меня приезжала проводить сестра, она была монахиней. А я до встречи с Лукой вообще был безбожником; мы с ней из-за этого не ладили – я не хотел её видеть. Но после операции и общения с Лукой я смягчился; мы встретились с ней и примирились. Думаю, что она виделась с Лукой, так как в Тамбове жила целую неделю в ожидании встречи со мной. Можно сказать, что после встречи с Лукой я стал верующим православным человеком.

...У меня после ранения шесть или восемь рёбер были перебиты. В Тамбов привезли меня через месяц после ранения, и рана уже затягивалась. Но большими шприцами вытаскивали гнойные остатки. Осколки попали в лёгкое с правой стороны и в лопатку. Было опасно делать операцию и извлекать осколки; достаточно было и одного осколка, чтобы попасть на тот свет, а у меня их было три, и я был жив. Во многом благодаря тому, что до войны я трудился, работал на технике прицепщиком тракториста, здоровый был – "бугай"! Благодаря этому я три осколка и перенёс... Перед операцией вначале он один раз пришёл, посмотрел, потом два дня не являлся, потом привезли его, меня на опера-

ционный стол повезли, и он сделал операцию, он готовился к операции. Гениальность Луки была в том, что спереди не стал трогать рёбра, чтобы не разрушить костный каркас. Операцию сделал сбоку, обрезая рёбра. Так он придумал магниты; он один осколок из раны вытащил магнитом, потом стал рассекасть, второй вытащил, а третий остался. Операция часов пять длилась, потому-то рёбра нужно было отпиливать или откусывать, да ещё и не хватило наркоза, и... медсестра Вера Тимофеевна просила, чтобы я матом не ругался. Многие фронтовики во время операций ругались, а Лука не терпел этого, у него начинали руки дрожать. Как мне сказали, я выругался только одним словом, и он потребовал, чтоб успокоили, и в этот момент сказал, чтобы ему скальпель в руки не давать...

Мне после госпиталя давали инвалидность и не пускали на фронт; я хотел сбежать... Лука, когда узнал об этом, потребовал, чтоб меня привезли к нему. Он сказал: "Дайте ему хотя бы вторую группу, так как у него нет, по сути, правого лёгкого – это тяжелее ранения, когда нет ноги". Но я не поехал к нему, а сбежал на фронт. А потом, когда я ещё раз вернулся после фронта, то профессор Лука уже ушёл от нас и стал главным консультантом эвакогоспиталей, а только в городе их было 24, а по области – около 50. Перед кинотеатром "Модерн", одноэтажное кафе, – там находился он как главный хирург-консультант, а потом там, где гостиница обкома была...

Никогда не забуду, как один раз после операции он пришёл в палату. Его сопровождала сестра моей жены Вера Тимофеевна Елагина... Она курила, поэтому всегда имела при себе папиросы. Старшая операционная сестра спереди стояла, а Вера Тимофеевна – сзади. Он приходит на второй день после операции проводить меня, специально приехал. (Он ещё был главным хирургом,

Хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий (слева) проводит операцию в земской больнице

а потом его сделали главным хирургом области.) Пришёл в палату с крестом. Я поднялся, он дал поцеловать крест. Потом спрашивает меня ни с того ни с сего: "Куришь?" А я не знал, что ответить. На фронте я не курил постоянно, но иногда, по обстановке, или в детстве было, ребята вот хулиганье на улице – закуришь, ну что мы там курили – листья от семечек. Ни денег, ни табака не было. Я подумал, подумал и ещё ничего не успел сказать, а он старшей медсестре говорит: "Дай ему папиросу!" Она курящая была – сразу зажгла папиросу. Он забрал у неё папиросу и сразу мне в рот сунул. Как только я взял, он закрыл мне его. Рука у него мощнейшая была, закрыл ей мне рот. Я смотрю – из раны выходит столп плотного дыма. "Видишь?" – спрашивает меня Лука. "Вижу!" – отвечаю ему. "Через неделю, через две – на том свете будешь, или бросишь – будешь жить. Понятно?" – бескомпромиссно заявил он и сразу ушёл. Потом мне рассказывали, что он интересовался о моём здоровье и спрашивал, не курю ли я. Я и до этого почти не курил, а с той поры вообще не пью и не курю».

Тяжёлый труд архиерея не остался незамеченным, и в феврале 1945 года патриарх Алексей наградил архиепископа Тамбовского и Мичуринского Луку высшей церковной наградой – правом ношения бриллиантового креста на клобуке.

В декабре 1945 года консультант эвакогоспиталей врач-хирург профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». При этом архиепископ произнёс речь, от которой у партработников волосы встали дыбом: «Я вернул жизнь и здоровье сотням, а может, и тысячам раненых и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей вине». Председатель облизполкома стал было говорить, мол, надо забыть прошлое и жить настоящим и будущим, на что

владыка Лука ответил: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!»

В 1944 году вышла из печати новая книга В. Ф. Войно-Ясенецкого «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов»; в 1946 году – второе издание книги «Очерки гнойной хирургии». За эти книги профессор Войно-Ясенецкий был награждён Сталинской премией I степени (1944 г.).

Что интересно, когда о. Лука приступил к написанию книги «Очерки гнойной хирургии» (за которую в 1946 году ему и дали Сталинскую премию), вдруг у него появилась крайне странная неотвязная мысль: *«Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа»*. Так впоследствии и случилось.

В следующем году диплом и денежная премия были вручены. В предисловии ко второму изданию книги «Очерки гнойной хирургии» владыка Лука пишет: «Достигнута главная моя цель – привлечь внимание врачей к гнойной хирургии, показать, что она не скучное и неприятное дело, а чрезвычайно важный отдел хирургии, полный глубокого научного интереса и очень нелёгкий в отношении диагностики и оперативного лечения».

Архиепископ Лука всю жизнь был чуток к чужим бедам. Большую часть своей Сталинской премии он пожертвовал на детей, пострадавших от последствий войны, устраивал обеды для бедных, ежемесячно рассылал денежную помощь гонимым священнослужителям, лишённым возможности зарабатывать на хлеб. Однажды он увидел на ступеньках больницы девочку-подростка с маленьким мальчиком. Выяснилось, что их отец умер, а мать надолго положили в больницу. Владыка повёл детей к себе домой, нанял женщину, которая приглядывала за ними, пока не выздоровела их мать.

«Главное в жизни – делать добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое», – говорил Лука.

В феврале 1946 года известный московский скульптор С. С. Юдин обращается к архиепископу Луке с просьбой позировать скульптору М. П. Оленину для портрета. Согласие

Памятник архиепископу Луке в Тамбове

было получено, и скульптор приехал в Тамбов.

Сегодня бюст В. Ф. Войно-Ясенецкого украшает галерею выдающихся хирургов в Научно-исследовательском институте скорой помощи имени Н. В. Склифосовского в Москве.

Апрель 1946 года стал наивысшей точкой популярности хирурга и архиепископа Луки. О нём много рассказывает светская и церковная пресса, художники пишут портреты.

Оценивая в целом «тамбовский» период жизни архиепископа Тамбовского и Мичуринского, врача-хирурга, профессора медицины святителя Луки (Войно-Ясенецкого), следует отметить, что он очень короткий, но уникальный. Период, когда ему удалось совмещать ипостаси священника, учёного, врача и созидателя наиболее активно, гармонично и продуктивно. По этой причине и считают Луку настоящим «тамбовским» святым.

Мощи святого Луки были обретены 22 ноября 1995 года. В том же году определением Синода Украинской православной церкви архиепископ Лука был причислен к лику местночтимых святых. А в 2000 году Архиерейский собор Русской православной церкви прославил священноисповедника Луку в сонме новомучеников и исповедников Российских XX века.

Анатолий ТРУБА

ИСТОЧНИК:

Лисюнин В. Ф., свящ. Факты и свидетельства очевидцев о тамбовском периоде жизни святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого) // Тамбовская старина, 2013. Вып. 3.

Виктор КАРПУШИН

МЕМОРИАЛ

На братском кладбище сквозь плиты
Растёт трава. Вы не забыты!
Теперь весна, раскрылись почки,
Как письма, клейкие листочки,
Как будто весточки оттуда,
Где все надеялись на чудо,
Что повезёт и пуля минет,
Не подорвётся друг на mine,
Что уцелеешь под обстрелом
В окопчике заиндевелом...
...Запомни имена на камне,
По плитам проводи руками.
Здесь вербы – белыми свечами,
А раньше и не замечали...

* * *

Командир полка слегка небритый,
Одинокий на сыром плацу.
Если жизнь – разбитое корыто,
То небритость, в общем-то, к лицу.

Ведь он был когда-то лейтенантом,
Девушки шептались за спиной...
Наделён осанкой и талантом –
Стройный тополь раннею весной.

А теперь ветра и злая осень,
Затяжные тусклые дожди.
И темнеет неизбежно в восемь,
И огни слепые впереди.

Дни и ночи холодны и мглисты,
И луна сквозь тучи не видна.
Но броня крепка, и танки быстры,
И плутает в чёрном сне война.

ОТЦУ

На братское с мамой поеду
(Пускай передали: дожди)
Отпраздновать нашу Победу,
Жаль только, отец не дожил.

Затеплим свечу и помянем.
По-русски. Всевышний поймёт.
...И верится, что над полями
Душа дорогая плывёт.

* * *

Зачем раскрашивать кино?
Пусть чёрно-белым остаётся!
Победы горькое вино
От этого не слаще пьётся.

Документальный вариант
Оценят, так как есть потомки.
Тот, кто снимал, не виноват,
Что не было трофейной плёнки.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

* * *

Был самый длинный день в году,
Поделенный на «до» и «после».
Затихла музыка в саду,
Коса звенела на покосе.

Пока ещё никто не знал
О первых павших на границе...
Пух тополиный заметал
Бульварное кольцо столицы.

Закрытым был военкомат,
Трамваи выходили в рейсы,
Дремал молоденький солдат,
Блестели и звенели рельсы.

...У репродукторов народ –
И сельские, и городские.
Война священная идёт,
Война гуляет по России.

* * *

Из мрака выплывает лодка,
Над лесом щурится луна.
Спит безымянная высотка,
И не подумать, что война
Не обошла вот эти рощи,
Поля в низине у села.
Конечно, позабыть всё – проще;
Но нет, она была, была!..
...Село. Избушки-развалюхи.
И по дворам больной страны,
Вздыхая, крестятся старухи:
«Вот только б не было войны».

Поэт попал в больницу
Почти на двадцать дней.
Тревожились синицы,
Отнюдь не соловей.

Слежался снег на взгорке
И медленно сходил.
И медсестра с иглой
Земных сулила сил.

Звонящие иголки,
Искристая капель,
И сумерки не горьки,
Особенно – теперь...

И белизна халата,
Палаты простота,
Как будто медсанбата,
Похожа – да не та...

Выдумывать не стоит
О времени былом.
Микстуры, и настои,
И лампа над столом

Из гаубичной гильзы,
Закопчены края...
Халаты словно ризы,
И родина – моя!

БЛОКАДНЫЕ ДЕВОЧКИ

ГЛАВЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Виктор БАКИН

Почему так избирательна память? Почему порой так мучительно беспощадна?..

Подумаю случаем о Великой Отечественной, и один эпизод непременно всплывает в памяти, один короткий отрывок из множества прежде прочитанных книг – пронзительный, по-детски бесхитростный – начинает беречь сердце томительным холодом.

«...На Новый 1942 год нам выдали по карточкам вместо хлеба по маленькому кубику соевого шоколада. Бабушка лежала уже недвижимая в кровати, но мама и ей сунула в рот этот маленький кусочек. В новогоднюю ночь бабушка умерла, а шоколадка так и осталась у неё, зажатая зубами. Мы перенесли бабушку

в другую комнату и положили на стол. Я очень боялась войти в эту комнату, но брат не побоялся ночью войти туда и вытащить у бабушки изо рта шоколадку.

Через день к нам пришла тётя Тина, жена маминого брата, привезла на санках дядю Женю, чтобы бабушка могла проститься с сыном. Узнав, что и бабушка умерла, мама с тётей Тиной решили положить их в одностворчатый шкаф, который стоял в прихожей, и вдвоём повезли их на санках на пустырь, который находился на Голодае Васильевского острова. Там рыли траншеи недалеко от школы, в которые хоронили штабелями трупы. Мама отдала бабушкину хлебную карточку могильщикам, чтобы при ней в могилу положили бабушку и дядю Женю...»

Эти воспоминания о блокадном Ленинграде Вера Петровна Зеферова, живущая позднее в Кирове, писала для своей внучки к её десятилетию, но однажды они были опубликованы. Почему к десятилетию? Потому что и Вере Петровне в 1941 году, когда началась война, было 10 лет... Её и прежде часто просили рассказать о пережитом, но она всегда отмалчивалась, боялась, что люди, не перенёвшие страданий блокадного Ленинграда, могут не поверить в ту страшную правду, о которой она могла им поведать без всяких прикрас. Взялась же за перо, чтобы внучка прочитала эти строки и знала настоящую цену и хлебу, и миру...

Так и я, прочитав однажды эти горькие странички, запомнил на все последующие дни и этот кусочек соевого шоколада, стянутый украдкой голодным мальчиком у умершей бабушки, и одностворчатый шкаф-домовину...

ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД ПОБЕДЫ...

...Много позже она сделает такую выписку из учёных книг: «...По неполным данным, жертвами блокады стали свыше 1 миллиона 413 тысяч человек. Или 57,6 процента ленинградцев по отношению к началу блокадного голода. Или 47 процентов по отношению к численности населения довоенного Ленинграда... Критический период блокады смогли пережить около одного миллиона человек. Из них 557 тысяч 760 человек пережили всю блокаду... Жителям блокадного Ленинграда пришлось пережить практически пять месяцев полного голода. Это зима 1941–1942 годов. И двадцать два месяца последующего частичного голодания...»

По своему малолетству самый страшный период блокады Татьяна Ивановна Кармазина не помнит: когда началась война, маленькой Танечке Ильиной был всего годик с небольшим.

Она родилась 3 марта 1940 года – как раз в те весенние дни закончилась финская военная кампания. И потому мама считала дочь счастливым талисманом, предвестницей мира и была абсолютно убеждена: с ними ничего дурного случиться не может. Не должно! Несмотря ни на какие лишения! И

наотрез отказывалась покидать осаждённый Ленинград...

Семьёй из четырёх человек они жили на Большой Охте, в двухкомнатной квартире с печным отоплением на третьем этаже каменного дома дореволюционной постройки. Но с началом войны отец, Иван Константинович, выпускник военного училища младших командиров, отвечающий по нынешней поре за снабжение одеждой и питанием ремесленников на Кировском заводе, был переведён на казарменное положение. Навещать родных, чтобы узнать, живы ли они, Ильин мог только раз в месяц. Чаще просто не получалось... Мама, Анна Ивановна, коренная петербурженка, теперь была ответственна и за маленькую дочурку, и за свою престарелую слепую мать...

Водопровод не работал, за водой Анна Ивановна привычно ходила на Неву. Когда же таскать тяжёлое ведро совсем не осталось сил, брала с собой бидончик... А там тоже преграда. Когда к реке спускаешься, между берегом и уровнем льда перепад метра два – два с половиной. Сделаны для удобства схода ступеньки. Но люди постоянно падали, воду разливали, потому на ступенях выросла сплошная ледяная короста. На ней пытались делать зарубины, но это помогало мало. Поэтому сверху к реке просто скатывались. А обратный путь, как подняться – тут не сразу и сообразишь... И вот выстоит Анна Ивановна очередь к проруби, кружкой воду начерпает. Потом поставит бидончик рядом с собой на снег и терпеливо ждёт, когда же набранная вода покроется сверху кружком льда. Как пробкой, закроет горловину. Чтобы в случае падения не расплескать. Иначе вновь в хвост очереди придётся пристраиваться. А как иначе?

Кто-то, говорят, просто брал с улицы снег и растапливал. Но Ильины береглись, на подобное не соглашались. Потому что городской снег и на снег-то походил очень мало: помои и прочие нечистоты тогда из окон сливали прямо в форточку. Или на лестничную клетку все эти отходы разом вымахивались. Да и трупы на дворовой площадке, возле парадных нередко грудились, закоченевшие на сильном морозе...

По осени сорок первого года при объявлении воздушной тревоги все жильцы дружно спускались в подвал, примитивно оборудованный под бомбоубежище. Но однажды большая фугасная бомба упала рядом с домом Ильиных. И сразу заходили ходуном полутораметровые стены, захлюпала сливная вода в канализации, порвались провода, погас свет. Было жуткое ощущение потерянности и страха – дети заплакали, женщины заголосили. Если бежать – не знаешь куда. Подвал битком, кругом темно, ориентир спасительного выхода потерян... Сразу пришли на память подобные случаи: от падения большой бомбы расходились фановые канализационные трубы, которые по устройству просто входят одна в другую, а стыки держатся исключительно на замазке. И когда земля колебалась от взрыва, подвал затапливало отхожими водами. Вместе с людьми...

После памятного случая с падением бомбы мама Тани твёрдо заявила: «Всё, больше я в бомбоубежище спускаться не буду. Зачем? Если прямое попадание, так оно и в подвал пройдёт. А если будет частичное обрушение, так с нашего третьего этажа легче спастись, чем из подвала...»

С той поры, едва объявят воздушную тревогу, она хватала дочь и падала на кровать. Сверху набрасывала матрасы, одеяла, одежду. словно этот ворох тряпья мог от чего-то уберечь... А вот слепая бабушка осторожно, по стеночке постоянно ползала в подвал, пока ноги держали. Так жить хотела, так боялась налётов. И одно упорно твердила дочери: «Не спускайтесь в подвал – очень рискуете. Так нельзя...»

За свою долгую жизнь старушка пережила и русско-японскую кампанию, и Первую мировую, и Гражданскую войну... Поэтому постоянно хранила небольшой НЗ. Продуктовый набор: овсянка, лук, соль, спички, цикорий с кофе... И никак не могла поверить, что всем ленинградцам выдают такой скудный паёк, 125 граммов хлеба. Даже прямо выговаривала дочери: «Ты меня обманываешь. Ты пользуешься моей слепотой. Ты меня объедаешь... Даже в Гражданскую войну такого не бывало...»

Обидно было слышать эти упрёки, но что ж поделаешь...

Виктор БАКИН

Виктор Семёнович Бакин родился 1 ноября 1957 года в г. Мураши Кировской области. Окончил местный политехнический институт по специальности «инженер-строитель». В вятскую журналистику пришёл в середине 1970-х, будучи студентом. Работал в газетах «Комсомольское племя», «Вятский край», «Кировская правда». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Кировской области. Автор десяти книг прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Дружба народов», «Роман-газете». Лауреат многочисленных областных премий. За книгу «На Великую...» удостоен Всероссийской православной литературной премии им. святого и благоверного князя Александра Невского и Всероссийской литературной премии «Имперская культура» им. профессора Эдуарда Володина. Дважды признавался писателем года. В 2010 году получил звание «Вятский горожанин» за публикации об Александро-Невском соборе. Кавалер ордена Достоевского II степени. За книгу «Война матерей» удостоен высшей награды Российского союза ветеранов Афганистана – ордена «За заслуги».

Бабушка умерла от голода 15 марта 1942 года. Как раз пришёл на побывку отец – он и договаривался о похоронах. Отдали могильщикам продуктовую карточку, чтобы всё сделали по-человечески. И бабушка упокоилась не в общей безымянной братской могиле, а рядом с захоронением деда. На Большеохтинском кладбище...

Пережившим первую блокадную зиму было уже ничего не страшно. Привыкли постепенно к бомбёжкам, привыкли к артобстрелам. Но главное – весной город вскопал грядки. Раскопали под них всю прибрежную зону, цветники около Исаакиевского собора, Марсово поле, Лебяжью канавку, Летний сад. А кто-то и прямо во дворах поднял землю под посадку, используя каждый свободный клочок... Выдали и семена – картошку, морковку, брюкву, редиску. А ещё памятки, как надо выращивать зелень и овощи.

Чтобы не было такого холода, как в минувшую зиму, летом сорок второго года власти вынесли решение – деревянные дома разобрать на дрова. Таких домов на Охте было много. Вот их и разбирали, а жильцов коменданты спешно определяли на подселение, в пустующие квартиры...

В начале июля после падения Севастополя все ожидали нового штурма Ленинграда. Поэтому комитет обороны постановил оставить в городе только работающее население. Персонал промышленных предприятий, госпиталей, хлебозаводов, жилищных контор. А всех иждивенцев, особенно детей, вывезти. И хотя мама маленькой Тани упорно противилась эвакуации – приказ строг и подлежал неукоснительному исполнению. В конце июля 1942-го они вынуждены были оставить родной Ленинград.

Добрались до Тамбова, пристроились на отдых на привокзальной площади. И вдруг воздушная тревога – неизвестный самолёт пронзил небо. Все разбежались кто куда. Напуганные тётки и старушки бросились к спасительному забору: головы попрытали, а ноги и попы – все наружу... А у Ильиных никаких сил нет, чтобы куда-то сдвинуться. Сидят на чемодане: у Анны Ивановны ещё рюкзак за спиной, к ней утомлённая дочка привалилась, сжалась в страхе в комочек. Подходит тут к беженцам строгий милиционер, начинает выговаривать: «Гражданочка, так нельзя. Надо бы в укрытие...» А Танина мама устало отвечает: «Я еду из Ленинграда. Мне уже ничего не страшно...» Милиционер от них тогда и отступился...

Наконец вот она – деревня, где проживали отец и мать Ивана Константиновича. Встрети-

лись, обнялись, поплакали... А в деревне той уже много беженцев. Вот дед с бабушкой откуда-то с Украины. Деда почему-то называли скопцом, голосок у него был какой-то странный, почти детский. И при этом был дедок страшный матерщинник. А бабушка – вечная хлопотунья... У них в пользовании земельный участок, где выращивали тыквы-голосеменки. Такое название, потому что там семечки не покрыты оболочкой... И Танюшу они как-то особо привечали, жалели. Позовут, бывало, к себе в землянку, где всё свободное пространство завешано разными целебными травками и пахнет так вкусно. А в углу сложены рядком тыквы. Оранжевые, большие. И вот дед заявляет: «Танька, ну-ка сейчас тебе тыкву разрежем...» Разрежет, ругается: «Ай-ай, опять не голосеменки. Только зря овощ испортил... Да ничё, давай другую разрежем. Авось, повезет... Ага, вот и голосеменки! Ешь!...» А эти семечки, не покрытые кожурой, такие были вкусные, такие желанные. Не передать. Да и простые тыквы тоже ничего. Сладкие, как пирожные. Мама Тани так и говорила: «Эта тыква прямо пареная дуричка...»

Когда Ильиные приехали в деревню, у Тани скоро болячки начались. Золотуха открылась, потом подцепила чесотку. Доходяга потому что, дистрофия, следствие перенесённой блокады. И её обрили наголо...

Так прожили дочь с матерью до конца зимы 1944 года. Тане было уже около четырёх лет – возраст сознательный, поэтому кое-что из той поры она уже помнит... А когда прорвали блокаду и пустили первый поезд, за ними приехал отец и перевёз семью в Тихвин. Там в двухэтажном деревянном доме они и встретили конец войны.

– Помню кладовочку, где мама хранила продукты. Стыдно признаться, но я воровала оттуда прессованные сухофрукты: кусочки сушёных яблочек, чернослив... – с грустной улыбкой вспоминает сегодня те годы Татьяна Ивановна Кармазина, председатель совета Кировского городского общественного объединения «Жители блокадного Ленинграда». – Помню, как мы с подружками собирали черепки разбитых блюдец и чашек, а потом спорили, у кого самый

красивый обломочек... Помню, как мама посылала меня рвать крапиву для супа. Никаких варешек нет, но всё равно ступай и рви... Помню, как в детском саду мы декламировали стихи. А я была девочка упрямая. Как запомню что-то с первого раза, так упорно и повторяю. Вот заучивали стихотворение, а там фраза «С хитрым справимся врагом...» Я же почему-то запомнила «С хитрым праздником врагом...» Так и повторяла раз за разом. Мама мне выговаривает: «Это что? С каким ещё праздником врагом? Это ещё что за выдумки?» А я упорно стою на своём: «Нам так сказали, так я и буду читать...» Детский каприз, бывает...

Мама входила в родительский комитет. Однажды этот комитет раздобыл несколько плиток американского шоколада. Настоящего чёрного шоколада. И взрослые решили устроить нам праздник на День Победы. Сварили эти плитки, и горячий шоколад разлили по маленьким чашечкам. Без сахара – сахара же не было. Я попробовала – мне не понравилось. Глоток сделала и отставила. Горько... А остальные, кто выпил, потом долго маялись животами... Так меня Бог хранил.

Два с половиной года мне было, когда мы уехали из Ленинграда в эвакуацию. И в памяти о блокаде остались только отдельные звуки. Вой сирены. Стук метронома. Впрочем, возможно, это уже накладка, послевоенные впечатления...

«РОБКА, НЕ ВОРУЙ!...»

Из рассказа Ираиды Петровны Перевощиковой:

– ...Стало холодать. Ввели карточки. И тут мама попадает в больницу. И мне пришлось бегать туда всё время. Надо же было её попроведать... Мама из скудного больничного рациона умудрялась что-то и для нас с братом выкроить и потом через окошечко в узелочке передать. И я тогда несусь домой с этой передачкой – очень боялась, что не утерплю, всё сама съем. Хотя надо было и братику оставить.

А братик Робка уже не мог ходить, не вставал. И мы с ним, чтобы согреться, рядышком лежим и смотрим часами в потолок. И

мечтаем: «Господи, хоть бы буханка хлеба с неба упала...»

Помню, мама написала записку, что хочет мясного бульона. Это было её последнее желание. А где взять? Но папа что-то придумал, как-то извернулся... Но вот я в очередной раз прихожу в больницу, а соседки по маминной палате меня уже поджидают. И глаза отводят, не знают, как сообщить, что мамы больше нет. Только указывают на склад для покойников. Я к узенькому складскому окошечку подхожу, ищу маму взглядом – не могу найти. Покойников уж очень много. Только по руке признала...

Всю обратную дорогу проплакала. Домой прихожу, брату рассказываю – и он в слёзы. Потом обнялись и плакали уже вместе, почти до потери сознания...

У меня ещё подруга была – на одной лестничной площадке жили. У неё в эти дни бабушка умерла. Но лежит словно живая – глаза открыты. Страшно! Подружка в растерянности: что делать? И мы какие-то денежки нашли, какие-то монетки – ими и накрыли глаза...

Ещё помню, спускаюсь в подъезде вниз, а лестница вся жёлтая от замёрзших нечистот. Воды же не было, туалеты не работали – на ведро ходили. И потом его содержимое выливали прямо в подъезд. Или за окно на улицу. Вот кругом и висели эти мерзкие сосульки. Так некрасиво. Но запаха не чувствовалось, потому что сильные морозы... И вот спускаюсь я однажды по обледелой лестнице, а на самом выходе – маленький ребёнок, завёрнутый во что-то беленькое. Только родился и уже не жилец. Что говорить – кошмарный ужас!..

Мы жили в Ленинграде на Барочной улице, дом 4, квартира 25. Это Петроградский район... В первые же дни войны мама сшила нам с братом специальные за спину мешочки, где лежали сухарики и бутылка воды. Так с мешочками мы и в газовое убежище бегали. Почему газовое? Потому что слухи ходили, что немцы хотят травить русских газами...

А ещё немецкие листовки помню: «Ленинградские дамочки, не копайте ямочки! Придут наши таночки, зароят ваши ямочки...» На всю жизнь это в памяти, эта агитация...

И вот мама умерла, братик слабенький, и папа не знал, что делать, чтобы нас спасти. Но как-то договорился – нас эвакуировали на катерах по воде. Потом ехали в телячьих вагонах. Брата папа держал на руках, а мне доверил плоский чемоданчик – там был хлеб. Видимо, на дорогу дали. Даже нарезанный. И мне очень хотелось хоть немного, хоть крошечку отщипнуть. Но стоило только до крышки дотронуться, попробовать её приоткрыть – весь народ сразу на меня внимание обращал. Так мне казалось. Ну как тут есть будешь, все же увидят...

Не знаю, где мы должны были выходить. На каждой остановке я бегала за водой. А потом с папой стало дурно. От голода у него случился постоянный понос. Помню, была ночь, и он всё время менял нижнее бельё... Так мы доехали до Котельнича, где нас высадили и на машине увезли в школу – там располагался сборный пункт. Папу положили в палату со взрослыми мужчинами. Братик тоже слабый, нездоровый. И я улягусь рядом с ним и что-нибудь утешительное говорю. Даже просила звать меня мамой...

В один день утром, как всегда, прихожу в папину палату. Только дверь открыла – все дяденьки такие стали насторожённые. Молчат. Потом сказали, что папу спустили в мертвецкую. Я туда по коридору несусь – сама не своя. Залетаю в морг: у одного лицо открою, у другого открою. Всё чужие дяди. А умирало тогда много. И вот наконец мой папа – лежит последний...

Конечно, как я плакала тогда – это не передать. Кошмар! У нас же с братом больше никого на свете нет. А мне всего одиннадцать лет...

Потом нас отправили в Волково, в санаторий. Там моего братика немного поставили на ноги. А летом 1942 года – в село Медяны, в детский дом, который располагался прямо в здании бывшей церкви.

«Не будете слушаться – отдам в детский дом!» – такую угрозу нам с братом порой мама высказывала. Но в шутку, любя! Когда мы на лыжах во дворе катались, она из окошка постоянно просила: «Ира, Роберт, закройте шарфом рот...» А мы не слушались и потому часто болели.

И вот мамы нет, а мы – в детдоме!

Едва первые шаги сделали – такой резонанс, такой шум. Дети, сколько их там было, все разом: «Новенькие приехали!» А мне так страшно – не передать...

Детский дом считался комсомольским. Но не было ни книг, ни одежды. И хлеба не хватало. Не было света – горели коптилки. Около коптилок вечерами сидели ребята постарше – двенадцати-тринадцати лет. Есть хочется, а есть нечего – вот они и играют в зубарики. Настолько этот звук неприятный, прямо душу разрывает...

Помню – первый день сентября. Нас отправили в школу в платицах хэбэшных желтого цвета. Все обриты, чтобы не было вшей. Ещё выдали кирзовые ботиночки и белые чулки. Я эти белые чулочки никогда не надевала, оставила себе на память...

Как-то дежурю, встречаю случайно брата – он в руках и в карманах несёт лук. Спрашиваю: «Что это такое?» – «Лук». – «Где взял?» Он показал: «Вон в той комнате, в мешке». – «Зачем же ты взял?» – «Меня один мальчик попросил...» – «Надо мальчику, а берёшь ты? Что, хочешь быть вором или жуликом? У нас же нет родителей. Я не хочу, чтобы мой брат был жуликом или вором...» Так я это близко к сердцу приняла, так ругалась. Ещё сказала: «Я сегодня дежурная. И я тебе в столовой есть не дам...» Он испугался, побежал от меня, ему стыдно стало. А мне ещё палка какая-то попала под руку, и я этой палкой его побила. Брат плачет, говорит, что тот мальчик больной. А я: «Ничего не знаю и знать не хочу. Не бери чужого!...»

А потом была общая линейка, и Робка извинялся перед строем, что воровски взял лук для больного товарища...

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ПРОТИВОГАЗИК...

Из рассказа Инны Владимировны Токаревой (Турчаниновой):

– Я родилась на Петроградской стороне, а жили мы на улице Малопосадской, дом 19, квартира 36. Даже сейчас адрес помню. Это недалеко от Петропавловской крепости и двор-

ца Кшесинской, где когда-то выступал Ленин... Мама сначала была счетоводом, потом стала бухгалтером в домоуправлении. Отец – инженер, во время войны ушёл на фронт, в морфлот. А бабушка – педагог, инспектор народного образования...

Жили в коммунальной квартире. Квартира большая, комнат много. Но во время войны кто-то умер, многие разъехались. И мы остались одни...

Три с половиной года мне было, когда война началась. Но мы так любили свой город, что не хотели его покидать. Первое время думали – скоро война кончится. Хотя разговоров ходило много, что надо уезжать. Но решили пока не ехать. А потом уже совершенно невозможно было уехать. И мы остались в городе на всю войну.

В садик я не ходила – меня оставляли дома одну. Представляете: кругом бомбёжки, голод. И никого из соседей нет. Совсем одна в пустой квартире... А у нас в коридоре висел над комодом телефон. И мама мне говорила: «Ты мне звони, если будут бомбить. А сама ничего не бойся...» И вот я залезу на стул, потом на комод, потом смотрю циферки, набираю старательно пальчиком и говорю: «Мама, стреляют...» И мама бежит домой, подвергая себя опасности. Прибежит, и мы спускаемся в бомбоубежище. Там вентиляция, лампы керосиновые. И мы брали с собой «летучую мышь» – тоже керосиновая лампа, но на ручке... Но потом бомбёжки стали сильные, частые, и уже и не было сил куда-то бежать. Думалось: как будет, так и будет...

Скоро не стало света, не стало воды, не стало транспорта... У нас были тогда печки «голландки», топились дровами. Такие большие круглые печи – они шли до самого пятого этажа. И каждый садился около своей печки и топил. Когда дров не стало – стали жечь паркет. У нас же красивые были дома, красивый паркет, изразцовые потолки. А книг сколько...

У меня дедушка по маминей линии был педагогом и преподавал в гимназии. Но его репрессировали. Он преподавал историю и географию и на обложках, на первых страницах рисовал рода войск. Цветной тушью. Наглядно показывал военную форму – какие одежды,

какие мундиры были в старые времена. В том числе и в царской России. И кто-то донёс, мол, человек – приверженец царского режима. И всё, решили его репрессировать... Тогда он написал Крупской: «Я ни в чём не виноват. Я просто преподавал историю...» Она ответила: «Чтобы вас не расстреляли и не посадили куда-то в тюрьму, вам придётся выехать из города Ленинграда на поселение в Малую Вишеру...» Это Новгородская область, по Октябрьской железной дороге. Вот туда они и переехали – бабушка с дедушкой. Но дедушка скоро умер, а бабушка пережила всю войну... И второй мой дедушка, который оставался в Ленинграде, тоже умер от голода и болезней. А вот женщины оказались живучей...

Напротив нашего дома был завод «Электроприбор». Его постоянно пытались бомбить. И вот однажды затрясся весь дом, такой грохот раздался. И пыль, и аромат какой-то поплыл. Запахло, как грушевой эссенцией... Дедушка закричал: «Надевайте противогазы. Химическая тревога!..» А мама запротивилась, засомневалась: «Да не может быть...» Мы действительно слышали, что объявляли воздушную тревогу. Её подавали сиреной. Во дворе крутилась спецмашина, и по радио говорили: «Воздушная тревога!» А если химическая тревога – то во дворе били в рельсу, и по радио тоже предупреждали: «Химическая тревога!..» На этот случай у всех были противогазы. Даже у меня был маленький противогазик... И вот мама побежала в соседнюю комнату, смотрит, а там вынесло стену и часть окна. А напротив осколок шторы порвал и весь туалетный столик разнёс. Вот духами и пахло...

По карточкам мы получали 125 грамм хлеба. Мама ходила, где давали хлеб, в эти лавки, а я стояла в кровати, за деревянной решёткой, и ждала, когда она принесёт мне довесочек... И вот она придёт, принесёт, а сама голодная, щёки провалились, не видно, что это молодая женщина... Я уже после войны видела её фото: думала, это бабушка какая-то. Скелет, обтянутый кожей, вся в морщинах. Хотя она с семнадцатого года. Значит, ей было где-то 24–25 лет...

Помню, нашла я как-то кусок яичного мыла... А у нас стоял рояль – папа играл, и я

немножко играть училась. И под роялем небольшое отверстие – я туда заначки прятала... И тут говорю маме: «Тоже спрячу...» А она: «Да его есть нельзя». – «А вдруг потом пригодится...» И спрятала... И мама маленький мешочек сохранила: там горох, немножко семечек, немножко сухариков. И записка: «Это моей доченьке, когда я умру...» Завязала узелочек и положила укромно в буфете...

За водой ходили на реку. По ледяной дороге спускались к проруби. Порой наберут воды и упадут. А если кто-то упал – надо не давать человеку заснуть, иначе умрёт. Потому теребили друг друга, выручали...

Когда стало совсем тяжело, мама отдала меня в детский сад. Там хоть как-то кормили. Но дети такие дистрофики, больные... У них от голода случалось выпадение кишки. И когда вправляли эту кишку, все страшно кричали. И я тоже думала: «Господи, неужели и у меня так будет...»

Помню, в садике нам давали размазную... овсяную кашу. Уж как мы её любили...

А потом мама вдруг услышала по радио, что в районе детского сада объявлена тревога, бомбёжка. Она недалеко работала, в домоуправлении... Прибежала, смотрит – на месте детсада воронка. И всё кругом развалено, стекла битые, кирпичи. Всплеснула тогда руками, заплакала: «Что же это теперь...» Думала, что все дети погибли. А тут женщина подходит и говорит: «Не беспокойтесь, мамаша, детей успели увезти в бомбоубежище...»

И опять я без садика осталась...

Во время войны мы ходили к татарской мечети, собирали камешки. Там такая красивая мозаика была... Собирали и потом рыли в земле место, клали этот камушек, сверху стёклышко – это у нас называлась тайна... Чему могли, тому и радовались – вот камешки, лоскутки...

У меня были куклы, которые делали сами. Собирали всякие лоскутки и делали домики... И почему-то красные лоскутки были больше всего в цене, когда ими менялись. А на улице играли в казаки-разбойники, в лапту... Собирали жёлуди. Хвою собирали...

Ещё помню, в кухне стояла большая плита, и ручка у неё большая... И мама спрашивала:

«Что ты тут всё стоишь?» А я: «Да я просто стою...» И держалась за эту ручку, чтобы мне теплее было... А бабушка всё вязала – у неё был сундук, и я в этот сундук залезу, посмотрю, какие раньше у неё были платья, как она вышивала... Потом из тряпочек мама мне сделала куклу – пупсик такой вышел гуттаперчевый. Из чулка головка, к ней пришиты чёрные локоны. И чего только не нашла на эту куклу – всякой разной одежды. Эта кукла у меня была как музейная редкость. Уже после войны дети приходили, и мы стали делать кукольный театр. У мамы была лиса на воротник – для нас это серый волк. На пальчики надевали клоуна – это у нас охотник. А красная шапочка – это моя кукла... И мы делали спектакли, даже продавали билетики...

А в войну мало было детей...

Помню, были такие диверсионные сюрпризы. Игрушки со взрывчаткой. Немцы разбрасывали их с самолётов. Дети подходили, думали, что это игрушка – красивая кукла или машинка. Возьмут, а она взорвётся... И потому мама мне всегда наказывала: «Ни в коем случае. Не трогать ничего, не подбирать...» Ещё нельзя было оставлять детей около магазинов в колясках. Говорят, что воровали и... Вот и мама говорила: «Никогда ничего не будем покупать, если не знаем, что это такое...» Ну а хлеб – там наполовину жмых, пищевая целлюлоза. Но всё равно он казался таким вкусным...

Сколько было умирающих людей! И скоро хоронить их просто не могли. Заворачивали в ткань или в одеяло, писали, кто умер, и просто выносили за порог. Или за пределы дома, за ограду на улицу...

В конце января сорок четвёртого года было полное снятие блокады Ленинграда. Такой праздник! Слышу грохот. Думаю: опять бомбят. Залезла под кровать... А мама меня оттуда вытащила: «Доченька, это же победа. Наша первая победа...» Вытащила, одела меня – была зима. И мы побежали к Петропавловской крепости. И там у моста на Неве, где Заячий остров, был салют. И прожектора били в небо. И все обнимались и плакали...

Был у нас дома старинный чайный сервиз на двенадцать персон. Ещё царского времени,

с двуглавым орлом. На голубом фоне белые лебеди, кругом лилии, кувшинки... Его моей маме ещё бабушка передала. Потому дорог он памяти. Вот этот сервиз вместе с нами пережил блокаду. Хотя половина предметов всё же разбилась...

«ЛЯГУШКА» С АРСЕНАЛЬНОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

...Родилась она в Ленинграде, Арсенальная набережная, 7, – вот домашний адрес её детства. Это пятьсот метров от Финляндского вокзала, рядом с Литейным мостом. И до Невы по гранитной брусчатке рукой подать, а сам берег тогда, перед войной, был пологий, песчаный, под тремя раскидистыми тополями устраивались весёлые ребячьи игры, замки строили, «куличики» пекли. Лишь много позже мостовую значительно подняли, заложили парапет, так что прямого подхода к воде сейчас нет.

Детсад № 33, из которого она уже ходила в подготовительный класс, даже неплохо читала и писала, тоже располагался на берегу Невы, прямо на речном повороте. И когда объявлялась воздушная тревога, все были обязаны бежать в бомбоубежище. Под него приспособили машинное отделение железнодорожного вокзала – расставили по периметру дощатые лавочки.

Бомбёжки, град зажигалок, крутящихся, как вьюнок, и разбрасывающих во все стороны горящий гель, летящие с воем на низкой высоте серо-чёрные самолёты с белыми крестами – было так страшно, что словами не передать. Но со временем сил бегать и прятаться просто не осталось...

Всех взрослых скоро мобилизовали, на Кировском заводе работали теперь круглосуточно, и маму Лиля практически не видела. (Только после войны дочь узнает о голодной смерти матери прямо у станка.) Отца, как военнообязанного, призвали на защиту родного города (Он тоже погибнет год спустя.) Пятилетняя девочка осталась одна.

А на пороге зима – мороз под сорок градусов, в пустой комнате лютый холод, взрывной волной давно выбиты стёкла, от постоянных сквозняков нет спасения, а печку топить нечем.

Все заборы, табуретки и шкафы уже сломали и сожгли. Чтобы как-то побороть неотступную дрожь, Лиля, как маленькая старушка, надёвывала на себя всё, что могло хоть немного согреть: на ноги – разбитые валенки, поверх лёгкого пальтишка крест-накрест наматывала расползающуюся – дыра на дыре – серую шаль. Один матрас под себя, лежаком, второй – шалашом, куда можно забраться всей этажной детворой и даже накрыться одеялом. И попробовать как-то утолкаться, согреться и чуть-чуть подремать, размазывая по щекам сопли и слёзы.

Беспризорную дворовую ребятню от пусто-го шараханья объединил в эти скорбные дни старый сосед – дед Видякин. Борода у него была длинная, до пупа, но, что несколько странно, вся чёрная, в ней едва проглядывался редкий седой волос... За жилыми домами угловым порядком стояли тогда хозяйственные постройки, и самый первый сарайчик значился видякинским. По утрам, как на зарядку, вся шумливая ватага устремлялась гурьбой к нему в очередь. А дед посиживал уже в своей сарайке: перед ним громоздился здоровенный противень, на котором, как студень, был разлит древесный клей. Резал старик Видякин этот самодельный клей на ровные кусочки и на вилочке раздавал, как угощение или награду за будущие благородные труды, каждому подходившему. И малыши этот клеевой брусочек клали в рот и жмурились от удовольствия.

После этого дед Видякин раздавал задания на день. На лестничных площадках, на чердаке стояли тогда бочки с водой, ящики с песком – на чрезвычайный случай пожара. Вот и нужно было их оперативно наполнить, наносить с Невы в ведрах, в чайниках, в бидонах... Мальчишки – а им всего-то по одиннадцать-двенадцать лет – если проволокой разживутся, тут же гнули из неё щипцы. И когда зажигалка вьюнком закрутится, хватать её этими щипцами и сразу в песок...

Раз в неделю к дому приезжала похоронная санитарная машина. И тогда подростки шли на поквартирный обход: почти без эмоций, привычно и буднично вытаскивали из комнат

покойников и грузили их в кузов... Помогали отovarивать и хлебные карточки, особенно тем, кто немогутной. А немогутных было сплошь и рядом. Вот идёт человек за водой, подскользнулся, упал и больше не встал... Или кто-то присел на корточки в очереди, а выпрямиться, подняться нет сил. Всё – уже и хлеба не надо, и ничего не надо...

Девочка-дистрофик, ручки-ножки как ниточки – измождённой до крайности эвакуировали Лилию Земскую с 33-м детсадом Приморского района Ленинграда по Ладоге только летом 1942 года. В это же время вывезли ребятешек 1, 11 и 16-го дошкольных учреждений. В эвакуопункте в Кобоне грязнуших, завшивленных малышей, как кирпичики, из рук в руки, перекидали с парома в вагоны-теплушки, рассадили гуськом на солому. А она колючая, хуже вшей донимает.

Месяц добирались до Кирова – вторая дорога жизни. Потом на лошадиных подводах привезли утомлённых ленинградцев в Слободской. И прямым ходом в прачечную – выстроили все четыре детсада рядом и всех наголо обрили. Волосы, одежду – всё в топку. Помыли маленьких блокадников основательно с жидким дегтярным мылом – месяц от каждого этим дёгтем пахло. Вот такая обязательная дезинфекция.

В селе Первомайском, на берегу реки Вятки, в небольшом лесном массиве возведены были три двухэтажных дома: два отдали под детей, по этажу на детсад, в третьем расположились нянечки да воспитатели. Теперь это был один интернат № 110.

Скоро облшвейбыт одел всех интернатских девочек в ситцевые синие платья в белый горошек, коженый комбинат предоставил партию своей обуви. Вот и «щеголяли» нередко малыши в кирзовых сапогах в постоянных поисках съестного. Даже смолу со стеновых брёвен нередко соскабливали и жевали, так что зубы напрочь склеивались. Ужас и кошмар!

Кушать действительно хотелось всегда. Таких, как Лиля Земская, неходячих от слабости и истощения, было очень много – их сразу поместили в изолятор. Но и здесь паёк суще-

ствовал весьма ограниченный: нельзя сразу усиленно кормить изголодавшегося человека, не выдержит его организм. Впрочем, и не было никогда в достатке продуктов. Потому местные жители, как гособязанность, несли в интернат плоды своего подворья. Или кто что может, вплоть до капустных лопухов, из которых варили на кухне жиденькие щи... А ещё в изоляторе давали столовую ложку рыбьего жира в месяц. И в чай добавляли чуть-чуть молока...

Сколько времени прошло – целые десятилетия, а Лилия Семёновна Широкова до сих пор помнит, как однажды приехала за дочерью соседка по дому в Ленинграде и тайком от всех сунула ей гостинцем гороховую лепёшку. Такая вкуснятина – не передать.

А ещё не забывается гнутый пряничек-«бананчик» розового цвета. Наверное, лет десять где-то в закутке пролежал этот хлеб, потому что совсем не жевался. Сухущий-пресухущий... Его принесла тётя Лиза, тоже ленинградская знакомая, когда почти все ребята готовились возвращаться домой, а Лилию с собой не брали. Не к кому было её возвращать, не было больше у неё родителей.

Это была настоящая катастрофа: с десятков остающихся зарёванных малышей такой тогда вой подняли – никакое сердце не выдержит. Все в растерянности – что делать, как успокоить? Вот тут и появился счастливым образом этот чёрствый пряник, немножко отвлёк маленькую девочку от горьких мыслей о покинутости и одиночестве.

Вскоре привели Лилию на второй этаж – передавать в новую семью. А по всему этажу – запах настоящей домашней еды. От одного этого запаха слюни до пола. Заводят в комнату – за столом приёмный отец, приёмная мать, воспитатели, ещё кто-то. А Лиля людей почти не замечает и не слышит практически, о чём ей сейчас говорят, – прямо перед глазами скворода сантиметров 70 в диаметре, а на ней жареная на рыбьем жире картошка, порезанная хрустящими жёлтыми колечками! Ну как тут слюну удержишь, крепись не крепись – бесполезно. И когда положили ей ровно три штучки – не заметила, как проглотила.

Потом на белой лошади с плетёной корзиной на подводе ехала Лиля Земская в Слободской, в приёмную семью Семёна Ивановича Кисельникова, начальника местной милиции.

Увидела впервые девочку бабушка Оля (мать приёмной матери), только руками взмахнула: «Ой-ой, что за лягушку-то вы привезли? Где ж так миленькую измождали?...» И верно, в синем платье да в кирзовых сапогах, вся высохшая до косточек, Лиля напоминала бедную старушку... Кинулась баба Оля шить новой внучке фланелевое красное платьице – от обновки на щеках сиротки вроде даже румянец загорелся. Следом решила девочку хорошенько накормить. Наложила пельмени с горкой, рядом большущий ломоть каравайного хлеба. Всё от доброй души – кушай, милая, поправляйся.

У Лили после интернатского измора глаза распахнулись – мигом сметала всё до последней крошки. И тут же заумирала – раздуло её, как откормленную свинюшку, сверху и снизу разом потекло... Бабушка переполошилась, кинулась «скорую» вызывать. Приехали медики, новенькое платье безжалостно ножницами распороли, сделали промывание желудка. А иначе неизвестно, чем бы дело кончилось...

Лиле и потом всё время хотелось есть, но еду давали только с выдачи, лишний кусок хлеба тут же убирался.

Война, интернатское житьё – всё это убивало внутреннее «Я». Все были на одно лицо, никто не выделялся. Всё делалось коллективно и соразмерно... Но, с другой стороны, перенесённое и пережитое закрепили непростой характер, привнесли мужскую энергетику – себя в обиду не дам.

Отца скоро перевели в Киров, дочь начальника милиции Лиля Кисельникова пошла учиться в привилегированную женскую гимназию и... начала шкодить по-чёрному. Ещё совсем соплявка, училась она средне, зато дралась «на отлично» – в квартале её знали жёсткой. В друзьях были одни мальчишки, а девочкою она просто поколачивала. Или схватит в охапку и сунет головой в снег. Мать одной такой страдалницы нередко кричала вдогонку: «Бандитка! Бандитка!» Лилю это слово обижало –

какая же она бандитка?! А то встретит одного мальчугана, который белого пёсика замучил, размахнётся портфелем и по морде – фьюить! А портфель из мешковины пошит, в нём пенал металлический, куча книг – тяжёлый...

После школы пошла в лесотехникум, позже окончила политехнический институт, долго работала в строительной отрасли. По мужу она теперь была Широкова. И часто ездила в Ленинград – искала свои родовые корни.

Однажды ехала по городу на трамвае, и словно что-то кольнуло внутри, подсказало: «Вставай, выходи – твоя остановка». Вышла – и точно, родное место! На внутреннем двореке стоял стол – мужики-пенсионеры жучили в домино. Подошла, представилась, разговорились. Спросила про старика Видякина. Оказалось, он погиб от фугасной бомбы... Потом доминошники показали, где расположено домоуправление. Там подняли домовую книгу довоенного времени, где значилось, что Земская Лиля Дмитриевна родилась 5 марта 1936 года в Ленинграде, её отец – Земский Дмитрий Александрович, мать – Чайкина Елена Титовна...

Теперь у неё было не только три фамилии (Земская, Кисельникова и Широкова), но даже две даты рождения (по интернатской выписке, составленной визуально в Слободском, год рождения – 1937-й) и два отчества. И чтобы доказать, что Земская и Кисельникова – одно лицо, пришлось обращаться в суд.

...Безумный страх и инстинктивное желание бежать, прятаться – эта коренная память о пережитом преследовала её ещё долго, очень долго.

Как-то в пионерском лагере, где отдыхала десятилетняя Лиля, вздумали играть в войну. Разделились на две команды. Красненькие лоскуточки вечерами шили – по числу этих захваченных тряпочек в итоге будет определён победитель. А ещё надо найти горн, знамя и барабан – прямые атрибуты победы...

И вот в начале соревнований завели сирену!

И сразу всё всколыхнулось, сразу померкла мирная жизнь. Какая игра, какие лоскутки и барабаны?! Куда, зачем? Одна мысль бьёт в

висок: надо бежать, надо где-то схорониться. И она сломя голову помчалась куда-то в поле, как жучок, зарылась в солому и напрочь забыла о времени.

Искали её трое суток...

ПОЖИЛЫЕ, ПОЖИЛЫЕ, УЛЫБНИТЕСЬ, ШИРЕ КРУГ!

...Проговорили мы более трёх часов. И как-то незаметно пролетело это время.

– Я тихо говорю. Поймает ли он голос, сделает ли запись? – проявляла беспокойство Дина Николаевна Губина, ставя под большое сомнение способности моего диктофона.

– Поймает, – успокаивал я, зная, на что способна моя японская записывающая техника.

– Ну ладно, если так. А то у меня голос глухой. Да и нервничаю маленько...

– А вы не волнуйтесь... Тем более впереди праздник – День пожилого человека. (Наша встреча состоялась в конце сентября.) Хотя у вас, блокадников, по-моему, несколько иное название этого торжества – День «уценённых людей»?

– Мы себя называем «уценённой молодёжью». Мы всё-таки молоды душой. Поём песни, встречаемся, радуемся этим встречам. И, конечно, огорчаемся, когда кто-то уходит от нас. Это безусловно...

*...Вот и мы – пожилые,
Третий возраст настал,
Говорят, он последний
В этом мире причал.
Так зачем, пожилые,
Нам об этом грустить,
Коль законы земные
Не вольны изменить?..*

Всё-таки мы должны держаться. Иначе нельзя... Уж если мы пережили блокаду, то сегодняшние трудности-сложности в жизни – это ерунда. По сравнению с тем, что было в войну в Ленинграде. Может быть, именно это преодоление, прожитое и пережитое, и даёт нам силы ещё держаться на земле. Жить. И

чем-то даже заниматься, несмотря на болезни... Конечно, неприятно болеть. И болезней с возрастом всё больше и больше – целый букет. Но надо стараться не входить в болезнь. Если человек об этом только и думает – тогда ничего хорошего не будет. Так не поправиться. Надо именно уходить от болезней. Быть грамотным, знать, что с тобой происходит, чем ты болеешь... Вот у меня был инфаркт. Ну, полежала я в кардиологии, струхнула малость. Но ничего, вот ещё хожу...

Впрочем, это же никому не интересно, все эти разговоры о болезнях. Давайте о другом поговорим...

– Давайте.

И ветеран педагогического труда Дина Николаевна Губина, в двенадцать лет пережившая блокаду Ленинграда, а чуть позже оказавшаяся на Кубани в оккупации, вспомнила своё далёкое военное детство.

...Ребята с нашего двора

Мне стали сниться очень часто.

Из всех я выжила одна,

Мне не с кем больше повстречаться...

«...Война. И скоро голод начался. Это страшное испытание – голод. Даже трудно представить, какое это чудовищное испытание... Продукты таяли, те запасы, которые мы в очередях закупили, скоро истощились... Мама ходила на Ситный рынок, пока были силы. Что-то там продавала или меняла. А силы покидали... Соседка скоро умерла, Наталья Ивановна, от голода... Тригорины – они как раз за стенкой жили. Наша комната и рядом соседняя. Продуктовых запасов они не сделали, а по карточкам-то что? Ничего. Когда Бадаевские склады сгорели, каждую неделю сбавляли норму хлеба. И стали только один хлеб давать – ничего больше. И 13 ноября было снижение нормы хлеба, это день, когда папа погиб. 20 ноября, через неделю, мы его хоронили, и нам тогда выдали 125 граммов хлеба... 125 граммов – это же был совсем небольшой кусочек, в пол-ладошки. И это – на целый день. И больше ничего. Вот

как тут жить?.. Как умирали Наталья Ивановна и Сережа Тригорины, мне трудно рассказывать. А мама сказала: "Дина, пойдём, вынесем Наталью Ивановну..." Я вошла в комнату: кровать с умершей стояла напротив двери. И на меня смотрели чёрные застывшие глаза... Наталья Ивановна была красивая женщина, брюнетка. Чёрные глаза её были сейчас открыты – и мне казалось, что она сейчас вскочит и кинется на меня. Так было страшно... Мы с мамой сняли её с кровати, на полу расстелили простыню, завернули и вынесли под лестницу у входа в подъезде. Там было специальное место, куда складывали всех умерших жильцов дома... Каково же было всё это видеть, ощущать эту мёртвую тишину, когда до войны наш дом постоянно шумел. Было весело, играл патефон, музыка хорошая звучала, исполнялись замечательные советские песни. "Брызги шампанского", "Рио Рита" – популярные мелодии довоенного времени... А тут я иду за хлебом в магазин, или за водой, или просто так – и боюсь посмотреть, повернуть голову в сторону этой лестницы, где лежали умершие жильцы. И дети, и взрослые, которых я хорошо знала. Это же жутко... И мама моя стала силы терять очень быстро. Она теперь делила этот маленький кусочек хлеба на три части и прятала их подале, чтобы и самой не съесть сразу, и мне не давать. А я всё нудила, всё приставала, что хлеба хочу...» – из рассказа о блокаде.

*...Смотрит ребёнок: холод и тьма,
Мёртвая в доме стоит тишина:
Мёртвая мама, убили отца,
Бабушки нет. Где же брат и сестра?
Мёртвые рядом лежат,
Мёртвые, будто бы спят...*

«...Чем запомнился весной сорок второго года город Котельнич? Вокзальчик небольшой деревянный. И вот эти ступеньки, ступеньки, ступеньки вверх. От железнодорожного полотна. Много ступенек. А уже солнышко пригревало, погода стояла хорошая. А я – в зимнем пальто и в валенках. Местные люди,

понятно, полегче одеты... И вот мама посадила меня посредине этой лестницы – прямо на наши мешки и чемодан. На нашу поклажу. Сама пошла за билетами. Приходит расстроенная: "А билет я только один смогла купить. Больше не дают..." Что делать? Тут объявили посадку. Поезд был пассажирский, но старого образца. Словно фанерный. Только в кино про старые времена можно такой увидеть... Как посадку объявили, так все и рванули к вагонам. Кто в двери ломится, кто ещё как... Мама говорит: "Так мы с тобой никуда не сможем пробиться. Что-то надо делать..." А первое окно от двери почему-то было приоткрыто. Мама и командует: "Давай-ка лезь..." Подсадила меня на плечо, я и залезла в вагон. Мешочки какие-то у неё взяла. А она с чемоданом пошла уже через нормальные двери. Через основной вход... Устроились мы с ней на первой скамейке. А потом думаем: а как же дальше, один же билет? Как быть-то? Контролёры же ходят, проверяют билеты. Вот мама и советует: "Придётся тебе, Дина, под лавку лезть. Там схорониться..." Я под лавку залезла, меня мешками прикрыли. Незаметно... А на скамьях тесно, люди плотно друг к дружке сидят. И тут контролёр. Но ничего – обошлось. Меня никто не выдал... Так доехали до города Горького. Там ночевали. И я запомнила: вокзал там большой, здание солидное, но внутри всё равно не попасть. Народу много. И мы устроились в каком-то углу. Смотрю я по сторонам и невольно замечаю. Там – подросток, и там – мальчишка. И ещё, и ещё. Беспризорные это дети. И они по ночам промышляют. Вот смотрят внимательно – что у кого есть. Пощупают даже твой мешок. И если приглянется, утают при удаче... Кое-как мы там всё же до утра дотянули. А билетов и в Горьком нет. Как быть? Пошла мама на разведку по путям. И нашла в тупике товарный состав. Почти пустой. С кем-то даже переговорила. Оказалось, состав следует в южном направлении, в сторону Сталинграда. Что нам и надо... Похватили мы свои вещи и поспешили к тому составу. Вновь безбилетники...» – из рассказа об эвакуации.

...Детство блокадное –
Горькое, слёзное –
Мне не забыть никогда.
В годы осадные
Стала я взрослою –
Детство ушло навсегда...

«...Так уж случилось, что из эвакуации мы с мамой попали в оккупацию. В Армавире это было, где жила мамина сестра, тётя Маруся... Полгода довелось там быть. Вот как вас вижу, так видела и немцев... А ещё видела, мне дядя Трофим показывал, когда с ним ездила на лошадах, под станицей Советской... там был тот же Бабий Яр. В балке евреев заставляли рыть себе могилы, а потом их расстреливали. Здесь даже земля шевелилась... А в Армавире однажды во всё небо – куда ни посмотри – летали чёрные хлопья пепла. Что такое, откуда? Потом люди сказали – это на берегу Кубани жгли одежду евреев. Вот вся река пеплом и покрылась...

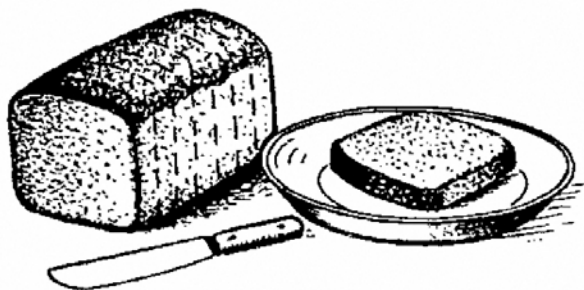
Потом на центральной площади повесили трёх братиков. Старшему было шестнадцать лет. Повесили мальчиков. За что? А за то, что старший убил свою мать. А мать снюхалась с немцами... Как тут быть, кто прав, кто нет? А он был комсомолец, этот шестнадцатилетний мальчик. Не смог такой поступок своей матери перенести...

Потом стали заселять немцами весь город. Хочешь, не хочешь – ни у кого не спрашивали. И к тёте Марусе заселили двух немцев. Конечно, страшно было. Да и повсюду... в людском общежитии – страх очень большой. Насторожённость, напряжённость, тревога... Но присмотрелись со временем – вроде и не злые эти "наши" немцы... Они были рядовые. Вечерами,

когда у них было свободное время, прямо на полу посреди комнаты они устраивали акробатические этюды. Это было даже забавно. Я же хорошо помнила ленинградский цирк, куда мы ходили с папой... А я в те дни очень мучилась большими язвами на ногах. Это после блокады, следствие всего перенесённого. И ни тетя, ни мама ничем не могли помочь. Прямо такие фурункулы были... И вот один из немцев это заметил и принёс мне мазь. В баночке, какая-то жёлтенькая была мазь. Даёт мне, мол, возьми, помажь. И действительно скоро помогло. И мы тогда поняли, что и среди немцев тоже есть разные люди... Да, они были солдаты, воевали против нас. Но душой добрые... А под конец, когда они уже уходили из города, один на кулаках мне показал, что он думает о войне. Кулак о кулак постукал костяшками пальцев и сказал: "Сталин, Гитлер – капут!" Мол, оба они виноваты в том, что произошло. На обоих лежит вина, что эта чудовищная война случилась...» – из рассказа об оккупации.

...Недавно я раскрыл небольшую поэтическую книжку, где на обложке значится автор – Дина Губина, и название – «И я оттуда, из блокады», и прочёл стихи о памяти, о Ленинграде, о Ладожском озере, о маме... А ещё «Вальс пожилых», где есть такие строчки:

*...Пожилые, пожилые,
Улыбнитесь, шире круг!
Вспомним годы молодые,
Позабудем про недуг!
Вспомним песни под гитару,
Позабудем про покой,
Топнем – левой, топнем – правой,
Эх, тряхнём-ка стариной!..*

Тамара КОВАЛЬЧУК

Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор десяти сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках: «Я жить без тебя не могу» (2016), «Мой казачный край» (2017), «Всё начинается с любви» (2017), «Всё, что свыше дано» (2018), «И всё это жизнь...» (I том, 2017), «И всё это жизнь...» (II том, 2018), «Поцелуй Вселенной» (2018), «Души закрома золотые» (2019), «Па роднай старонцы» (2019), «Шагая по алфавиту» (2019). Автор-составитель сборника стихов и рассказов «Память храним» (2019), литературный редактор Международного художественно-публицистического альманаха «Созвездие» (г. Минск), победитель международных литературных конкурсов «Мой аленький цветочек» (2018), «Присвячэнні песняру» (2018). Живёт в г. Осиповичи Могилёвской области, Республика Беларусь.

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Памяти павших за землю святую,
Памяти павших за гордость страны,
Пишут поэты, стихом салютуют,
Чтоб никогда не вернуть той войны.

Прозой ложится то страшное время,
В каждой строке – боль утраты и крик.
Это из боя тяжёлое бремя
Тащит с собой седовласый старик.

В память о тех, кто остался без крова,
В память о тех, о ком сон говорит,
Ручка с чернилами вечно готова
И над бумагой, как прежде, парит.

Пусть не услышит мир звук канонады
И не увидит расстрела детей.
Только слова пусть летят, как награда,
Матери радостных ждут новостей.

Памяти тех, кто принёс нам победу,
Памяти тех, кто не предал народ,
Пишут поэты, отдав души дедам,
Пишут, чтоб жил человеческий род.

МОЙ ГЕРОЙ

У могил тишина, только Вечный огонь,
Серой дымкой покрытые плиты.
В День Победы стою и своею рукой
Обнимаю осколки гранита.

Здесь убили тебя, бросив в яму с водой,
И зарыли бескровное тело.
Ты мне жизнь подарил, сам справляясь
с бедой...

Я с тобой быть в бою том хотела.

Над могилой твоей ярко светит звезда,
Будто сердце солдатское бьётся.
Я клянусь тебе, дед: не забыть никогда
Подвиг твой! Он со мной остаётся.

Да, уходят года, и бежит время вновь,
И другие стоят на защите.
Знаешь, дед, я горжусь, что твоя во
мне кровь,
Русский дух твой в холодном граните.

Бой давно уж затих, твой зарос в поле след,
И, прожив жизнь, я тихо седею.
Ты ко мне заходи, мой герой и мой дед,
Я прижать тебя к сердцу успею.

ПОЖЕЛТЕВШИЙ КОНВЕРТ

Лежит треугольный конверт у икон –
Листок, пожелтевший за годы,
Его в сорок пятом принёс почтальон,
Спешивший весной в непогоду.

Неровные буквы поблёкли чуть-чуть,
И сыплется край у бумаги,
Но в нём до сих пор жив солдата тот путь,
Которым шагал он с отвагой.

Слезам размытые сына слова,
Которые мать поливала,
Держась на ногах до кончины едва,
Солдата с войны ожидала.

Хранила у сердца последнюю весть,
И гордость, и боль испытала,
И внука просила сберечь эту честь,
Чтоб вечно звездою сияла.

Чтоб знали потомки, что землю спасли
От ига отцы их и деды,
Чтоб старый конверт, как святыню, несли,
Всегда дорожили победой.

СЕРЫЙ ГРАНИТ

У леса, у самого края,
Солдат с автоматом стоит.
Дана ему доля такая,
Его тело – серый гранит.

Он смотрит в широкое поле,
Туда, где пшеница шумит.
Сорвать колос спелый не волен –
Закован он в серый гранит.

Ласкает его вольный ветер,
Дождём он и снегом омыт.
С цветами к нему идут дети,
Кладут на тот серый гранит.

Разорван рукав у шинели
И пулей стальною пробит.
К солдату склоняются ели,
Льют слёзы свои на гранит.

У леса, у самого края,
Земля тайну свято хранит.
Лежит на ней мать, вся седая,
Целует холодный гранит.

НЕТ ВОЙНЫ

На дворе зеленеет трава,
И звучат песни тихой слова.
Кто-то видит счастливые сны,
Потому что нет больше войны.

С неба солнце бросает лучи,
И от ран в ночь никто не кричит,
И цветёт всё с приходом весны,
Потому что нет больше войны.

Клёкот аиста, крик журавля,
Волны ржи на колхозных полях,
И олени на тропках лесных –
Это значит: нет больше войны!

Мирный город, родительский дом,
И семья в сборе вся за столом.
Лишь от краски все флаги красны –
Это значит: нет больше войны!

ПРОСТИ, СОЛДАТ

Прости меня, солдат, давно погибший,
Прости меня за то, что я живу,
За то, что жизнь идёт, и спеют вишни,
И дождь садится тихо на траву.

Давно забыты звуки канонады
И пуль шальных свист страшный у виска.
Но как же помнить это всем нам надо!..
Прости, солдат... За все прости века.

Прости, солдат, лежащий под плитой,
Прости меня за сон мой и покой.
Твой подвиг, знаю, жизни всей дороже,
Ведь ты закрыл страну своей рукой.

Горит огонь, и искры рвутся в небо,
И души с ними в вечность вновь летят.
Прости, солдат, что мной забыт ты не был..
Прости меня... За всё прости, солдат.

РАССКАЗ-ВОСПОМИНАНИЕ

Первого июня получил письмо с малой родины, из города Острогожска Воронежской области, от товарища, который на год младше меня. Письмо пришло в символический День защиты детей. Оно напомнило мне наше детство, когда Острогожск был оккупирован фашистскими войсками и мы, 6–7-летние пацаны, переживали ужас этого времени. У меня уже правнучка старше того возраста, и воспоминания о той поре только вызывают страх – не дай Бог им, нашим правнукам, пережить такое.

Ведь детская душа впечатлительна. Я не согласен с теми психологами-философами, которые утверждают, что дети не имеют страха перед войной. Они имеют свой, ещё неосознанный страх перед всеми ужасами, в том числе и военными, впечатления от которых остаются на всю жизнь. Детское стремление играть в войну обусловлено самой природой человека – защитить себя. Здесь детская фантазия выступает формирующим началом сильной, уверенной, способной справиться с любым врагом личности, а бывает наоборот – воспитыва-

ется будущий агрессор. Игра в войну – опасная вещь всегда, но страшнее всего пережить это на самом деле.

Товарищ пишет о том, что в городе уже мало осталось наших ровесников, а мужского пола почти нет.

«Вот, – пишет он, – пошёл к двоюродному брату в гости, который 1933 года рождения, но ещё в памяти, хотя и не ходит, как ты. Невольно вспомнили о начале войны и что нам пришлось пережить в 1942 году, когда фашисты оккупировали наш город. Воспоминания тяжёлые, поэтому мы и редко обращаемся к ним...»

Это случилось через год после начала войны, в такой же летний жаркий день. Уже вовсю полыхало пламя войны. Фашисты, потерпев поражение под Москвой, повернули на юг, и Воронеж, как и Острогожск, в один миг из тылового города стал фронтовым. Жизнь в них и до этого была не сахар, а тут превратилась в ад.

В городе шли слухи о приближении вражеских войск, но никто не ожидал, что оккупация случится так быстро.

Нашей семье, отцу, получившему ранение в голову под Ленинградом и вывезенному из блокадного города в Вологду, откуда его забрала мама, райкомом партии была выделена подвода с двумя лошадьми для эвакуации. Загрузив кое-какой скарб и посадив нас с братом, которому было три года, а мне шёл седьмой, в подводу, рано утром пятого июля 1942 года тронулись в путь. Старые дедушка и бабушка пошли нас провожать. Наверное, это нас и спасло.

Мы далеко не успели отъехать, когда в девять часов немцы начали бомбардировку города. Основной их целью был мост через реку Тихая Сосна, по которому отходили отступающие наши войска. Но бомбы падали кругом, появились трупы убитых женщин и детей. Нам чудом удалось спастись и вернуться домой, где нас ждал полный разгром. На наш дворовый участок упало две бомбы – одна в конце сада, а другая недалеко от дома, выворотив с корнем яблоню и образовав огромную воронку. Дом был полуразрушен, но пригоден для жилья. Но главное, мы остались живы. Ну как после этого не верить в судьбу?

А шестого июля в Острогжск вошли немецкие танки. Началась оккупация города, которая длилась 228 дней, а мы все, его жители, жили в постоянном страхе. Кое-кто сегодня говорит, что это немного. С этим можно и согласиться, но прожить столько дней в постоянном страхе – это очень тяжело.

Город стал наполняться различными войсками. Я отлично помню, что мы, выселенные в сарай, пережили, как их называла бабушка, «непрощенных квартирантов» – немцев, венгров (мадьяр), румын, а на улицах я даже наблюдал итальянцев с перьями на шляпах. И у каждого из них были жёсткие требования к жителям, основное из которых – повиновение, иначе расстрел.

На третий день оккупации вся наша семья пережила стресс. Прямо во время обеда пришли полицаи и арестовали отца, который ещё не успел оправиться от ранения. Рассказ о его коротком боевом пути я запомнил на всю жизнь. Вот коротко, как это было:

«Я был активистом и в партию большевиков вступал по убеждению. В начале войны мне было 29 лет, и я пошёл на фронт добровольцем. Был определён политбойцом в стрелковый полк Западного фронта, который отступал к Ленинграду. Там пришлось оборонять гору Воронья на ближних подступах к городу.

Рота обороняла высоту Воронья из последних сил. Фашисты жали. Мы надеялись на подкрепление. Высоту никак нельзя было отдавать, с её вершины простреливалась большая часть Ленинграда. Трое связных, посланных в полк, обратно не вернулись. Вызвался я. Командир роты, ещё мальчишка, благословил меня словами: "Отец, на тебя вся надежда!" И я пополз, пули роем проносились надо мною, но, видимо, ещё не было моей. На пути в полк встретил своих товарищей, но уже ничто не могло им помочь. Только вперёд! Не знаю и сам, как добрался до штаба полка, доложил обстановку. Сказали, что на помощь выступает целый батальон и мне с ним идти. Но мне нужно было поддержать своих товарищей морально, сказать, чтобы держались, помощь идёт. Я спросил разрешения и подался в роту один. Где-то на полпути меня и достало. То была моя пуля. Наверное, так бы и сгинул. Но идущие на подмогу бойцы батальона обнаружили меня и отправили в госпиталь. Очнулся через две недели, три месяца не разговаривал, потом меня "Дорогой жизни" отправили в Вологду, где я с трудом начал говорить. Пуля прошла сквозь голову навывлет, и врачи посчитали, что я не жилец. Списали подчистую. В июле 1942 года за мною приехала твоя мать. Чего ей это стоило в то время – добраться из Острогжска до Вологды и обратно, да ещё со мною-заикой, сам Бог знает! Врачи посчитали, что я больше года не протяну, а вот уже 40 лет топчу эту землю, потому то люблю жизнь во всех её проявлениях (было это в 1981 году, а через два года его не стало. – В. К.).

А в 1965 году вызвали меня в райвоенкомат и вручили медаль за тот бой "За боевые заслуги" за № 2667006. В те дни получить медаль, когда мы оборонялись, было равносильно, что получить самый большой орден.

Это потом, когда погнали фашистов, награды давали легче...»

История жизни моего отца, простого труженика-бойца, весьма интересна, но...

Когда мама, которой тогда было всего 27 лет, с таким трудом привезла отца из Вологды домой в Острогожск, об этом знали немногие. А мы обрадовались – папа появился дома, хотя и белый (седой), но живой. Дядя Вася, его друг, живший на нашей улице, уже стал полицаем, но пришёл предупредить отца, чтобы он скрылся, – на него пришёл донос в полицию. Отца стали собирать в побег, хотя он был ещё слаб, но не успели. По доносу соседки (как я узнал позже), что отец – коммунист, его забрали полицаи. Два дня мы жили в постоянном страхе, что его расстреляют или повесят. В городе на площади уже стояли виселицы с повешенными коммунистами и просто жителями. Но и тут судьба улыбнулась нам. На третью ночь кто-то постучал в окно. Это был отец. Ему удалось бежать из концентрационного лагеря, который был на торфяниках, отец отлично знал эту территорию ещё по довоенной работе. Его спешно отправили в деревню к тётке, где он и прятался до конца оккупации. Но эта история требует отдельного рассказа.

К слову, в Острогожском районе немцы организовали 14 концентрационных лагерей, в которых содержалось 100 тысяч советских военнопленных и местных жителей, строящих железную дорогу на Сталинград, так называемую Берлинку. Это одно из белых пятен Великой Отечественной войны. Сколько погибло там наших людей, одному Богу известно. Их хоронили прямо у насыпи. Сегодня эти места позабыты, и поисковики, которых показывают по ТВ, не знают об этом. Их больше привлекают места больших сражений, но были и «тихие места», где решались судьбы войны.

О «Берлинке» я впервые услышал в конце 90-х годов прошлого века от своего друга Ивана Черкасова, который был на девять лет старше меня. Его, 15-летнего пацана, схватили и отправили строить «Берлинку». Но ему с тремя такими же ребятами удалось бежать, когда их везли в концлагерь, поэтому и остался

жив. Потом он ещё сражался с самураями... Да, трудная судьба досталась нашему поколению.

Я увлёкся своими воспоминаниями и забыл о письме товарища. В нём он делится своими впечатлениями о жизни в оккупации. И хотя мы жили в одном городе и в одно время, но воспоминания у нас разные, но в основном нерадостные.

«...Вспомнили ребят, – пишет Володя Котов, – Масюкова Толю и Рымарева Валю, рождения 1931 года, которые жили рядом с нами на Новой Сотне (слобода города), и они всегда брали нас с собой. По нашим меркам, они были уже большими.

За нашими домами было небольшое озеро, в котором до войны красноармейцы купали своих коней, а рядом были склады, где немцы организовали скотобойню. Водоём мы называли Зарой. Рядом с ним немцы соорудили выгребную яму, куда вывозили весь ливер убитых животных. Фрицы ливер не ели, а выбрасывали в яму. Там всегда толпились ребята с сумками и ножами. Немец вываливал в яму с подводы ливер, и тут же ребята бросались к яме, кромсали ливер, прятали в сумки и бежали с этим "богатством" домой. В этой яме всегда стояла вонючая жижа...»

Позвольте отвлечься на свои воспоминания.

Наша семья также жила в слободе Новая Сотня, тоже недалеко от скотобойни, только с другого края. Наш дед был ещё крепким мужиком, и немцы привлекали его к работе на скотобойне. За дедом приходил полицай и отводил его туда. Естественно, там ему поручалась самая грязная работа, за которую его «награждали» цыбаркой (большое ведро) крови животных. Бабушка разливала эту кровь по противням, она застывала, её резали на кусочки и жарили. Это был деликатес. А в это время наша мама, ей было всего 29 лет, выменивала последние вещи на какое-нибудь зерно и картошку в окрестных деревнях. Это было опасно, но голод не тётка!

Ещё до оккупации жители города жили впроголодь, а в оккупации вообще стало туго – магазинов не стало, а базар совсем оскудел...

Возвращаюсь к письму товарища:

«Как-то в августе месяце пришли мы за ливером, меня брат к яме не подпускал, я стоял на подхвате. Приехал немец, открыл короб и вывалил ливер. Стал смотреть, как пацаны кромсают отходы. Потом схватил одного пацана и кинул в яму. Лето, жара – в яме черви плавают, кишки плавают, и пацан бултыхается, кричит, а немец смеётся.

Ребята вытащили пацана из ямы, я его хорошо знаю, отмыли в Зарое, успокоили.

На следующий день привозит немец ливер, высыпает в яму. Смотрит, но никто из ребят не бросается за ливером. Фриц недоумевает. А ребята постарше кинулись на него и столкнули в яму. Немец толстый, барахтается в яме, кричит, а ребята смеются. "Киндер, – вопит, – помоги выбраться!" Пожалели ребята фрица. Подали ему колючую проволоку, он не дурак, обмотал проволоку клеенчатым фартуком и кое-как выбрался сам. Расплата не замедлила свершиться.

Ночью мадьяры и полицаи устроили облаву по домам на пацанов старше десяти лет, стащили всех на конюшню и до крови перепороли шомполами... И всё равно народ ходил к яме. Жить-то надо было, надеялись на наших...»

У меня на тот момент иные воспоминания. Пока мама наша крутилась, добывая кое-какую еду, бабушка ни на шаг не отпускала нас от себя, так что мы не могли участвовать в «походах» к выгребной яме. Довольствовались тем, что дед Фатеевич иногда приносил с бойни.

Как-то мама пошла на рынок и не вернулась. Её не было двое суток. Представляете наше состояние. А тут ещё поползли слухи, что немцы окружили базар и держат людей для каких-то целей. А там была наша мама!

Потом узнали, что людей ждали для машин-душегубок, которые следовали из Харькова по железной дороге. Но слава советским лётчикам, которые разбомбили этот состав, а партизаны довершили его разгром. Продержав людей двое суток и не дождавшись машин, людей отпустили. Акция уничтожения жителей Острогожска была сорвана.

А каково было нам, детям, которым бабушка и дедушка не могли объяснить, где

мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы – ведь для оккупантов жизнь аборигенов ничто, тем более фашистов, для которых все мы были недочеловеки. Мы, дети, не понимали происходящего, но подсознанием чувствовали, что происходит что-то страшное.

Возвращаюсь к письму своего товарища: нашёл эпизод, когда он увидел эсэсовцев. Здесь надо признать, что память нам стала изменять. Эсэсовцы действительно носили чёрную форму, даже полевые, например танковая дивизия СС «Мёртвая голова», но Володя почему-то вспоминает их в серой форме. Это могла быть полевая жандармерия:

«Видел эсэсовцев, но у них была не чёрная, а серая форма, мышиного цвета. Рядом со школой квартировал немецкий врач-хирург, а у него был денщик, всегда весёлый Ганс. Как-то я катался на санках в яру возле школы. Он поймал меня, ему нужны были санки, чтобы подвезти к дому бревно. Ганс заставил меня тащить санки, а сам шёл впереди насвистывая. Не доходя школы, только он вышел за угол хаты, как вдруг, перепуганный, бросился ко мне. Думаю, чего он перепугался? А он мне: "Киндер, шнель бегом нах хаузен!" Я выглянул из-за угла, вижу, стоит легковушка, а возле неё немцы в серой форме. А Ганс мне: "СС. Пух-пух – и тебе капут! Шнель домой!" Так я увидел СС...»

Да, подумал я, кого только из оккупантов не было в Острогожске. Но долго они не продержались.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайностей могла стать и становилась причиной смерти многих из нас.

Один случай из моей детской жизни. Советские войска окружили Острогожск, но ещё не вошли в город. Немцы, находящиеся в городе, пытались вырваться из кольца. Их танки метались по улицам из одного конца в другой, пытались нащупать брешь в наступающих войсках. Город бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб – понятия разные. Мы из нашего маленького погреба решили перебраться в подвал к соседям напро-

тив, где уже собралось много семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов: «На миру и смерть красна». Когда мама меня и трёхлетнего братишку повела туда, в конце улицы появился немецкий танк, а улицы в районном городишке узкие, танк быстро приближался. Мы засуетились и растерялись. Я и мама успели перебежать дорогу, а Вова остался на другой стороне улицы. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась машина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, гроыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда всё обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом: что стоило тогда немцам дать очередь из пулемёта или чуть-чуть вильнуть машиной – и нас нет! И таких случаев во время войны была масса, в большинстве своём они заканчивались печально и для взрослых, и для детей.

Оккупация не только ад для основной массы населения, и детей особенно. Как часто повторял мой покойный отец, первым бросившийся в горнило войны (он был «политбойцом», значение этого слова замалчивается до сих пор), «кому война, а кому и мать родна». В оккупации люди понимали цену друг другу, цену тем, кто живёт рядом

Зимой 1943 года, когда группировка немецких, венгерских, румынских и итальянских войск попала в окружение (Острогожско-Россошанская операция 13–17 января 1943 г.), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы подрывали и поджигали склады. Один из таких продовольственных складов был на нашей улице. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы добыть кое-чего съестного. Устремилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыр, макароны и снова бросалась в горящие развалины. Я пытался это богатство снести домой, но по дороге всё отбирал боров-сосед, который и при немцах жил неплохо. Он держал лавочку и наверняка прислуживал оккупантам. Эта подлость запомнилась мне на всю жизнь. Уже в 60-е годы про-

шлого столетия, приезжая в отпуск в родные края, я всегда при встрече с ним высказывал ему своё презрение. К сожалению, такие, как он, безбедно жили при оккупантах, не получили по заслугам и после нашей Победы, а их потомки хорошо живут и сегодня. Изворотливость – их кредо жизни. Почему это так, я понял, прожив большую нелёгкую жизнь. Опыт даёт истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда побеждают только в сказках, а в реальности зачастую наоборот.

Последствия оккупации, да и всей войны в целом, продолжались и после Победы. Хотя это была уже пора надежд, но поесть досыта нам суждено было ещё не скоро.

Растущий детский организм требовал пищи. Поесть вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто сегодня помнит голод 1946–47 годов, особенно жители больших городов, которые уже властью «родного» правительства снабжались за счёт деревень и малых городов. Провинция снова выручала страну. А мы, 10–12-летние, считали за лакомство лепёшки из жёлудёвой муки. Жёлуди собирали в лесу, дубов достаточно в Воронежской области, и сами мололи на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепёшек...

Впервые я поел конфет, и то не шоколадных, в 1950 году, когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГа (торговое государственное предприятие). Тогда я вспомнил, как смеялись над нами, мальчишками, немецкие солдаты, жившие на нашей улице в усадьбе МТС. Они подманивали нас под окна здания, показывая вкусные вещи (для нас тогда и кусок хлеба был деликатесом), а потом бросали в нашу сторону конфету, за которой мы бросались, как волчата, отталкивая друг друга, а немцы гоготали во всю глотку от удовольствия, глядя на нашу свалку. Мне тогда ничего не доставалось. Это было для них радостное зрелище, а у нас рождался звериный инстинкт. Но кто мы были для них?

Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учёба была для нас роскошью, к которой мы стремились, невзирая ни на какую усталость.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Пребывание на оккупированной территории долго вспоминалось детям военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты – «Был или нет на оккупированной территории?». Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытал вражеское рабство, в чём-то неблагоприятном. Не унижительно ли это?

Всё было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа – это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется, а это неправильно.

Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается мнение: была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят!» – очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью – трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них страдание детей – пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного – это постулат истины. Для богатого слёзы бедного – это деньги. Нынешняя действительность – подтверждение этому!

Читатель моложе меня, возможно, удивится моим нерадостным детским воспоминаниям и будет прав по-своему. Не испытал ужасов страшной войны и видел её только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, мучения детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны для всех, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, а тем более показывать. А это, на мой взгляд, самая действенная пропаганда против войны. Американцы не испытывали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими солдатами. Любые иностранные солдаты, будь они и миротворцы, – чужие солдаты и положительных эмоций не вызывают!

Этот короткий рассказ не отражает всех аспектов оккупации, но что это страшное зло в истории человечества – это факт!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
участник боевых действий

Никита БРАГИН

Никита Юрьевич Брагин родился в 1956 году. Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН (г. Москва). Член Союза писателей России (с 2011 г.). Основные направления творчества – лирика, сатира и юмор, художественные эссе. Автор десяти поэтических сборников и многочисленных публикаций стихов, статей и эссе в журналах и альманахах. Победитель и лауреат многих творческих конкурсов, в том числе Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), поэтического конкурса фестиваля «Словенское поле» (2018), Международного конкурса поэта и воина Игоря Григорьева (2018). Основные темы стихов Никиты Брагина – Россия на скрещении путей, прошлое и будущее русской культуры, поэзия как ответ хаосу и небытию.

Херсонесская элегия

От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.

Максимилиан Волошин

Товарищ главный старшина,
Одни мы выжили, очнитесь –
Кругом такая тишина,
Что слышно ангела в зените...
В его слезе любовь, и власть,
И столько света и полёта,
Что замолчали пулемёты
И в небо хочется упасть.
И время смерти подоспело,
Но держит горькая земля,
Поникший мак нагого тела
Огнём антоновым паля.

Ушёл к Тамани «Красный Крым»,
На дне «Червона Украина»,
И мы, последние, сгорим
И кровью породнимся с глиной,
Горячим камнем и золой,
Костями, кирпичами, пылью –
С любимой, вековой, могильной,
Всё принимающей землёй.

Шурша скелетами столетий,
В окопы сыплется она –
Теперь мы ей родные дети,
Товарищ главный старшина.

Всё похороненное в ней –
Керамики сухие гроздьи,
Нагие острия кремней,
Тяжёлые отливы бронзы –
Всё перемешано войной,
Иссечено железным ливнем –
Боспора золотые гривны,
И чёрный лом брони стальной,
И хоботы противогазов,
И мраморный девичий лик,
И нимфа в нежном хризопразе,
И молнией – трёхгранный штык!

Товарищ главный старшина,
Мы доиграли наши роли,
И тишина уже страшна

Предчувствием последней боли...
 Финал трагедии – затиш
 Громоподобный хор орудий,
 Кровавой головой на блюде
 Наш Севастополь... Мерный стих
 Волны оплакивает город
 В багровом трауре огня
 И землю грешную, которой
 Мы станем на закате дня.

БЛОКАДНЫЙ РЕЙС

Невесомую жизнь удержав на руках,
 Над невидимой смертью взлетаем,
 И несётся машина в густых облаках,
 И гремит, словно клетка пустая.

За такую болтанку полгода назад
 На ответственном рейсе в столицу
 Можно запросто было лишиться наград
 И чинов, а потом застрелиться...

Самолёт покачнулся и резко нырнул,
 Но никто не стучится в кабину,
 И ни стоны, ни плача не слышно сквозь гул
 Против ветра летящей машины.

Пассажиры у нас тише зимнего сна,
 Терпеливее всех на планете –
 По губам синева, на глазах пелена –
 Ведь они ленинградские дети!

Им не страшно лететь, им не хочется есть,
 Им не больно, они засыпают.
 Не идут к ним ни радость, ни добрая весть,
 Только смертушка бродит слепая

И на ощупь берёт одного за другим
 В костяной колыбельке баюкать.
 И сжимается горло захватом тугим,
 И по рёбрам колотится мука...

И уже расплывается кровь на стекле
 (Или это над Ладогой брезжит?),
 И пылает мотор на пробитом крыле,
 И взывает, и плачет надежда!

КОНЦЕРТ

Ты пела в холодном ангаре
 авианосца,
 стоявшего серой скалой
 на пасмурном рейде
 Скапа-Флоу.

Ты пела – и сотни глаз
 следили за лёгким движением
 тонких рук,
 любуясь твоим открытым лицом,
 цветком улыбки.

И каждый девочкой милой
 тебя узнавал,
 кто доченькой, кто сестрёнкой,
 поющей сквозь даль времён
 нежную песню.

В те годы простой кочегар
 и грубый докер
 умели тебе внимать
 не хуже, чем выпускник
 Итона...

И тяжкий чугун их дум,
 объятый жаром,
 стекал, ручейками света
 переполняя
 золото их сердец...
 Величие той эпохи
 не в монументах,
 не в гордой броне орденов,
 а в той любви,
 что смели чувствовать люди,
 кому оставалось жить
 совсем немного,
 к кому на гроб не придут
 ни доченька, ни сестрёнка,
 ни даже мама,
 кому поминальную песню
 поёт норд-вест,
 когда наступает осень,
 и моря седые косы
 вьются по чёрным скалам
 Норд-Капа...

ЛЕСТНИЦА

Мёртвый сумрак лестничных пролётов,
Глухота обшарпанной стены,
Дряхлый запах тлена и болота,
Кровь во рту и губы сведены!
Серые истёртые ступени,
Старческие шаткие шаги –
Все твои собратья и враги,
Все они – кладбищенские тени!
Всё кричит об умерших, о них –
Штукатурка, старые перила...
Память душит, память бьёт под дых,
Что ни шаг, то под ногой могила!
Нож блеснул в рогожинской руке –
Выстрел отозвался вдалеке.

Ни души, ни плоти не жалея,
Голод опрокидывает нас
И хоронит в ледяных аллеях,
И вздымает в небо трубный глас!
Страшно! Ледяные мостовые,
С крыш стекает мёртвая вода,
Рваной паутиной провода
Падают на ветви неживые,
Облаков снятое молоко
Мутно, словно будущее время,
И уже становится легко
Жизни ускользающее бремя –
Прожито, закрыто, сочтено,
И в глазах бездонно и темно.

Площадь помертвела, словно плаха,
Замерли тяжёлые мосты,
И зимы больничная рубаша
Забелила красные «Кресты»,
Выше окон языками иней,
Как следы от ледяной свечи, –
Проходи скорей, да промолчи,
Растворись на параллелях линий!
Сетка улиц – поминальный лист,
Небо в клетку, паутина горя...
Как он ослепителен, как чист –
Город в горностаевом уборе,
От начал времён и навсегда
Созданный для Страшного суда.

АРЬЕРГАРДНЫЙ БОЙ

Впереди ползёт обоз, беженцы и госпиталь –
Там вода дороже слёз, помощи им, Господи!
Впереди во весь свой рост скалы-исполины,
Позади горящий мост, факел над пучиной.

Горы плетью по горбам хлещет смерть
крылатая –
Это вам не кегельбан, не постель измятая,
Это рёбра ржавых скал, мёртвые стремнины,
Это огненный оскал выпрыгнувшей мины...

Это жажда, всем одна – как дожить до вечера,
Это кровь черным-черна из пробитой печени,
Это вздох издалека, из иного мира,
Это капля молока, это ладан с миром.

Это памяти река, сжатая теснинами,
Это руки старика, взрытые морщинами,
Это гребни чёрных гор в тихой звёздной
темени

И прощальный разговор с уходящим временем.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Грохотали орудия в час торжества,
Пламенел фейерверк городов,
Сквозь кирпич и золу пробивалась трава,
Падал цвет одичавших садов,

И осколки народов в развалинах стран
Собирались у пепельных груд,
А хозяин сидел и смотрел на экран,
Где пред ним щебетал Голливуд.

На медалях сияя, он шёл в каждый дом,
Пели славу фанфары вослед,
Но Спаситель молился о мире седом,
Постаревшем на тысячу лет.

Фёдор ОШЕВНЕВ

Подходит к концу срок моей действительной армейской службы. И всё острее и чаще внутреннее «я» ставит вопрос: как же жить потом, дальше?..

События, круто изменившие мою судьбу, произошли около года назад; тогда я оканчивал первый курс высшего военного авиационного училища лётчиков. То памятное лето выдалось на редкость жарким, и – как специально для полётов – постоянно безоблачное небо. В один из таких непривычно знойных для августа дней я в компании ещё нескольких курсантов нашей лётной группы празднично сидел в курилке – после предварительной подготовки к полётам второй смены. В казарму, на обязательный предполётный отдых в койках, мы не торопились: в духоте засыпашь трудно, а то ещё и всякая чушь в сновидения лезет. Вообще-то по времени дежурный врач – обладатель несерийного маслобака-живота – уже должен был нас разогнать по матрасам, но эскулап непонятно почему запаздывал.

Разговор в курилке, как зачастую у нас и бывало, в основном вёлся на авиационно-матерном сленге, который, чтобы нелетунам было понятно, по большей части опускаю, и всё вертелся вокруг полётов. Вспоминали, как кто-то вчера закозлил – сбавляя скорость при посадке,

перемещался по взлётке с отскоками, у кого-то лампочка в блоке индикаторов в воздухе беспричинно моргала, а кому-то осерчалый инструктор в причинное место авторучкой ткнул: не зевай, мол, курсуль! И вдруг даже не помню точно, кто именно, высказался про мусульманское поверье, будто судьба каждого из лётчиков «записана на небесах пером Провидения», и коль уж тебе по этой записи определено гробануться – да хотя бы сегодня, – то никакое умение пилотирования не поможет.

Тут беседа неожиданно оживилась: каждый из нас принялся высказываться по этому поводу pro и contra. А один вообще заявил, что раз поверье это мусульманское, то на нас, христиан, не распространяется.

– Всё это, господа будущие офицеры, – заявил, подводя итог, Валерка Градов, один из лидеров лётной группы, – есть чепуха и даже без постного масла. Никто из вас лично не был свидетелем сверхъестественных случаев, о которых все так живо разглагольствуют, только ж это исключительно понаслышке...

– Да нет, конечно, – загалдели мы. – Но ведь столько говорят...

– Вздор! – оборвал галдёж Валерка. – Покажите не пересказчиков, а настоящих, реальных очевидцев подобных чудес. И если уж на то пошло, что кто-то всерьёз допускает существование фатальной предопределённости, дамо-

кловым мечом висящей над всяким, зачем же тогда зубрить действия при особых случаях в полёте? Зачем, спрашивается, катапульта и голова на плечах? Зачем вообще было выбирать рисковую профессию лётчика-истребителя? С такими взглядами в кабине самолёта просто делать нечего...

В это время, явно чтобы привлечь общее внимание, с лавочки поднялся до того не принимавший участия в разговоре Андрюха Сказкин. Картинно затянулся остатком импортной сигареты, щелчком артистично отправил бычок в урну – диск от автомобильного колеса, врытый посреди курилки, – торжественно-спокойно оглядел присутствующих и снова сел.

Андрюха был рождён в смешанном браке. Мать-гречанка одарила его смуглой кожей, большими агатовыми глазами под крутыми ресницами, правильным античным профилем и чёрными, слегка вьющимися волосами. От отца же – потомственного москвича – сокурсник унаследовал высокий рост, худошавое телосложение и приятный бархатный голос.

Чуть ли не министром был отец у Андрюхи. И потому, когда его родители приезжали на церемонию принятия сыном военной присяги, комбат сам водил их по всей казарме, соловьём заливаясь об «идеальных условиях жизни курсантов». Именно тогда-то я и рассмотрел элитарных предков-«небожителей».

Характер Сказкина вполне соответствовал его неординарной наружности. Он первым лез через училищный забор в самоход, первым пил горячее – водку – за шторой окна в Доме офицеров в перерыве какого-нибудь культмероприятия, первым уводил понравившуюся девушку с танцев и в учёбе тоже был первым.

От остальных курсантов Андрюха держался достаточно обособленно, не откровенничал и был сух с официантками лётной столовой, хотя одна из них, симпатичная разведёнка, прямо-таки таяла под взглядом агатовых глаз. Однако, услышав раз недвусмысленный намёк на эту тему, Сказкин кисло поморщился, грубовато заявив, что хороший вор в своём квартале не ворует.

Была, впрочем, и у него своя слабинка, которой он не таил, – страсть к игре в бильярд.

Над зелёным сукном забывал обо всём, а шары катать предпочитал только на интерес, в крайнем случае, на щелчки.

Однажды вечером, когда Андрюха и Валерка Градов заканчивали в курсантском клубе очередную партию «американки», завыл сигнал «Сбор». Так в тот раз Сказкин чуть не силой удержал Валерку у стола, пока они не добились партии, и Андрюха – редкий случай – победу уступил. Тем временем эскадрилья построилась, экипированная для выхода в район рассредоточения, комэск в горячке костерил запаздывающего (Градов уже успел с тыла просочиться в строй), а Сказкин, наконец появившись после получения оружия, первым делом подбежал к Валерке и всунул ему в руки свой проигрыш – банку ЦИАТИМа, «варёной сгущёнки». И лишь расплатившись за игру и демонстративно игнорируя угрожающие крики комэска, занял законное место в строю.

Что ж, самоуверенности Андрюхе было не занимать. Тем более он точно знал, что под покровительством родственников, которые с верхних слоёв тихо и ненавязчиво наводили погоду у сына над головой, ему сойдёт с рук ещё и не такое...

Со Сказкиным я попал в одну лётную группу, и в неё же – Валерка Градов, курсант-холерик, а по-училищному – сперматозоид, у которого родитель тоже большой шишкой был. И началось у нас троих, стремящихся быть лидерами хотя бы в нашем малом коллективе, тайное соперничество. В негласном противостоянии том уступал я обоим сокурсникам разве лишь в наглости...

Итак, Сказкин оглядел собравшихся в курилке, человек восемь, вновь уселся на лавочку и холодно улыбнулся кончиками губ, как бы подчёркивая, что он – существо особенное и лишь по неведомой причине на минуту решил снизойти к «случайным жизненным попутчикам», дабы высказать кое-какие нам неведомые мысли, до которых успел дорасти лишь он сам.

Точно выдержав паузу, Андрюха заговорил в своей привычной манере, кратко и резко:

– Звездобратия! – И в интонации, с какой он произнёс это в общем-то обычное меж

курсантами слово-обращение, сразу почувствовалась нотка пренебрежения. – К чему заниматься болтологией? Предлагаю эксперимент: на деле выяснить, существует ли в этом мире фатальное предопределение. То есть расписан ли всякому в полёте смертный час. Угодно будет рискнуть?

– Вот дурак, – хмыкнул курсант по прозвищу Витамин; «погоняло» прилепилось к нему из-за детского пристрастия к сладкому, он и сейчас яростно чмокал ириской. – И придумает же...

– Дурак в штанах – и тот полковник, – отрезал Андрюха. – Ну так как? Смелых нет?

– А чего ж ты другим неизвестно что предлагаешь? Для начала на себе свой эксперимент и спробуй, – резонно заметил тяжеловес по прозвищу Гирия, курсант-флегматик – таких в военном вузе называют тормозами. – А мы оценим...

– Я-то всегда готов... – гордо заявил Андрюха, саркастически смотря как бы сквозь тяжеловеса. – С кем спорим, что предопределение есть?

– Спорю, что нет, – дёрнул чёрт меня за язык. – На весь лётный шоколад, что у меня есть... двенадцать плиток.

– Так... ладно, – согласился Андрюха и пригладил кончиками длинных пальцев маленький косой бакенбард – привилегию «позвоночного» сына. – Градов, а ну разбей... Если проиграю, десять плиток у меня в наличии, да ты, Витамин, две должен, прибавишь...

– Ну хорошо, – сказал я, когда мы торжественно ударили по рукам. – А теперь объясни: каким макаром ты собираешься меня заставить поверить в предопределение?

– Я сделаю штопор. На «элке». Без инструктора. Прямо сегодня, – раздельно-лаконично ответил Андрюха. Чуть тише добавил: – Любой из вас разбился бы, рискни на это. А я – нет. Я в свою счастливую звезду твёрдо верю.

Все замолчали, лишь Витамин продолжал чуть слышно чмокать ириской – по инерции.

– Во даёт форсаж! – наконец уважительно пробасил Гирия.

– Тебя ж после этого из училища точно выпрут, – тихо сказал мой сосед справа.

Фёдор ОШЕВНЕВ

Фёдор Михайлович ОШЕВНЕВ – член Союза журналистов России с 1990-го и Союза российских писателей с 2014 года.

Родился в 1955 году в городе Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института в 1978-м и факультет прозы Литературного института им. А. М. Горького в 1990-м (семинар В. И. Гусева).

Четверть века отдал госслужбе в армии (был командиром взвода, корреспондентом окружной газеты) и милиции (служил в пресс-службе УВД г. Ростова-на-Дону, затем спичрайтером руководства ГУВД Ростовской области).

Участник боевых действий. Дважды побывал в горячих точках: в Республике Ингушетия (1993) и Чеченской Республике (2000). Ныне майор внутренней службы в отставке, сосредоточен на литературной работе.

Прозаик, публицист, журналист.

Автор более тысячи журналистских материалов.

– Кого? Меня-а? – растянув последнее слово, переспросил Андрюха, и всем сразу стало ясно: нет, Сказкин, в отличие от любого из нас, даже при самом худшем раскладе выскочит – то есть благополучно выпутается из ситуации, чреватой лётным происшествием.

Градов не произнёс ни единого слова. А Витамин, судорожно сглотив конфетку, вытянулся вперёд, почти привстав с лавочки, и открыто высказал мысль, которая в тот миг явно вертелась на языке не только у меня:

– Но... Если всё-таки того... гробанёшься? Ты ж его никогда...

Поверх наших голов Андрюха презрительно смотрел в голубое небо.

– Тебе угодно выложить за меня двенадцать плиток? – наконец снизошёл он до ответа, который процедил, даже не удостоив Витамина взглядом. И курсант-сладкоежка, который шоколад сжирал, чуть ли не едва успев его получить, и каждому из нас был должен по одной-две плитки, осел, как лопнувшая автомобильная шина.

Тут заговорили все разом, поднялся гвалт, а я подумал, что после своего заявления Сказкин как бы получил над нами некую необъяснимую власть, от которой если и освободимся, то только лишь подытожив пари.

Почти против воли я молча взглянул на Андрюху, он жёстко встретил мой взор, и – клянусь! – мне показалось, что печать смерти уже коснулась смуглого лица.

«Ведь и в самом деле гробанёшься!» – безмолвно прокричали-предупредили мои глаза.

«Скорее – точно нет», – прочёл я ответ по глазам зачинщика спора, вслух же спросил:

– И как мы узнаем, делал ты в натуре штопор или нет?

– САРПП*, – пояснил Сказкин. – Как расшифруют – сразу шум подымется.

Я мысленно обозвал себя идиотом: тоже, не мог сразу догадаться.

* САРПП – система автоматической регистрации параметров полёта. Даже в случае авиакатастрофы, как правило, сохраняется пригодной для расшифровки, размещаясь в специальном защитном футляре в хвосте самолёта. В просторечии САРПП часто называют «чёрным ящиком», хотя на военных самолётах его футляр ярко-оранжевого цвета: для лучшей видимости при поисках после авиакатастрофы.

И тут возле курилки появился припозднившийся телесистый военврач. После краткого, но выразительного менторского монолога на тему внутренней дисциплинированности будущего лётчика нас разогнали по койкам...

Наверное, мало кто из свидетелей спора спал перед теми полётами. Сам я лежал на койке второго яруса, смотрел на выбеленный потолок казармы, по которому прямо над мной змеилась еле заметная трещина, и думал, что скандал после расшифровки плёнки САРППа и точно должен подняться немалый. Ведь штопор – неуправляемую фигуру высшего пилотажа, во время исполнения которой самолёт одновременно вращается в трёх плоскостях да при этом ещё весь трясётся, как отбойный молоток, на «элке» – учебном чехословацком самолёте Л-39, на котором мы летали в конце первого курса, – нам самостоятельно делать пока было запрещено категорически. Хотя для опытного инструктора исполнить эту фигуру не составило бы особого труда. Но мы-то штопор лишь в теории изучали – при действиях в особых случаях.

Я перегнулся через край койки и посмотрел на нижнюю по диагонали от меня кровать. Андрюха ровно дышал, глаза его были закрыты, и я поразился непритворному спокойствию парня и его уверенности в собственных силах-возможностях...

Андрюхина «элка» в глубоком штопоре прожгла землю под зоной полётов на глубину четырёх метров. Очевидцы взрыва – рабочие совхоза – уверяли потом, что впечатление было, будто взорвался огромный резервуар с бензином. Люди гражданские, откуда им знать, что топливо в баках самолёта есть авиационный высокоочищенный керосин, или, на авиасленге, горилка.

В момент воздушной катастрофы я, как и другие курсанты нашей лётной группы, находился в воздухе. Всем нам по радиосвязи приказали немедленно прекратить выполнение задания и произвести посадку с ходу. После приземления группу быстро собрали в классе предполётных указаний и объявили о первой смерти на нашем курсе (как тогда все свидетели

спора в курилке старались спрятать друг от друга глаза!) и о том, что мы вместе со всеми сейчас поедим на поиски САРППа.

Мой инструктор – всю жизнь буду помнить человека, дарившего крылья, – однажды в разговоре предупредил-посоветовал: «Никогда не соглашайся искать САРПП, старайся уклониться под любыми предложениями». По его словам, иной курсант, увидев своими глазами последствия авиакатастрофы – на сленге «полного рта земли» – и реально устранившись возможности собственной гибели (хотя и раньше прекрасно сознавал это теоретически, однако ум – не сердце), потом длительное время боится летать. А кто и вовсе списывается с лётного факультета...

Но мне надо, надо было всё увидеть, чтобы потом не пытаться себя неизвестностью. Потому я не стал отказываться от участия в поисках (Градов и ещё несколько курсантов успешно отверглись от этой миссии), а сел в кузов машины, и нас вместе с солдатами из батальона авиатехнического обеспечения повезли за сорок километров к месту катастрофы, на совхозное поле под зоной полётов.

Увиденное меня и потрясло, и, как ни странно, успокоило: наверное, потому, что теперь я как бы зрительно подвёл итог спора сам. Куски разбившегося самолёта – «дрова» – разлетелись от чёрной воронки с обугленными краями по пшеничному полю. Дальше всех, отброшенная страшной силой взрыва, валялась исковерканная, едва угадываемая по форме лавка – пилотное кресло.

Кресло, в котором совсем недавно сидел Андрюха, размазанный по щитку приборов при ударе крылатой машины о землю. И рядом с этим креслом нашли кусочек человеческого лица: лоскут кожи в форме почти правильного треугольника – часть щеки от рта до глаза и уха, с чудом сохранившимся на коже опалённым клочком косоного бакенбарда.

Плюс собрали ещё несколько обугленных кусков человеческого мяса и обломков костей.

Вот так я воочию увидел то, что в нашей лётной среде давно и цинично окрестили «жареным железом». Витамина и ещё одного из

свидетелей спора в курилке жутко рвало: не смогли бесстрастно взирать на так называемые мелкие поломки – фрагменты летательного аппарата, собираемые с места катастрофы граблями. Увы, после взрыва военного самолёта от его пилота обычно остаётся немногим больше, нежели после кремации...

Позднее, когда мы уже возвращались в училище, глядя из кузова крытого тентом КА-МАЗа на шафранное море спелых колосьев, я впервые в жизни – видимо, довольно поздно по возрасту – неожиданно испытал ужас понимания: смерть неминуема! В тот миг мне неистово захотелось выскочить из грузовика и с криком бежать, бежать... Куда? Зачем? От кого? От неизбежности будущего? Я еле сдерживал рвущееся изнутри паническое чувство... Показалось, что через Андрюхину кончину моя собственная как бы превентивно погрозила пальцем-косточкой. И только тогда я вдруг с особенной чёткостью осознал, что самолёт – это отнюдь не большая супердорогая игрушка, а профессия военного лётчика не на словах – на деле несёт в себе постоянный процент смертельного риска.

А кассету САРППа нашёл солдат из хозяйственного взвода...

* * *

В ночь после авиакатастрофы меня разбудил Витамин. Он шёпотом сказал, что надо выйти и посоветоваться, как будем завтра отвечать на опросах. Я догадывался, что зовут вовсе не затем, однако пошёл.

В курилке уже топтались Валерка Градов и Гирия. Я усмехнулся, спросив:

– А где же остальные?

– Не твоё собачье дело, – тяжело буркнул Гирия и громко засопел.

Мне стало противно: я догадался, что именно курсанты собираются сделать, но вот как это будет происходить?

Тут Градов протянул мне толстую стопку шоколадных плиток.

– Твой выигрыш. Бери, скотина! Жри и радуйся, что из-за тебя человек разбился.

Видя, что я отнюдь не тороплюсь получить причитающееся, Валерка швырнул шоколад, метя мне в лицо. Но сей «благородно-возмущённый» жест я угадал и успел резво отпрыгнуть в сторону, а затем, подскочив к сокурснику, саданул его кулаком по скуле. «Обличитель» перелетел через стоящую позади него скамейку и растянулся на земле.

Вряд ли кто из моих сослуживцев предполагал, что я первым нарушу вето. Драка в нашем лётном училище обычно заканчивалась однозначно: всех её участников безжалостно вышвыривали за борт военного вуза. И потому меж нами, курсантами, существовал негласный уговор: любую конфликтную ситуацию стараться разрешить без помощи кулаков. Теперь же получалось, что на подлость сослуживцев я тоже ответил подлостью, да ещё такой, которая ставила под угрозу дальнейшее пребывание в училище сразу четырёх человек.

На секунду мои вероятные противники опешили, застыли окаменевшей скульптурной группой – кто стоя, кто лежа возле скамейки. Я перепрыгнул её и, развернувшись, крикнул двоим ринувшимся за мной курсантам – ах, как велика смелость, когда видишь спину убегающего врага, а я им уже стал для сокурсников:

– Стойте, сейчас такое скажу!..

Парни резко остановились: слишком многообещающе были мои слова. Кряхтя и матерясь, поднялся Градов и тоже присоединился к сотоварищам.

– Если в натуре считаете, что в случившемся виноват я один, – процедил я, презрительно взирая на сгрудившихся передо мною курсантов, – давайте, мочите... Только до смерти всё одно не забудёте. А я потом пусть ползком, но доберусь до дежурного по училищу, потребую, чтобы он вызвал генерала, и просвещу его о споре и прочем. А и дешёвка же ты, Градов! Авторитета вонючим путём добиться захотел, одним махом двух побиваю! Забыл, как сам нам руки разбивал? И остальные... Эхма! Повыгоняют – так пусть уж всех разом!

Витамин тут же отшагнул от Градова и Гири и испуганно зачистил:

– Они меня заставили! А Андрюху я честно предупреждал – помнишь?

– Заткнись, авитаминоз! – скривившись, оборвал его Валерка. «Прокачал» мысленно ситуацию и наконец прошипел: – Ну, смотри... Повезло тебе, гад... А вякнешь если кому слово... Не было никакого спора, понял? Не было! Вообще ничего не было! Молча в курилке кантовались!

– Молча так молча, – с видимой покорностью согласился я, понимая, что на сей момент Градов смирился с поражением, но при случае не преминет сотворить какую-нибудь подлянку. – Только доктору ты вряд ли глиссаду на винт намотаешь (навешаешь лапшу на уши): вон как разорялись, когда он в курилку зарулил. И насчёт гада – один из нас, согласен, он и есть. Только уверен, что он – точно не я...

– Ах ты... – задохнувшись в гримасе злобы, выпалил Градов. – Тебя... Тебя вообще... судить надо!

На что я словами классика с издёвкой ответил-поинтересовался:

– А судьи кто?

Трое «самосудей» отмолчались и, потусовавшись ещё несколько секунд, нестройно затопали из курилки, причём Витамин на ходу слабо заканючил:

– Валер, а Валер... Надо ж придумать, что завтра говорить...

На что Градов недовольно отрубил:

– Не вой! Время пока терпит.

А Гирия уже еле слышно резюмировал:

– Я же толковал: зря ты всё это...

Проводив взглядом трёх несостоявшихся мстителей, я собрал разлетевшиеся и частично раздавленные яловыми сапогами плитки лётного шоколада, отнёс их на мусорку и присыпал сверху отбросами. Это был мой честный выигрыш, доставшийся чрезвычайно дорогой ценой, которую, впрочем, заплатить довелось другому смертному. Тем не менее шоколадом я вправе был распорядиться по усмотрению.

И ещё: меня прямо-таки терзало желание надкусить хотя бы одну плитку, чтобы почувствовать вкус сласти, замешанной на человеческой гибели. Однако я чётко осознавал, что, сделав это, перешагну некую запретную

границу, откуда назад возврата нет. Так что с трудом, а перемог, удержался от искушения...

Медленно, беспокойно шёл я к казарме по стиснутой свежевывеленными бордюрами асфальтовой дорожке, окаймлённой тщательно подстриженными кустами самшита. Кровавый ущербный месяц высунул свой рог из-за стоянки самолётов; так же отрешённо, как и, надо полагать, много тысячелетий назад, сияли в непостижимой вышине соцветья созвездий. А меня неотступно преследовал в мыслях лоскут-треугольник человеческой кожи с остатком косого бакенбарда на нём.

У кого-то из классиков однажды я читал: предкам нашим, с их слепой верой, что небесные светила активно участвуют в их жестоких и зачастую вовсе мелких спорах – за какие-нибудь гроши или в угоду ущемлённому самолюбию, – жить было проще. Верил ли во что-то в этом роде Андрюха? Да, сам же говорил про свою счастливую звезду... И наверняка мысленно не допускал возможности, сваливая самолёт в штопор, что звезда-то эта сегодня ночью так и будет продолжать холодно-ярко светиться, а сам Сказкин на мгновение вспыхнет в факеле взрыва и разом исчезнет для всех землян – вместе со своим внутренним миром, страстями и надеждами.

Но какая смелость была у парня! А может, всего лишь глупое безрассудство? Или это я в кошки-мышки со своей совестью играю, норовя замаскировать гнездящуюся в глубинах души трусость? Смог бы – пусть за неизмеримо большую ставку – рискнуть на штопор сам, даже сбросив со счетов последующий разбор полётов с вероятным исключением из училища?

Пойти на столь неоправданный риск... Нет, далеко не всегда цель оправдывает средства... Дурной иезуитский лозунг... Ведь одна только стискивающая сердце мысль о неизбежном телесном конце тошнотворным страхом обволакивает разум и уже при жизни многое прекрасное убивает в нас.

Потому, однажды осознав личную обречённость, нахождение внутри сужающегося и неразмыкаемого круга, мы потом до последнего вздоха не в силах забыть это... Все там

будем... Memento mori... С латинского – «помни о смерти»... А помня о ней, невольно избегаем настоящего, истинного, чрезвычайного риска – даже во имя исполнения великих целей будущего, даже во имя личного счастья, не веруя в их осуществление, возможность. И слепо-бесполезно бродим в настоящем меж тремя глаголами: есть – пить – спать, добавляя к ним время от времени четвёртый: совокупляться, плодя себе подобных обречённых.

...Тогда я почти поверил в фатальное предопределение, хотя по итогам спора, по сути, выходило обратное. Поверил, поскольку во время шмона вещей, принадлежавших ушедшему от нас в бессрочный отпуск, нашли толстую записную книжку в бордовом переплёте, а в ней – кто бы мог подумать? – были Андрюхины стихи. И на последней страничке книжки, как бы венчая безвременную кончину человека, косые, торопливые, бежали строки:

*Мой след на миг прочерчен в небе.
Как чуткий сон, истаял он.
След оборвался в спелом хлебе,
Что самолётом был сожжён.*

Ниже стояла дата: день катастрофы. Разительное доказательство, не правда ли? Но вот до или после спора перед роковым вылетом были написаны эти кричащие строки?

Казалось бы, события последних дней должны были твёрдо убедить меня поверить в судьбу – счастливую или наоборот, не столь важно, – но я ещё сомневался. Опять-таки где-то было читано, что мы часто промахиваемся в своих убеждениях, ибо не знаем точных границ и критериев чувств и рассудка. Впрочем, абсолютно точно это ведает один лишь Бог, имя которому – космические законы, что довлеют над человечеством. И ни познать их, ни тем паче изменить оно не в силах, а накапливаемые в течение жизни каждым из индивидуумов какие-то крохи информации, знаний неизменно уносятся вместе с ним в небытие.

Остаются, правда, слова в книгах и голоса на кассетах, изображения в кинолентах и ущербная, быстро стирающаяся временем

память о тебе твоих близких. Ну долго ли мы, сокурсники, будем помнить Андрюху, рискнувшего на эксперимент в условиях пограничной ситуации и проигравшего? Размазанный по щитку приборов, он уже пересёк границу неразмыкаемого круга...

* * *

Из-за авиакатастрофы все полёты в училище временно отменили: разбирались в её последствиях.

Спустя неделю нашу лётную группу, издёрганную постоянными расспросами-допросами, как и остальных курсантов-первогодков, собрали в зимнем клубе. На разбор причин случившегося прилетел даже командующий авиацией округа.

Мы сидели в задних рядах клубных кресел, а впереди – офицеры и прапорщики. На сцене стояли три накрытых кумачом стола и полированная трибуна с золочёным Государственным гербом на фасаде. Сзади, за столами, густо навешали плакатов по лётной подготовке и укрепили склейку, по которой детально отслеживался ход рокового полёта.

Командующий объёмно растёкся мыслями о грандиозных задачах, поставленных перед нами, будущими лётчиками, и о том, что мы их из рук вон плохо выполняем. Потом на трибуну поднялся полковник, прилетевший из Москвы во главе комиссии, назначенной для расследования причин авиакатастрофы. Сверяясь со склейкой, старший офицер разложил полёт Андрюхи чуть ли не по секундам: как он на вираже на скорости 250 перетянул ручку управления и сорвался в устойчивый штопор («ушёл в запой»), быстро попытался вывести самолёт из него, но неграмотно действовал рулями и, по всей видимости, растерялся. Однако, надеясь на способность самолёта самостоятельно выходить из штопора, если поставить «бетономешалку» – ручку управления – на нейтраль, управление бросил. К сожалению, то ли изменение полётных характеристик крыла после грубых курсантских посадок «элки» с сильными ударами шасси о бетон взлётки свело на нет

свойство крылатой машины самопроизвольно переходить из штопора в пике, то ли попросту испугался Андрюха, не успев дожидаться этого, но так или иначе, а снова взялся хаотично действовать рулями и, борясь с самолётом, врезался в землю.

Была ли у курсанта возможность катапультироваться? Несомненно. Почему не использовалась? Скорее всего, Сказкин надеялся спасти самолёт...

В заключение доклада-разбора председатель комиссии подвёл черту под авиакатастрофой: причинами её посчитали лётную недисциплинированность и личную недоученность Андрюхи, из которых проистекали его неграмотность в действиях при попытке вывода летательного аппарата из штопора и в итоге – паника.

Вот что стало известно после тщательного изучения расшифрованной кассеты САРППа.

На мой взгляд, полковник в основном всё проанализировал верно, только до истинной причины, почему курсант самовольно свалил «элку» в штопор, комиссия так и не докопалась. И частично именно потому, что на следующее утро после попытки ночного обвинения меня в смерти сослуживца ко мне подошёл один из свидетелей идиотского пари и вручил шпаргалку с примерным текстом общей беседы в курилке. По листочку выходило, что трепались обо всём и ни о чём, Андрюха же, значит, тогда больше молчал – что, впрочем, на Сказкина было весьма похоже.

У остальных присутствовавших при споре тоже имелись подобные «инструкции» авторства Валерки Градова. Посему, хотя наш врач и поведал следователю военной прокуратуры о каком-то неясном разговоре нескольких первокурсников перед тем злополучным полётом, правды при опросах не выявили.

Я, конечно, чувствовал себя косвенно виновным в смерти Андрюхи. Но держал язык на привязи – в первую очередь, спасая собственную шкуру. Кому же охота, чтобы его вытурили из училища? Скорее всего, по той же причине молчали и остальные курсанты. А может, рот на замке они держали ещё и потому, что Сказкина в лётной группе сильно не жаловали –

за «позвоночность», исключительность и заносчивость. Особенно Валерка Градов, тот его почти ненавидел. Стеной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть, и мёртвым стоял перед ним Андрюха, мешая вскарабкаться на пьедестал неформального лидера...

В конце разбора авиакатастрофы командующий поднял несколько курсантов, зачитав их фамилии по листку, разнёс в пух и прах за халатную лётную подготовку и приказал начальнику училища «наложить на бездельников дисциплинарное взыскание своей властью». В список штрафников угодил и Витамин, незадолго до того разложивший – поломавший – «элку» при посадке: не вовремя включил реверс, начиная торможение – упёрся.

После этого нас, курсантов, выпроводили из клуба, а командующий и члены комиссии ещё с полчаса оставались там с офицерами. О чём был продолжившийся разговор, мы догадывались: всё на ту же тему.

Полётов не проводили ещё неделю. Наконец на утреннем разводе в понедельник выстроили весь учебный полк. Начальник штаба училища зачитал приказ о наказании тех курсантов, которых в клубе поднимал командующий. Всем им вкатили по строгому выговору. По слухам, «сморщились», то есть получили суровое взыскание, и все офицеры, имевшие непосредственное отношение к лётному обучению Андрюхи.

Вот и оправдалась издевательски-глумливая поговорка, ходившая в кулуарах меж шкрабами – лётчиками-инструкторами: «Разобьётся курсант – мне выговор, ему цветы» (на могилу)...

После авиакатастрофы курсантский состав по приказу начальника училища сдавал многочисленные дополнительные зачёты и проверялся, что называется, по всем показателям. Мы повторно изучили всю лётную документацию, усиленно занимались авиационным онанизмом (на тренажёрах), и наконец нас осторожно, от простого к сложному, страхуясь и перестраховываясь, начали допускать к полётам.

Сначала отрабатывалась дополнительная вывозная программа (полёты вместе с инструктором),

и только после неё уже приступили к одиночным полётам в зоне – на простой и сложный пилотаж, по маршруту и в составе пары. А все эти дни, как и раньше, во время зубрёжки лётной теории, меня не покидала неотвязная мысль: точно ли пошёл на свой опрометчивый штопор Андрюха, желая эдаким макаром в очередной раз доказать своё превосходство и самоуверенно полагаясь в большей мере не на знания и опыт, но на фортуна, которая оказалась как бы действительно «написанной на небесах и чужой рукой»?

«Неужели на этом свете так оно и есть: каждому – своё?» – думал и раздумывал я.

И крепла, крепла во мне мысль: к самостоятельному исполнению одной из самых сложных фигур высшего пилотажа Сказкин ни теоретически, ни практически не был готов. Небо же – прописная истина – ошибок не прощает!

А жизнь в военном училище постепенно налаживала обычный ритм. Только курсанты нашей лётной группы – свидетели памятного спора – продолжали коситься на меня, и в том, я уверен, не последнюю роль играл Валерка Градов.

Правда, один из них – но не тот, что передавал мне листочек-шпаргалку, а который после обещания Сказкина сделать штопор предупреждал Андрюху, что его могут выгнать из военного вуза, подошёл ко мне вечером и сказал:

– Слушай, не казись чересчур. Все мы, кто тогда там был, одинаково виноваты.

На что я довольно грубо ответил:

– Ну вот иди и скажи об этом Градову. А ещё лучше – начальнику училища.

Сокурсник непонимающе посмотрел на меня и предостерёг:

– Не буди лиха, пока тихо...

А я, признаться, со дня на день ожидал, что кто-то да и не выдержит распирающей его тайны, где-то обмолвится словом о роковом споре, слово пойдёт гулять по лётной группе, потом по соседним и в конечном итоге неминуемо доберётся до офицерских ушей. И тогда...

Пока же, из страха быть отчисленными из училища, молчали все свидетели пари. И я сам...

* * *

Первым в эскадрилье пройдя вывозную дополнительную программу, я приступил к одиночным самостоятельным полётам в зоне. Через несколько дней меня уже допустили к сложному пилотажу, в то время как другие курсанты (и в их числе Витамин и Валерка Градов – да-да, который после Андрюхиной смерти однозначно стал бояться полётов) ещё носились по маршруту и бесконечным кругам.

И вот незадолго до каникулярного отпуска, второго октября, утром, порадовавшим нас четырьмя девятками – хорошей погодой, – когда солнце ещё только высветило на горизонте синюющие горы, подёрнутые белёсой дымкой, мне на полётах первой смены досталась та самая проклятая четвёртая зона, где разбился Андрюха. Впрочем, на деле эта зона больше ничем и не отличалась от всех других.

Под ней проходил один из маршрутов, и, бывало, когда курсант выполнял задание в зоне, а второй приближался к ней заданным курсом на более низкой высоте, в эфир летела команда руководителя полётов: «Такому-то ниже 2500 не снижаться, под вами такой-то...»

Левым разворотом я занял зону и доложил в микрофон:

– 7-51-й четвёртую занял, 5000, задание.

– 7-51-й, выполняйте, – раздался в наушниках голос руководителя полётов.

Далеко внизу, под крылом «элки», были разбросаны неправильные многоугольники свежеспаханных чернозёмных полей. Медно-золотистые кроны защитной лесополосы длинной прямой линией разрезали поля. Кирпично-красные, а больше серые шиферные крыши казавшихся сверху игрушечными домов виднелись в стороне, за пашнями. А на сходящемся горизонте, аквамариновые, просвечивающиеся сквозь дымку, важно высились горы. И меня больно кольнула мысль: всего этого больше никогда не увидит Андрюха, и даже его могилу – настоящую, а не ту, на родине, куда опустили цинковый гроб с лоскутом кожи и толикой спёкшейся почвы, – теперь уж и не найти в этом чёрном спаханном поле: «Его зарыли в шар земной».

И это – наш всеобщий и неизбежный жизненный итог...

Я бросил взгляд на бычий глаз – магнитный компас, расположенный в кабине пилота (у нас её окрестили кабинетом) по центру её, и тут в наушниках раздался голос руководителя полётов, предупреждающий:

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться. Под вами 7-38-й.

Оказывается, внизу, по маршруту, вместе с лётчиком-инструктором сейчас должен был пролететь Валерка Градов. Этот скот в смерти Сказкина винил меня и только меня и наверняка с удовольствием выложил бы про спор в курилке, не будь у самого рыльце в пуху.

«Вот на-ка, выкуси, – злорадно подумал я, вглядываясь вниз, хотя и понимал, что камуфлированный самолётик в воздушном океане найти даже при видимости миллион на миллион – то есть свыше десяти километров – задача не из лёгких. – А не хочешь мышь белую съесть?»

И как бы разом отключился у меня контролирующий поступки центр. Я резко дал своему «альбатросу» крен восемьдесят градусов вправо, поставив «элку» крылом под углом к земле, и с силой потянул ручку управления на себя. Самолёт затрясло, умная машина как бы предупреждала меня о возможных последствиях. Но граница благоразумия осталась позади, и я решительно убрал обороты двигателя до пятидесяти пяти процентов. Стрелка указателя скорости теперь замерла чуть ниже отметки «250».

Словно бы нехотя перевалившись через правое крыло, самолёт встал почти перпендикулярно земле и на мгновение замер, подобно ныряльщику, взлетевшему вверх с трамплина с раскинутыми руками, уже перевернувшись в воздухе головой вниз и начинающему свободное падение. Медленно пройдя точку неустойчивого равновесия, «элка» начала второй виток штопора и, постепенно набирая скорость его оборотов, забила, словно в предсмертной агонии. Педали колотили меня по ногам, самолёт вибрировал и крутился так, что я, трясясь в кресле и намертво вцепившись в ручку

управления, какие-то мгновения летел с потряхивающей ориентировкой – «блудил». Аспидные поля, медные кроны лесополосы, аквамариновые горы и светлое небо с неярким диском утреннего солнца на нём вертелись вокруг меня, как на плохой дискотеке...

Жёстко ткнувшись затылком в заголовник кресла, я несколько протрезвел от болтанки, поняв, что меня крутит вправо и что я уже в устойчивом штопоре.

«Найти ориентир для вывода... Прочно "взять" глазом... РУД (рычаг управления двигателем) на малый газ... – вместе с самолётом вертелись и мысли в голове. – Так, есть... Левую педаль дать по вращению... Ручку управления самолётом на себя... Теперь педаль отжать до упора... Ручку управления в нейтраль... Готово... Ну же, давай... Сейчас, сейчас... Что это? Он же не слушается! Не слушается!!! Бросать управление и катапультироваться? Кости за борт, пока есть время... Но ведь тогда угроблю самолёт! Или иначе угроблюсь с ним сам! Катапультироваться? Ну нет! Тогда трусость будет грызть меня до могилы! Бог мой, да я уже лечу в неё, и на страшной скорости!»

Не слыша, держит ли со мной связь руководитель полётов, я переживал тогда, видимо, то же, что и в свои последние секунды жизни Андрюха. Обруч неразмыкаемого круга, в котором бушует, не в силах вырваться за его пределы, жизнь и который десятилетиями сжимается, постепенно приближая человека к смертному часу, но готов также лопнуть ежесекундно, внезапно, сдавил мой мозг, вытеснив из него все мысли, кроме единственной, заполнившей каждую клеточку тела: «Неужели сейчас я умру?! Не хочу, не-е-е-т!!!»

...Показалось или нет, что вращение замедлилось? Вращение замедлилось... Замедлилось вращение! Ещё, ещё...

«Так, – на этот раз гораздо спокойнее подумал я. – А теперь – резко педали в нейтральное положение...»

Самолёт уже устойчиво пикировал, теряя высоту, а земля и небо заняли привычные места. Я дал «элке» обороты максимал, собираясь выводить её из пике.

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! – ворвалась в наушники близкая к истеричной команда руководителя полётов.

Я мгновенно взглянул на высотомер: 2600! А на 2500 – маршрутчик! О боже! Сближуха! Самолёт с ним прямо подо мной!

«Ручку управления на себя», – подумал я одновременно с движением...

И в каких-то десяти-пятнадцати метрах я пронёсся перед маршрутчиком, пересекая ему путь под углом вправо. Мелькнула сбоку, за стеклом фонаря, голова Валерки Градова в защитном шлеме-горшке и кислородной маске-наморднике, и я разом представил себе лицо сокурсника, ещё не успевшее исказиться от страха и удивления, но уже застывшее в непонятке (лётчика-инструктора заметить не успел), и, просев ещё ниже, «горкой» ушёл вверх, а в наушниках бился в крике голос руководителя полётов:

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! Слышишь меня? Задание прекратить! Стать в левый вираж с креном в тридцать градусов, 2500 до команды...

– Выполняю, – наконец кое-как смог ответить я.

– 7-38-й, высота 1200, следовать на точку, посадка с ходу. – Это уже касалось Валерки.

Набрав нужную высоту и став в левый вираж, я повёл самолёт по дуге. И тут же подумалось: так, выходит, я сам сделал то, что обещал и не сумел сделать Андрюха? То, на чём он зарвался и взорвался, да простит меня покойный за этот невольный каламбур... Что ж, репутацию свою я точно восстановил. Но... Теперь моя лётная карьера, скорее всего, накрылась окончательно и бесповоротно: наводить погоду над головой некому... Тем более что в запрещённый штопор самолёт я свалил уже после печального опыта Сказкина и всех последствий-разбирательств, связанных с его гибелью. И ещё три жизни плюс две единицы дорогостоящей техники чуть было не угробил. «Три плюс два»... Только получился бы не комедийный фильм прошлого, а реальная трагедия настоящего. И прогремело бы тогда

наше училище на все Вооружённые силы. Оно, впрочем, и без того прогремело, но два случая подряд – ну, в этом была бы непременно усмотрена система. С дальнейшими оргвыводами.

– 7-51-й, – услышал я новую команду, – спираль до 2000, следуйте на точку 1500.

– Выполняю...

Заняв назначенную высоту и согласовав компас, я доложил – теперь уже совсем ровно:

– 7-51-й, четвёртую освободил, иду на точку 1500.

– 7-51-й, займите к третьему развороту 600, посадка с ходу, – тоже спокойно приказал руководитель полётов.

– Выполняю...

Так, теперь «ощериться» – выпустить шасси...

Сама посадка получилась практически идеальной – у нас говорят: «побрил травку». Когда освобождал взлётку, голос в наушниках пригласил:

– 7-51-й, с плёнкой и командиром звена – немедленно ко мне. – И коротко-устало добавил: – Больше не летаешь...

Это знаменовало начало конца.

Когда я по рулёжной дорожке докатил «элку» до стоянки и выключил двигатель, то почувствовал, что весь взмок, а колени дрожат, будто после капитальной драки. Довольно запоздалая реакция на стресс и вообще...

Техник самолёта открыл фонарь кабины и, несколько удивлённо глядя на меня – видимо, печать пережитого отложилась на лице, – принялся ставить защитные чеки на кресло (чтобы в случае чего не смогла сработать система катапультирования).

Освободившись от подвесной системы, я медленно вылез из кабины. Почувствовал под собой бетон аэродрома, и меня слегка шатнуло на столь родной сейчас земле. Вот оно, то самое особое состояние переутомления после пережитой в небе опасности, которое в лётной среде нарекли трупопазухой (она бывает ещё и при принятии большой дозы алкоголя).

Я снял кислородную маску, защитный шлем и шлемофон, потом расписался в бортовом журнале, сказал технику, что замечаний нет. И пошел навстречу «разбору полётов»...

Перед классом предполётных указаний стояли Валерка Градов и его «дядька» – лётчик-инструктор старший лейтенант Зорин. Узкоплечий, как мальчишка-подросток, офицер – впрочем, имевший репутацию опытного лётчика и нагрудный знак «За безаварийный налёт» – орден Сутулого – злобно вперился в меня: ещё бы, по милости какого-то идиота пережить смертный страх! Взора Градова я не видел: сослуживец отвернулся в сторону, насколько позволяли шейные позвонки.

Валеркин инструктор осторожно двинулся ко мне – бочком, агрессивно выпятив подбородок, но тут из класса выскочил мой кэз – командир звена. Опередив Зорина, капитан уцепил меня за грудки и яростно затряс, выплёскивая в лицо:

– Ты что, с ума сошёл? Смерти захотел? – И, видимо, не находя от возмущения дальнейших слов, резко оттолкнул, почти отбросил от себя.

Отшатнувшись назад, я ещё пытался удержаться на ногах, но зацепился за выбеленный бордюр и растянулся на поблёкшей восковой траве, растеряв всё, что было в руках. Лежа и глядя на небо с появившимися на нём вдали слоёчками – слоистыми облаками, глупо подумал: «Можно ли считать это рукоприкладством?»

Встав, хотел подобрать свою амуницию, но кэз отрывисто бросил:

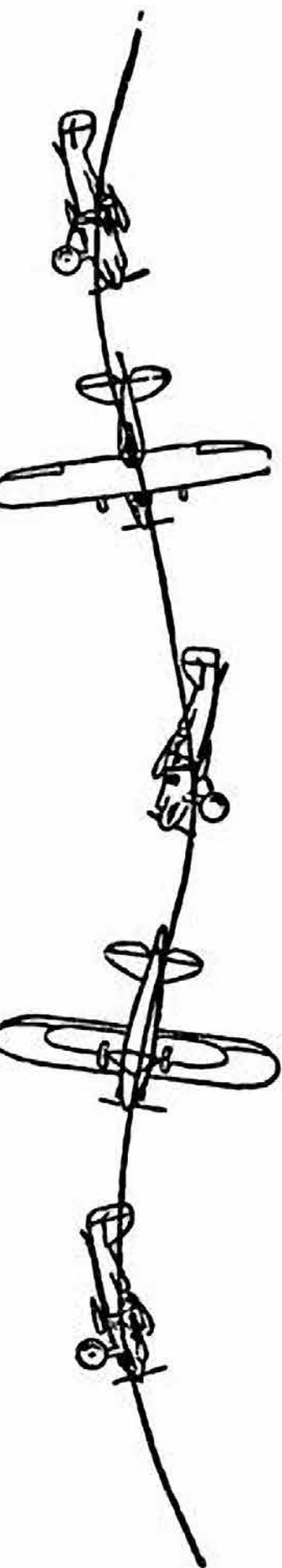
– Оставь! – Схватил, как пацана, меня за руку и потащил в класс, а мне было стыдно сказать, что хочется слить отстой – сходить по малой нужде.

Проскакивая мимо Градова, я попытался всё же взглянуть ему в глаза, но теперь Валерка впился взглядом в пожухлую траву за алебастровым бордюром.

К классу предполётных указаний уже спешил солдат из ГОМОК (группа материалов объективного контроля) с кассетой САРППа, снятой с моей «элки».

* * *

Нудный рассказ о том, как меня таскали по всем инстанциям, опрашивая и допрашивая, опускаю. Что сорвал самолёт в штопор

нарочно, рассказал с глазу на глаз только в беседе с «батей» – начальником училища, хотя по расшифрованной кассете это и так было отлично видно.

– Причина? – коротко спросил генерал-майор авиации.

– Не верил в судьбу. Но хотел её проверить: через лётную подготовку, – признался я. И – гори оно всё синим пламенем! – рассказал о споре в курилке.

Конечно, по сути, я предавал тогда остальных свидетелей пари, но одному быть козлом отпущения... Нет уж, позвольте, ВВС – страна чудес... Тем паче о попытке ночного самосуда умолчал.

Батя слушал мою исповедь, не перебивая и вертя в руках огромную восьмицветную авторучку, а когда я замолчал, неожиданно грохнул кулаком по толстому оргстеклу, покрывавшему полированный стол, так, что подпрыгнул перекидной календарь и стопка каких-то бумаг, а бронзовый МиГ-сувенир чуть не стартовал с постамента.

– Мальчишка! И уже настолько нравственно глух! Моя бы воля – драл до костей! – И генерал-майор коротко выругался. А поостыв, добавил: – Что ж, случай с курсантом Сказкиным теперь вполне ясен. Но хотя лётчик и не может быть пай-мальчиком, тебя всё же придётся отчислить.

Услышав эти страшные для меня слова, я одновременно прочёл в генеральском взгляде искреннее сочувствие: лётчика к лётчику.

– Знаю, – обречённо кивнул я, заглушая боль обманутой надежды, до того ещё теплившейся во мне: а заполучи-ка жесточайшее фейсом об тейбл, да по наждачке!

– Что ты знаешь? Что ты ещё знаешь? – неожиданно вновь разбушевался батя. – Да на тебя государство уже такие деньги положило, а ты!.. За смерть товарища вины не осознал, себя и ещё двоих за компанию едва не угробил! О лётной технике вообще молчу!

И подытожил:

– Отслужишь год солдатом – пиши рапорт, возвращайся. Из тебя должен получиться толковый лётчик.

– Хотелось бы, конечно, – пожал я плечами и поинтересовался: – Товарищ генерал-майор авиации, а... что теперь будет Градову и остальным?

– Разберёмся! – отрубил начальник училища. – Тебя данное уже не касается.

Что ж, всё было именно так, как оно и должно было быть...

Моя история подошла к концу. Это сейчас, по прошествии года, за который так много раз возвращался в мыслях к пережитому, я пытаюсь логично оценить ситуацию, которую спровоцировал сам, даже не приняв во внимание, как она отразится на многих других людях... Тогда же, выходя из кабинета начальника училища, не удержался и, поджуживаемый острым внутренним желанием, задал вопрос:

– Товарищ генерал-майор авиации... А вот как вы сами считаете, есть на свете фатум или?..

Однако вместо какого-либо ответа после короткой заминки услышал:

– В эскадрилью!

Батя, по-видимому, был не любитель философских прений.

Черныш

Владимир ГЕРАСИМОВ

В пятницу Виктор Матвеевич выехал на дачу позже обычного. Как старый и опытный дачник и водитель, он прекрасно знал, что если тронуться раньше шести вечера, то на дорогах из города во всех направлениях будут пробки. Даже сейчас движение на федеральной трассе было оживлённое. Отъехав от города больше десятка километров, с правой стороны по ходу движения он увидел на обочине дороги несколько стоящих машин и скопление людей. На аварию это не было похоже. На трассе не

было разбитых машин, не было других признаков аварии.

Припарковавшись за последней машиной, Виктор Матвеевич торопливо подошёл к стоящим на обочине людям. В центре стоящих водителей на земле лежала собака. Это была стареющая овчарка серо-дикого выраженного окраса. Крови большой ни на собаке, ни вокруг не было видно. Но овчарка дышала очень тяжело. Из разговора водителей он понял, что собаку сбили совсем недавно, причём прямо

на обочине. Звучали слова сожаления и крепкие выражения в адрес лихачей, сделавших это. Конкретных действий и предложений ни от кого не поступало. Так продолжалось несколько минут.

– Ладно, мужики, хватит смотреть, не в цирке. Надо что-то делать, пока не поздно, – заговорил стоящий почти в центре молодой мужчина. Он снял с себя лёгкую ветровку синего цвета и расстелил её рядом с овчаркой. Потом опустил на колени, стал её осматривать. Через минуту поднял голову и спросил у водителей:

– Кто поможет, ребята?

Откликнулось сразу несколько человек. Собаку осторожно переложили на ветровку, подняли и понесли к машине, на которую указал мужчина.

Торопясь, задние дверки машины открыл мальчик лет семи-восьми, вероятно, сын водителя. Он ласково смотрел на собаку, осторожно к ней прикасался, пытался погладить овчарку.

– Ну что, мужики... Я назад в город. Попробую в ветлечебницу, может, что-нибудь сделают, – сказал всем тихо мужчина. Он развернул машину, и она быстро стала удаляться в сторону города.

Водители ещё какое-то время не отходили от места, где только что лежала собака. Кто-то опять закурил, люди продолжали говорить о случившемся. И Гордееву показалось, что произошедшее событие объединило на короткое время людей, сплотило. Постепенно все стали уходить к своим машинам и разъезжаться. Поехал и Виктор Матвеевич.

На даче он поставил машину под лёгкий летний навес. Сразу прошёл к скважине, включил насос, чтобы набрать воды в ёмкости для полива на утро. Были и ещё планы на вечер. Но работа не заладилась сразу. Из головы всё не выходила сбита у дороги собака.

Он ходил в подавленном состоянии, к тому же уже становилось темно. Отключив насос, Виктор Матвеевич пошёл в домик. «Надо бы перекусить», – подумал он. Хотя и на это, если честно, у него тоже не было особого настроения. Он достал из прикроватной тумбочки початую

бутылку водки, нарезал сыра. Уже потемну пошёл и вырвал с гряды несколько головок лука вместе с пером. Помыв лук в свежей воде, пошёл в домик. Налил полстакана водки, выпил, закусил сыром. Немного посидел, настроение не улучшалось.

Он вышел на участок, сел на скамейку у бани, закурил. Картина, увиденная там, на дорожке, не уходила из памяти. Виктор Матвеевич курил и смотрел на звёздное небо. Он и не заметил, как стал прикуривать уже вторую сигарету. Ему сейчас стало вспоминаться далёкое детство и его любимая собака. Было это давно, и был он тогда просто Витькой и сопливым пацаном.

Отец его, Матвей Гордеев, пришёл с войны только осенью сорок шестого. Вернее, не с войны, она-то закончилась. Вернулся из госпиталя, что в Иваново.

В своём последнем бою в марте 1945 года под венгерским озером Балатон он получил несколько ранений и был контужен. Одно ранение очень серьёзное – пуля прошла прямо под сердцем навывлет и серьёзно разворотила спину. С этими ранениями он и провалялся в госпиталях Подмосковья, во Владимире, Иванове. В родную Сибирь вернулся ещё слабым, но на своих ногах, и это было огромным счастьем для пострадавшей семьи. Бабы на селе по-хорошему открыто завидовали Ольге: как же, вернулся муженёк, всё при нём, а остальное поправимо – подлечится, поправится.

Воздух-то родной обязательно пойдёт на пользу. Понимала это и Ольга, радовалась, иногда плакала. Втайне от Матвея часто молилась за мужа у иконки, что осталась от бабушки. И правда, поправляться стал Матвей, лицом свежеть. Через какое-то время о работе стал поговаривать:

– Ну что я, как развалюха какая, сидеть буду дома, да у тебя на шее, – говаривал он вечерами жене, которая к тому времени уже заметно «округлилась», – тем более ты в таком положении. Старших поднимать надо, смотри, вон поизносились все. Да и растут ведь. Женихи-невесты скоро у ворот топтаться начнут.

Пыталась отговорить его жена, что, мол, рано, слабый ещё, ночами вон стонет, мечет-

ся. Раны не зажили, на спине и груди свищи открываются.

Но Матвей был непреклонен. Обнимая жену, улыбался и шутя говорил:

– Эх, мать, руки-ноги целы, прорвёмся! К тому же, сама знаешь, кое-что могу, и не плохо. – И Матвей гладил Ольгу по выступающему животу.

На что она, улыбаясь, отвечала Матвею:

– Это дело нехитрое. А на работе-то как, сдюжишь? Ведь вполсилы не сможешь, характер не тот. А где её найти, работу-то такую, по-твоему состоянию чтобы, где, скажи?

– Ладно, мать. Думать буду. Вон весна уже на подходе, воробы и те копошатся, что-то делают, заботы у них. А я-то что, клушкой старой сидеть буду со стариками по завалинкам? Не пойдёт, не к лицу солдату, ведь сама всё понимаешь!

И однажды апрельским утром Матвей ушёл в колхозную контору к председателю и секретарю партийной организации. Те были в прокуренном небольшом кабинете председателя и что-то бурно обсуждали.

После крепких мужских рукопожатий Матвей Степанович сразу начал с дела:

– Негоже мне, мужики, с дедами самосад-то переводить, как-то уже всё в тягость стало. Надо что-то подумать про меня. Найдите что-нибудь сподручное, по силам моим сегодняшним, – торопясь, говорил Гордеев. – Да, рубаху на груди ещё не рвану, не всё ладно со здоровьем. Но что-то и смогу!

После этого он обратился к секретарю парторганизации Василию Дмитриевичу:

– Понимаешь, Митрич, стыдно перед бабами, что всю войну тут за нас тянули. Стыдно как коммунисту без дела сидеть, когда вокруг проблем столько. Твёрдо вот решил: хватит жирок нагуливать. Тем более, сам знаешь, с Ольгой прибавления ждём.

Только вот что, мужики, бумажки мусолить и в кладовщики не сватайте, не пойду. Пусть там бабёнки в интересном положении отсиживаются.

Секретарь, немного помолчав, ответил:

– Всё верно говоришь, Матвей Степанович, верно и правильно. И нам твоя помощь ой как

Владимир ГЕРАСИМОВ

Прозаик и поэт, коренной сибиряк. Родился 7 ноября 1955 года в Омской области. Там прошли его детство и школьные годы. После окончания филологического факультета пединститута имени П. П. Ершова учительствовал, был директором сельских школ, работал в партийных и торгово-кооперативных органах. Издано десять сборников прозы и стихов. Печатался в журналах: «Берега» (Калининград), «Приокские зори» и «Ковчег» (Тула), «Иван-да-Марья» (Чебоксары), «Культура. Немцы Сибири» (Омск), «Тюмень литературная», «Светоч», «ЛиФФт», в региональных коллективных сборниках, в периодической печати ряда областей. Победитель и лауреат конкурсов различного уровня. С 2000 года живёт и работает в Тюмени.

сгодилась бы. Сам видишь, задыхаемся, народу-то нет. Ведь больше половины не возвратились друзей-то наших. Четверо уже дома от ран тяжёлых прибрались. – Секретарь помолчал, потом, вздохнув, продолжил: – А бабы-то за войну, ты прав, без нас тут все жилы вытянули. А молодёжь, сам знаешь, не втянулась ещё, слабовата. Прокорму-то шибко нет. Хотя, что ни говори, горят на работе, горят! – эмоционально закончил секретарь.

Тут в разговор вступил председатель Алексей Назарович, тоже фронтовик, с войны вернулся без левой руки:

– Матвей, Василий прав. Ты нам очень даже нужен. Ведь посевная на носу. Давай попробуем помощником бригадира по

полеводству в первую бригаду на период сева. Лошадёнку дадим. Будешь воду да харчишки подбрасывать. Контроль опять же, учёт и так далее. – Председатель немного помолчал, потом продолжил: – Стыдно будет плохо-то работать, когда такой герой рядом, да ещё на пригляд встанет. Уважают тебя земляки. А уж молодняк-то и подавно. Не каждый приходит с войны при полной «Славе». Что сказать, герой! Все мы тобой гордимся, – искренне и тепло закончил председатель.

На это Гордеев, махнув рукой, эмоционально сказал:

– Да ладно, мужики! Все мы герои, раз гаду ту раздавили. Особенно те, кто до гнезда того проклятого кровью своей землю и свою, и чужую полил!

Ничего не сказали в ответ Матвею как-то погрустневшие и сразу закутившие фронтовики.

На том с общего согласия и порешили. Домой Гордеев вернулся в приподнятом настроении, немного даже возбуждённый.

В работу включился сразу, с первых дней посевной. Вставал рано, приезжал поздно. Было видно, что нелегко ему даются эти ежедневные мотания по полям, пусть и в кошёвке. Витька слышал сквозь сон иногда, как отец стонал, как мать уговаривала его отказаться от этой работы или хотя бы отлежаться день-два дома. На что Матвей тихо говорил:

– Неужто, мать, ты не видишь? Всем тяжело. – И утром он снова уезжал на работу.

Однажды в конце июня, объехав некоторые участки озимой ржи, посмотрев, в каком состоянии находятся поля, Матвей под вечер возвращался на лошади домой. Лошадь тоже притомилась за день, бежала не спеша. Впереди на просёлочной дороге он заметил старушку. Она шла с ведром ягод. Поравнявшись, он узнал в старой женщине Елизавету Григорьевну, которая во время войны прибыла в деревню с группой эвакуированных из-под Гатчины, что в Ленинградской области. Говорят, что все её родные погибли на фронтах: сыновья, зять и муж. А дочь с внуками потерялась где-то на просторах страны во время эвакуации из Белоруссии.

Матвей Степанович уважительно поприветствовал женщину:

– Что-то припозднилась, мать! Давно идёшь, Григорьевна? Садись, подвезу.

На что женщина устало ответила:

– Спасибо, солдат. С превеликим удовольствием. А припозднилась, потому как сердце что-то сегодня подвело меня. В лес пошла – вроде ничего было, а обратно иду – подводить стало.

В дороге они разговорилась. Старая женщина поведала с большой радостью Матвею Степановичу о том, что нашли её дочь и внуки, все живы, здоровы. Живут теперь в Ярославле, куда во время войны после долгих скитаний попали. И вот теперь она уезжает к ним на Волгу.

Матвей искренне порадовался счастью этой повидавшей много горя на своём веку женщины. За разговорами не заметили, как доехали до деревни. Когда Матвей подвёз Елизавету Григорьевну к старенькому домику, в который её поселили во время войны, женщина, как бы извиняясь, сказала:

– Спасибо тебе, солдат. К сожалению, отблагодарить тебя нечем, скромно, очень скромно живу. – Она помолчала, и было видно, что она хочет ещё сказать что-то. – ...Но вот подарок хочу тебе сделать. Я через неделю уезжаю. Возьми моего щенка себе. Накладно мне прокормить его, да и в дорогу брать боюсь. А собачка хорошая. Прибилась ко мне месяц назад в райцентре, когда в военкомат да в исполком ездила за вестями о солдатах своих да о дочери. Вот так пешком и пришли сюда вдвоём. Мне с ней хорошо было, она ласковая. Вернее, он, кобелёк это. Чёрный, с бабочкой на груди. Такой франт. Гамлетом назвала. Возьми, солдат, не пожалеешь, – тепло закончила она.

Заслышав у дома голоса, за ограду выбежал щенок. Было ему на вид месяца четыре, но порода была видна сразу. Это была хорошая помесь дворняжки с овчаркой. Уже высокий, широкая грудь, украшенная белой бабочкой, стоящие уши и умный взгляд. Щенок смотрел на мужчину ласково, но гордо.

Матвею он сразу понравился. Подойдя к щенку, он погладил его.

– Ну что, дружок, пойдёшь ко мне жить?

Щенок поднял голову и посмотрел на Елизавету Григорьевну, как бы спрашивая женщину: о чём это он?

Григорьевна наклонилась к щенку и ласково погладила его по голове:

– Ступай, милый! Тебе у солдата будет хорошо. Там ребята, семья. А я одна. Да и поеду я, так что прощай! – И женщина отвернулась, стала вытирать набежавшие слёзы. Её одинокое сердце уже привыкло к этому ласковому существу.

Матвей Степанович тихо сказал:

– Ну что ты, мать, не рви себя. Всё будет хорошо. А за щенка спасибо.

– Спасибо и тебе за слово доброе!

– Как соберёшься, дай знать. Поможем, чем можем. – Он некоторое время помолчал. Потом весело скомандовал щенку: – Ну что, друг, по коням!

Подойдя к кошёвке, сказал:

– Прощу! – И указал щенку, куда следует сесть.

Тот отошёл от Елизаветы Григорьевны, оглянулся на неё, словно ждал и её команды. Постоял некоторое время, потом резко с разбегу прыгнул в кошёвку. Матвей попрощался с женщиной, зашёл с обратной стороны, чтобы не тревожить щенка, и сел на своё место. Потом весело сказал:

– Ну что, домой, парень!

Виктор Матвеевич и сейчас помнит, сколько тогда было радости у всех в семье, когда они увидели в кошёвке у отца этого красивого щенка. Во двор высыпала вся ребятня, вышла и Ольга. Дети, перебивая друг друга, стали спрашивать:

– Папа, это теперь наша собачка? Ты её привёз насовсем? Где ты взял такого пёсика?

С вопросом обратилась и Ольга:

– Правда, Матвей, не томи детей. Откуда щенок?

Отец тогда коротко объяснил всем домашним, откуда взял щенка. Сказал, что Елизавета Григорьевна уже кличет его Гамлетом.

Щенок всё это время сидел в кошёвке, как будто ждал своей участи. Ольга безбоязненно подошла и ласково погладила щенка:

– Гамлет! Слово какое-то не наше. – Потом тихо продолжила: – Красивый. Чёрный, как грач весенний. Ну и пусть у нас Чернышом будет.

На что Матвей весело отозвался:

– А что? Соответствует. Как, ребята, согласны? Давайте Чернышом и будем звать. – Он подошёл к щенку, взял его на руки и передал Витьке, который стоял рядом.

Прошло уже столько времени, а Виктор Матвеевич помнит, как билось тогда сердце щенка, когда он прижимал его к себе. Вот так и появился в их семье Черныш, который стал всеобщим любимцем.

С первых дней Черныш не расставался с отцом, всюду был с ним. Отец днями ездил по бригадам, полям. Иногда он брал ребятшек и собаку, и они ехали на озеро ставить сети. Пока отец плавал, они с Чернышом вдоволь резвились в воде. Он становился видным, красивым и сильным.

Незаметно и лето стало скатываться за желтеющие леса. Потом наступила зима. Сколько радости было у Черныша при виде первого снега! Он резвился вместе с ребятами, азартно бегал за сороками, что зачастили из лесу в деревню и всё ближе и ближе подлетали к жилью, чтобы чем-нибудь поживиться. К весне Черныша было не узнать. За зиму он возмужал и стал чем-то походить на сильного матёрого волка. А вот сердце оставалось добрым, как у того ласкового щенка.

После праздника Победы у отца сильно разболелись раны, и он на две недели слёг в районную больницу. Как без него скучал Черныш! Он практически ничего не ел, мог подолгу сидеть за оградой и смотреть в ту сторону, куда по дороге увезли отца на председательской машине.

Проблемы с сердцем и ранами оказались гораздо серьёзнее, чем предполагали врачи. К тому же обнаружили затемнение на лёгком, поэтому лечили и это заболевание. Так что по-прежнему солдат снова на больничных койках. Нанёс урон бюджету райбольницы, как он сам с грустинкой говорил, аппетит-то был у него завидным, несмотря на болезнь.

Дома Матвей Степанович планировал побыть недельку, покохаться с младшенькой

дочкой, которую не видел долгое время и в которой души не чаял, просто дышал ею. Черныш в отсутствие отца был постоянно с Витькой, теперь же парнишку словно и не замечал. От отца не отходил ни на шаг. Ольга по рецепту соседки сделала для мужа какую-то мазь и дважды в сутки смазывала ею раны Матвея. Было тепло, и Ольга часто проделывала эту процедуру во дворе. Матвей снимал рубашку, жена обрабатывала раны, и муж потом сидел и подолгу наслаждался теплом.

Однажды, после очередной такой процедуры, Матвей, разморившись на солнышке, уснул на крылечке, приклонив голову к пристрою. Как рассказывала потом всем Ольга, которая случайно всё это увидела, Черныш, подойдя к спящему мужу, стал слизывать с раны выделяющуюся прозрачную жидкость. Слизывал, тряс и крутил головой, фыркал и снова энергично слизывал. Продолжалось это минут пять. Потом он выбежал вон из ограды. Ольга поведала о том, что видела, мужу и соседу, деду Трофиму, что подошёл покурить с Матвеем. Дед выслушал Ольгу и сказал:

– Ты, девка, давай-ка мажь раны не мазью этой, а попервости сметанкой али ещё чем скусненьким. Пусть псина-то почаще лижет раны. А уже опосля можно и снадобьем твоим. На языке-то у собак много пользительного. Ведь они сами себя врачуют. Вспомните, какие раны были у мово Верного после драки с кобелями. Ить выходил сам себя, всё зализал, как заштопал. – Помолчав, дед продолжал: – А сейчас Черныш бегаёт травку искать, каку ему надо. Найдёт, пожует и сам очистится к тому же.

Ольга с Матвеем вроде как с недоверием отнеслись к словам соседа, но согласились всё исполнить в точности.

Черныш вскоре прибежал домой, был он необычно спокоен и виновато смотрел на Матвея, лежал у его ног, иногда склонял голову на его колени.

На следующий день Ольга всё сделала по совету старика. Матвей снова вышел и сел на крыльцо. Ольга смазала места вокруг ран свежей сметаной. И Матвей шутя дал команду Чернышу:

– Ну что, друг, лечи солдата. – И сам откинулся немного на стенку.

Черныш смело подошёл к хозяину и стал слизывать не сметану, а стал лизать раны. Он старательно вылизывал основную рану под сердцем и делал это с усердием.

Так продолжалось несколько дней. После каждой такой процедуры Черныш убегал из дому. Возвращался всегда неожиданно, был всегда тихим, подавленным.

Что помогло тогда Матвею? Уход и мази жены или «врачевания» четвероногого друга? Один Бог знает. Но раны перестали кровить, отцу заметно полегчало. Вскоре он снова вышел на работу. И, как прежде, Черныш был всегда и везде с ним.

Ушли они из жизни практически одновременно. Произошло это года через три после собачьего врачевания.

Был разгар сенокосной страды. За неделю перед этим отец стал жаловаться на сердце, ему постоянно не хватало воздуха, в груди давило. Его увезли в больницу, там провели обследование, поставили уколы. Но помещать на стационарное лечение не стали, так как в корпусе делали ремонт, везде пахло краской. Предложили Матвею подлечиться с недельку в области в кардиологическом отделении, но отец тогда наотрез отказался, сказав, что вроде как стало получше. Ему выписали лекарства и отправили домой с условием, что через неделю он непременно приедет на полное обследование и лечение.

Утрами, по холодку, он старался что-то делать: отбивал литовки, насаживал новые вилы, ремонтировал деревянные грабли для покоса, одним словом, занимал себя, старался и в таком положении быть полезным. А днём, в самый жар, уходил в пристрой к бане, где у него был топчан, и подолгу лежал, закрыв глаза, или иногда читал.

В тот трагический день все с утра поехали на покос, надо было закончить копнуть подсухшее сено. Работы для артели было немного, к обеду домашние обещали вернуться. Младшую, Дашеньку, завезли к бабушке, что жила на берегу озера на другом конце села. Матвея

оставили одного на хозяйстве с условием, что никакой работы он до приезда делать не будет, единственное – к обеду подтопить баньку. На этот раз и Черныш увязался со всеми.

Работа на покосе спорилась, все трудились с охотой, часто слышен был смех, ребята отпускали шутки. Ольга иногда поругивала старших и своего брата, чтобы не торопились и делали работу на совесть. Погода стояла замечательная, обдувал лёгкий ветерок, и копны на их покосе росли как грибы. Черныш иногда срывался за сороками, с весёлым лаем бегал за бабочками и стрекозами. Вволю набегавшись, лежал в тени. Работы уже оставалось немного, у молодёжи было хорошее настроение – скоро домой, а там – на озеро. Вдруг Черныш залаял, потом подбежал к Ольге и стал лаять ещё сильнее и громче. Он несколько раз отбегал от неё, потом снова возвращался и продолжал лаять. Потом сорвался с места и стремительно побежал с покоса в сторону села.

Ольга сердцем почувствовала, что дома неладно. Она опустила сено и выдохнула: – Матвей! Ребята, что-то с отцом!

Виктор Матвеевич хорошо помнит, как старшие торопливо стали запрягать лошадь, побросав весь инструмент под кусты. Как гнали лошадь, как быстро доехали до села, благо оно было недалеко от покоса. Мать и Витька тогда спрыгнули с телеги, не доезжая до дома, и побежали. Уже приближаясь к дому, они услышали вой Черныша, и Витьке стало не по себе. Вбежав во двор, они увидели на крыльце отца, он сидел на своём любимом месте, прислонившись к дощатой стенке нового пристроя-навеса. Рядом сидел Черныш. Увидев Ольгу с Витькой, он жалобно заскулил, из его собачьих глаз текли слёзы. Это были слёзы настоящего друга, который уже ничем не мог помочь своему хозяину. Ольга поняла, Матвей мёртв. Не выдержало сердце солдата.

Хоронили отца со всеми почестями. Прибыло много военных из района и области. С районным военным комиссаром приехало несколько солдат с автоматами. Были речи, были прощальные залпы на кладбище. И про-

щальный вой Черныша, этот вой давил всем на сердце.

После похорон Черныша посадили на привязь. Но он своим жалобным воем разрывал сердца и домашним, и соседям. И Ольга попросила Виктора, чтобы он отпустил пса на время. Почувствовав свободу, Черныш стремглав выбежал из ограды. Всем было понятно, собака убежала на кладбище. Вернулся пёс дня через два-три. Он вошёл в ограду пошатываясь, Черныш стал худым, сразу лёг у крылечка, где обычно сидел Матвей. Пёс ни к чему не притрагивался, что бы ему ни предлагали. Однажды утром его снова не стало на привычном месте у крыльца, не было и в будке. Но он приходил, а утрами снова убежал.

А потом Черныш не пришёл совсем. Нашли его тогда на могиле отца. Пёс был мёртв. С тяжёлым чувством ещё одной утраты похоронили они любимого Черныша в лесочке, что рядом с кладбищем. Сильно плакали тогда все родные над его холмиком. Оборвалась нить, которая связывала их с отцом и мужем.

Занемело тогда сердце у парнишки, сразу две потери, два горя. Долго не отходило, осталось всё это в памяти на всю его жизнь. С той поры Виктор Матвеевич никогда не держал собак. Не может. Страшно трудно терять настоящих и преданных друзей, таких, каким был для их семьи Черныш.

ЮНЫЕ ПАТРИОТЫ

Воспитанники «Центра патриотического воспитания им. генерала армии Н. Е. Рогожкина» принимают активное участие в патриотических мероприятиях города Мичуринска, областного центра, соревнованиях военно-спортивной направленности, становятся призёрами турниров по смешанным единоборствам, пополняют ряды курсантов военных училищ и спецподразделений Российской армии.

30 ноября 2019 года четверо воспитанников военно-спортивного клуба «Дружина» Центра под руководством специалиста по работе с молодёжью К. А. Графова приняли участие в IV Межрегиональных военно-патриотических сборах имени Героя России Д. С. Кожемякина в г. Коврове Владимирской области. Наши воспитанники прошли огневую, военную, физическую подготовку, участвовали в исторической викторине, провели встречные бои и захват базы по лазертагу, марш-бросок. Получили уникальный опыт по выносливости, точности, скорости ведения боя и знания по истории Отечества.

1 декабря 2019 года в спортивном комплексе «Подмосковье» г. Щелково Московской

области состоялся Всероссийский фестиваль единоборств «Наследие». Организатором соревнований выступила Общероссийская организация по развитию смешанных единоборств «ОСЕ». Было разыграно более 100 комплектов наград по четырём дисциплинам – тайскому боксу, дзюдо, ОСЕ, ножевому бою. Среди участников фестиваля были 12 воспитанников военно-спортивного клуба «Витязь» Центра. Ребята достойно показали себя и на этом фестивале, в дисциплине по смешанным единоборствам, заняв призовые места.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ НАГРАД – 2019

«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ» – ЭТО САМАЯ МАСШТАБНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ДОСТИЖЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ, НАСЫЩЕННАЯ ДЕЛОВАЯ ПРОГРАММА И КОНКУРСЫ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ ОТРАСЛИ.

В НАШЕМ ЖЕ СЛУЧАЕ ЛИСТОПАД НАГРАД ДЛЯ ЖУРНАЛА НАЧАЛСЯ ИМЕННО С ЭТОГО МЕРОПРИЯТИЯ. В РАМКАХ КОНКУРСНОЙ ПРОГРАММЫ 21-Й РОССИЙСКОЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ «ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ – 2019» МИНИСТЕРСТВОМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ БЫЛ ОРГАНИЗОВАН КОНКУРС ПО РАЗЛИЧНЫМ НОМИНАЦИЯМ.

На торжественной церемонии 11 октября сразу золотой медали и диплома, а также серебряной медали был удостоен главный научный сотрудник ВНИОПТУСХ – филиала ФНЦ «ВНИИЭСХ» Анатолий Труба за серию монографий по экономике и управлению в сельском хозяйстве.

Тремя днями позднее, с 14 по 18 октября 2019 года, в Ставропольском крае прошёл заключительный этап юбилейного, X Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Во время проведения финальной части форума перед читателями выступило более 60 литераторов, а перед зрителями – более 20 популярных артистов театра и кино. Мероприятия форума посетили свыше 4000 зрителей. Жюри подвело итоги творческого конкурса и наградило победителей.

Обладателем золотого диплома в номинации «Проза» стал главный редактор «Александра» из Тамбовской области Анатолий Труба за книгу «Трудное решение».

25 октября в Москве в конференц-зале «Москва» Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) и Международный пресс-клуб подвели итоги XV Всероссийского конкурса публицистических работ молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы, «Вызов – XXI век».

Конкурс проводится при поддержке Союза журналистов России среди молодых журналистов (до 25 лет) – работников СМИ, а также нештатных авторов по опубликованным в печати и интернете в августе 2018 – июле 2019 года материалам.

На федеральный этап конкурса поступило 558 работ из 92 городов и других населённых пунктов и 234 СМИ Российской Федерации. Для участия в конкурсе представлялись интервью, репортажи, статьи, очерки, материалы на электронных ресурсах в интернете.

Одним из лауреатов конкурса в номинации «Вызов – культура и искусство» стал системный администратор литературно-исторического журнала «Александръ», ученик 11-го класса Кирилл Труба за очерк о театре Армена Джигарханяна. Кирилл стал единственным конкурсантом из Тамбовской области, удостоенным столь высокой награды.

31 октября 2019 года в Сергиевском зале храма Христа Спасителя состоялось торжественное вручение дипломов и памятных призов лауреатам XIV Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу». Конкурс проводится по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Организатор конкурса – Издательский совет Русской православной церкви при поддержке

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

На XIV призовой сезон Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» было подано 159 книг от 51 издательства, трёх епархиальных издательских отделов, шести епархий и Синодального отдела по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами. География конкурса охватила регионы Российской Федерации и страны СНГ (Украина, Беларусь).

2-е место в номинации «Лучшее издание по истории Русской Православной Церкви в XX веке и казачеству» было присуждено АНО «Социальный центр "Александръ"» (Тамбовская область) за книгу «Тамбовские казаки», составители: Анатолий Труба, Владимир Векленко.

В самом конце уходящего года, 17 декабря, в здании на Комсомольском проспекте прошёл последний в 2019 году секретариат Союза писателей России, на котором были подведены итоги уходящего года.

В отчёте председателя правления СПР Николая Фёдоровича Иванова Тамбовская область и конкретно город Мичуринск упоминались семь раз – это значительно чаще, чем любой другой регион России, уступила даже Москва.

Так, были особо отмечены проведённые в конце октября в Мичуринске выездной секретариат СПР и творческая встреча в Тамбове. Данные мероприятия получили высокую оценку за организацию, в связи с этим стало возможным запланировать очередной выездной секретариат под руководством Николая Фёдоровича Иванова на апрель 2020 года в городе Мичуринске, подготовка к нему уже ведётся. Таким образом, воплотится в жизнь слово, данное главой города Максимом Викторовичем Харниковым, сделать наукоград «литературной столицей» Тамбовщины. При этом география значительно расширяется, и Мичуринск становится постоянным центром осуществляемого Союзом писателей России проекта по защите родной природы, ранее эту функцию выполнял город Орёл. Секретари СПР восприняли данное предложение воодушевлённо, и сразу трое присутствующих попросили записать их в делегацию для поездки на мероприятие.

Кроме того, на мероприятии был отмечен литературно-исторический журнал «Александръ», а главный редактор Анатолий Труба награждён почётной грамотой СПР «За сохранение русского литературного слова, активное участие в деятельности Союза писателей России».

